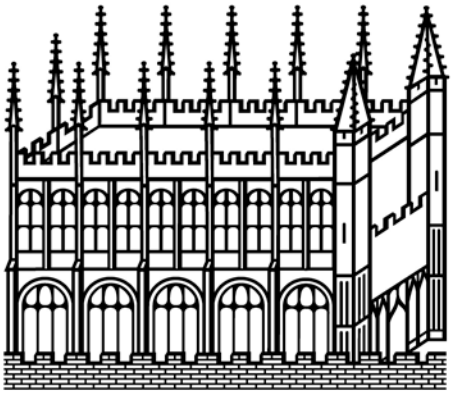

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

45, quai Voltaire, à Paris.

LA TOUR DE BABEL
(Anc. maison TH. BARROIS)
airie orientale et européenne
. Pères grecs et latins, Conciles
rgie. Livres sur l'Amérique
et les Beaux-Arts,
Livres à figures, etc., etc.

1391

1579 Lomonosoff.

303. f. 11.

Librairie Orientale & Américaine
MAISONNEUVE FRÈRES
RUE DU SABOT - PARIS (VIe)
Livres Anciens & Modernes
istoire, Géographie, Voyages.
Linguistique, Ethnographie,
Archéologie, etc...
e l'Europe, l'Asie, l'Afrique,
l'Amérique, l'Océanie.

Confined to Library
Vet. Slav. II B. 23

TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU MINA TIO MEA

NEVILL FORBES BEQUEST

Vet. PG 3316. A6. S6 (1)

TAYLOR INST.
OXFORD

Московской здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію,
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ,
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

А. Колпашниковъ

СОБРАНІЕ

РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

Михайлы Васильевича Ломоносова.

Изданіе новое исправленное,

съ присовокупленіемъ обстоятельнаго описанія сочинителевой жизни, взятыя изъ Московскаго и Академическаго изданія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ Санктпетербургѣ,

съ Указнаго дозволенія печатано въ типографіи Шнора, 1803 года.

LIBRARY OF THE TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
25 SEP 1936
OF OXFORD

ЖИЗНЬ

Михайлы Васильевича Ломоносова. (*)

Михайла Васильевичъ Ломоносовъ, Статскій Совѣтникъ, Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ Профессоръ, Стокгольмской и Бононской членъ, родился въ Холмогорахъ въ 1711 году отъ промышленика рыбныхъ ловлей. Юныя лѣта препроводилъ съ отцемъ своимъ, ѣздя на рыбные промыслы; но будучи обученъ Россійской грамотѣ и писать, прилѣжалъ онъ болѣе всегда по врожденной склонности къ чтенію книгъ; и какъ по случаю попалась ему псалтирь, преложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ; то читавъ оную многократно, такъ пристрастился къ стихамъ, что получилъ желаніе обучаться стихотворству. По чему сталъ онъ навѣдываться, гдѣ можно обучишься сему искуству. Услышавъ же, что въ Москвѣ есть такое училище, гдѣ преподаются правила сей науки, принялъ непремѣнное намѣреніе уйти отъ своего отца. Къ сему его побудило и упорное желаніе его родителя,

(*) Взята изъ Опыта Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ напечатаннаго въ Санктпетербургѣ 1772 года.

TAYLOR INST. OXFORD

дабы женить его по неволѣ. Вскорѣ потомъ исполнилъ онъ свое намѣреніе, оставилъ домъ родительскій, пришелъ въ Москву, и вступилъ въ Заиконоспасское Училище, въ которомъ съ великимъ прилѣжаніемъ обучался Латинскому и Греческому языкамъ, Риторикѣ и Стихотворству.

Въ 1734 году взятъ онъ былъ изъ онаго училища въ Императорскую Академію наукъ, и отправленъ въ 1736 году Студентомъ въ Германію. По пріѣздѣ въ Марбургъ, что въ Гессенской землѣ, порученъ онъ былъ съ товарищами своими Райзеромъ и Виноградовымъ наставленіямъ славнаго Барона Вольфа. Въ Марбургѣ пробылъ онъ четыре года, упражняясь въ Химіи и въ принадлежащихъ къ ней наукахъ. Потомъ поѣхалъ въ Саксонію, и тамъ подъ смотрѣніемъ славнаго Химика Генкеля осмотрѣлъ всѣ горныя и рудокопныя работы, въ горномъ округѣ производимыя. Наконецъ возвратился онъ въ Санктпетербургъ въ 1741 году студентомъ же.

Около сего времени оказалъ онъ первые опыты столь гремѣвшаго не только въ Россіи, но и въ чужестранныхъ о-

бластяхъ Лирическаго стихотворства, сочинивъ торжественную оду и нѣсколько по томъ другихъ. Между тѣмъ болѣе всего прилѣжалъ къ Химіи и къ прочимъ ея частямъ, и столько въ оной успѣлъ, что отъ Императорской Академіи Наукъ поручено ему было находящійся при Кунсткамерѣ минеральный кабинетъ привести въ порядокъ. Г. Ломоносовъ исполнилъ порученное ему дѣло съ такимъ искуствомъ, прилѣжаніемъ и исправностію, что Академія, уважая его знаніе и труды, произвела его Адъюнктомъ въ 1742 году.

По произведеніи его продолжалъ упражняться онъ въ Химіи; а въ 1745 году по указу изъ Правительствующаго Сената, основанномъ на свидѣтельствахъ всѣхъ членовъ Академіи наукъ, произведенъ онъ былъ Профессоромъ Химіи.

Въ 1751 году г. Ломоносовъ пожалованъ былъ Коллежскимъ Совѣтникомъ. Въ 1752 году по данной ему привилегіи учредилъ онъ бисерную фабрику, и началъ упражняться въ мозаикѣ; и какъ въ Россіи первый былъ онъ изобрѣтатель мозаическаго искуства, то и поручено ему было трудиться въ составленіи большой мозаической картины, предствля-

ющей знаменитѣйшія дѣла ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Г. Ломоносовъ окончилъ сей трудъ Россійскими матеріалами и мастерами безъ всякой помощи отъ иностранныхъ. Къ составленію сей картины изобрѣлъ онъ всѣ составы и разныя махины, и оную сдѣлалъ такой величины, какой мозаической картины по сіе время въ цѣломъ свѣтѣ еще не бывало.

Въ 1751 году Февраля 13 дня опредѣленъ онъ былъ Членомъ въ Академическую Канцелярію; а въ 1760 году Февраля 14 дня поручены въ полное его смотрѣніе Академическая Гимназія и Университетъ.

1764 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ г. Ломоносовъ пожалованъ былъ Статскимъ Совѣтникомъ, въ которомъ чину и пробылъ онъ до кончины своей, воспослѣдовавшей 1765 года Апрѣля въ 4 день къ великому сожалѣнію всѣхъ любителей словесныхъ наукъ. Тѣло его съ богатою церемоніею погребено въ Александроневскомъ монастырѣ Императорскимъ иждивеніемъ; а на гробѣ его поставленъ мраморный столпъ иждивеніемъ покойнаго Канцлера Графа Михайла Ларіоновича Воронцова съ слѣдующими Россійскою и Латинскою надписями:

Въ память
славному мужу
МИХАИЛУ
ЛОМОНОСОВУ,
родившемуся въ Холмогорахъ
въ 1711 году,
бывшему
Статскому Совѣтнику,
Императорской Санктпетербургской
Академіи Наукъ
Профессору
Стокгольмской и Бононской
Члену,
Разумомъ и науками превосходному, знатнымъ
украшеніемъ Отечеству служившему,
Краснорѣчія, Стихотворства
и
Исторіи Россійской
учителю,
Мусіи первому въ Россіи безъ руководства
изобрѣтателю,
преждевременною смертію отъ Музъ и Отечества на дняхъ святыя Пасхи 1765 года
похищенному,
ВОЗДВИГЪ СІЮ ГРОБНИЦУ
ГРАФЪ
Михайло Воронцовъ,
славя Отечество съ такovымъ гражданиномъ,
и горестно соболѣзнуя о его кончинѣ.

Viro Celeberrimo,
MICHAËLI LOMONOSOW,
Kholmogorodi nato, Anno MDCCXI.
Augustae Russiarum Imperatricis
Consiliario Status,
Professori Publico ordinario
Academiae Scientiarum
Petropolitanae,
Holmensis et Bononiensis socio,
Qui ingenio excelluit et artibus,
Patriae decus eximium,
Eloquentiae, Poëseos
et
Historiae Patriae Praeceptor,
Metri Russici institutor,
Tragediarum in Vernacula Auctor,
Primus Musivi operis in Russia
pictor Avtodidactos.
Praematura morte Musis
Atque Patriae feriis Paschatos
MDCCLXV scriptis
et
operibus oblivioni ereptus:
Talem civem gratulans Patriae,
obitum eius lugens
MICHAËL COMES A WORONZOW
Posuit.

Сей мужъ былъ великаго разума, высокаго духа и глубокаго ученія. Сколь отмѣнна была его охота къ наукамъ и ко всѣмъ человѣчеству полезнымъ знаніямъ, столь мужественно и вступилъ онъ въ путь къ достиженію желаемаго имъ предмета. Стремленіе преодолѣвать всѣ случавшіяся ему въ томъ препятствія награждено было благополучнымъ успѣхомъ. Бодрость и твердость его духа оказывались во всѣхъ его предпріятіяхъ. Начавъ учиться иностраннымъ языкамъ въ такихъ уже лѣтахъ, въ коихъ многіе за невозможность почитаютъ въ нихъ упражняться, достигъ онъ до великаго совершенства. На Нѣмецкомъ языкѣ писалъ и говорилъ, какъ почти на своемъ природномъ. Латинской зналъ очень хорошо, и писалъ на немъ. Французской и Греческій разумѣлъ не худо; а въ знаніи Россійскаго языка, яко природнаго и имъ много вычищеннаго и обогащеннаго, почитался онъ въ свое время въ числѣ первыхъ. Слогъ его былъ великолѣпенъ, чистъ, твердъ, громокъ и пріятенъ. Предпріимчивость сколь часто бываетъ въ другихъ порокомъ, столь многократно ему приобрѣтала похвалу. Онъ упра-

жнялся во всѣхъ философическихъ и словесныхъ наукахъ, въ Химіи съ ея разными частями, а особливо прилѣжалъ къ физикѣ экспериментальной, которую и перевелъ на языкъ Россійскій; въ Механикѣ и въ Исторіи нашего Отечества. Стихотворство и краснорѣчіе съ превосходными познаніями правилъ и красоты Россійскаго языка столь великую принесли ему похвалу не только въ Россіи, но и въ иностранныхъ областяхъ, что онъ почитается въ числѣ наилучшихъ лириковъ и ораторовъ. Его похвальныя оды, надписи, поема ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ и похвальныя слова принесли ему безсмертную славу. Нравъ имѣлъ онъ веселый, говорилъ коротко и остроумно, и любилъ въ разговорахъ употреблять острыя шутки. Къ Отечеству и друзьямъ своимъ былъ вѣренъ; покровительствовалъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ и ободрялъ ихъ. Въ обхожденіи былъ по большой части ласковъ, къ искателямъ его милости щедръ; но при всемъ томъ былъ горячъ и вспыльчивъ. Сочиненія его суть слѣдующія: Двѣ части разныхъ стихотвореній содержатъ въ себѣ духовныя и похвальныя оды,

надписи, двѣ пѣсни героической поемы ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, похвальныя слова и другія стихотворенія; Россійская Грамматика, Риторика, краткой Россійской лѣтописецъ, первая книга древней Россійской Исторіи, краткое понятіе о физикѣ, Металлургія, двѣ трагедіи Тамира и Селимъ и Демофонтъ; и ученыя разсужденія о разныхъ матеріяхъ. Волфіанская экспериментальная физика съ Латинскаго языка имъ переведенная. Я не могу разпространиться въ похвалѣ сему великому писателю; а довольно будетъ, когда сообщу изъ эпистолы г. Сумарокова слѣдующіе стихи:

Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси:
Онъ нашихъ странъ Малгербъ, онъ Пиндару подобенъ.

Также стихи Г. Поповскаго къ его портрету:

Московской здѣсь Парнассъ изобразилъ Вишію,
Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію;
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ;

Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

И наконецъ стихи Михайла Матвѣевича Хераскова.

Великій Ломоносовъ!
Ты долго прославлялъ
Гремящей лирой Россовъ
И всѣхъ насъ удивлялъ.
Россійскую державу,
Ея Монарховъ славу
Вознесши къ небесамъ,
Взлетѣлъ туда и самъ.
Когда ЕЛИСАВЕТУ
Пѣвалъ ты передъ ней,
Всему вѣщалъ ты свѣту
Спокойство нашихъ дней.
Рокъ люшый разрушаетъ
Художествъ прудный даръ:
Но въ вѣкъ не пошушаетъ
Піиповъ сильной жаръ.
Твоихъ героевъ вѣчно
Свѣтъ будетъ почитать,,
И будетъ безконечно
Стихи твои читать.
Почто еще и нынѣ
На свѣтѣ не живешь?
Почто ЕКАТЕРИНѢ
Похвалъ ты не поешь?

Твоя гремяща лира
Достойною была
Для всѣхъ предѣловъ міра
Воспѣшь Ея дѣла.
Когда Анакреону
Ошвѣпы дѣлалъ шы,
Его имѣлъ корону,
Его въ рукахъ цвѣпы;
Въ спихахъ его погудки
Пріяшно повшорялъ,
Къ любви прибавя шушки,
Въ свирѣли шы игралъ:
И лира и свирѣлки,
И важносшь и бездѣлки
Чрезъ швой священный гласъ
Плѣняшь умѣли насъ.

Изъ сочиненій его переведены на иностранные языки слѣдующія: Грамматика, краткой лѣтописецъ и Россійская Исторія на Нѣмецкій; утреннее и вечернее размышленія о величествѣ Божіемъ на Французскій; похвальное слово ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ перевелъ онъ самъ на Латинской языкъ, а ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ Панегерикъ переведенъ на Французской Барономъ Чуди. Г. Ломоносовъ имѣлъ переписку со многими учеными людьми въ Европѣ. Библіотека его

и манускрипты по смерти его куплены Княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ.

При семъ такъ же для любопытства читателей въ доказательство, въ коликомъ уваженіи и славѣ былъ Г. Ломоносовъ для учености своей и въ чужестранныхъ Государствахъ между учеными тогдашняго времени мужами, прилагается нѣкоторое число отрывковъ выбранныхъ самимъ Г. Ломоносовымъ изъ писемъ, частію къ нему самому писанныхъ, а отъ части къ Графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому и въ Академію.

1.

Одобреніе Г. Профессора Вольфа на Латинскомъ языкѣ лисанное.

Молодой человѣкъ преимущественнаго остроумія Михайло Ломоносовъ съ того времени, какъ для ученія въ Марбургъ пріѣхалъ, прилѣжно Математическія, Философическія, а особливо Физическія лекціи слушалъ, и чрезвычайно привязанъ былъ къ основательному ученію. Ежели впредь съ такимъ раченіемъ простираться будетъ; то не сомнѣваюсь,

чтобы возвратясь въ Отечество, не принесъ пользы; чего сердечно желаю. Дано въ Марбургѣ 1739 года Іюля 20 дня.

Христіанъ Вольфъ

Акад: Марбург: Проректоръ.

2.

Сколь много я удивлялся проницательности и глубинѣ вашего остроумія въ изъясненіи крайне трудныхъ химическихъ вопросовъ; такъ равномѣрно ваше письмо мнѣ было пріятно.... Изъ сочиненій вашихъ съ превеликимъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я, что въ истолкованіи химическихъ дѣйствій далече отъ принятаго у Химиковъ порядка отступили, и съ обширнымъ искуствомъ въ практикѣ высокое знаніе съ обширнымъ искуствомъ всюду соединяете. По сему не сумнѣваюсь, что бывы нетвердыя еще и сомнительныя основанія сея науки не привели къ совершенной достовѣрности, такъ что ей послѣ мѣсто въ физикѣ по справедливости дано быть можетъ. *Эйлеръ въ лисьмѣ къ Г. Лом: отъ* 23 *Марта* 1748 *года.*

3.

Колико тонки и глубоки ваши разсужденія, которыхъ сообщеніемъ вы дали мнѣ чувствительный знакъ своей ко мнѣ дружбы и благосклонности! . . . Прошу извинить меня, что я не могъ ранѣе сообщить своего отвѣта; ибо мысли о толь трудныхъ и сокровенныхъ вещахъ требуютъ времени. *Онъ же въ лисьмѣ отъ 24 Августа* 1748 *года.*

4.

Я съ великимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы въ Академическихъ комментаріяхъ ученому свѣту себя показали; чѣмъ вы великую честь принесли своимъ соотчичамъ. Я желаю, чтобы вашему примѣру и другіе послѣдовали, и проч. *Вольфъ въ лисьмѣ изъ Галы отъ 6 Августа* 1753 *года.*

5.

Въ томъ же томѣ содержится экстракт XIV тома Академическихъ комментаріевъ, гдѣ я пространно и съ удовольствіемъ описалъ вашу изящную диссертацію о свѣтлости металловъ. *Формей въ лисьмѣ изъ Берлина отъ 27 Октября* 1753 *года.*

6.

Всѣ сіи диссертаціи не токмо хороши, но и весьма превосходны: ибо онъ пишетъ о матеріяхъ Физическихъ и Химическихъ весьма нужныхъ, которыхъ понынѣ не знали, и истолковать не могли самые остроумные люди, что онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ о справедливости его изъясненій. При семъ случаѣ долженъ я отдать справедливость Г. Ломоносову, что имѣетъ превосходное дарованіе къ изъясненію Физическихъ и Химическихъ явленій. Желательно, чтобы и другія Академіи въ состояніи были произвесть такія откровенія, какія показалъ Г. Ломоносовъ и проч. *Эйлер: въ лисьмѣ между прочимъ къ Графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому.*

7.

Какъ я всегда удивлялся щастливому вашему остроумію, которымъ въ толь разныхъ наукахъ превосходствуете, и естественныя явленія съ особливымъ успѣхомъ теоретически изъясняете; такъ пріятно мнѣ было ваше извѣстіе ... Достойное васъ есть дѣло, что вы стеклу всевозможные цвѣты дать може-

те. Здѣшніе Химики сіе изобрѣтеніе почитаютъ за важное дѣло. *Эйлер : въ лисьмѣ изъ Берлина отъ* 30 *Марта* 1754 *году.*

8.

Приношу вамъ должное мое благодареніе за актъ Академической и за программу, достойное вашей славы сочиненіе, сообщеніемъ котораго угодно было вамъ удостоить меня, и проч. *Кондамин: въ лисьмѣ изъ Пломберіи въ Лотарингіи Августа дня* 1754 *года.*

9.

Желая служить вамъ во всемъ, что только отъ меня зависитъ, и нашедши случай отъ части то выполнить, препровождаю при семъ къ вамъ листки изъ моего журнала, гдѣ оная ваша диссертація напечатана. Самый долгъ требовалъ того, чтобы защитить толь праведное ваше дѣло отъ такихъ несправедливыхъ поносителей. *Формей изъ Берлина отъ* 27 *Маія* 1755 *года.*

10.

Того ради стараніе тѣхъ, которые въ семъ дѣлѣ трудятся всегда великую похвалу заслуживаетъ. Тѣмъ болѣе вамъ должно отдавать всю справедливость,

что вы сей важный вопросъ изъ тьмы изторгнули, и положили счастливое начало его изъясненію. *Эйлеръ изъ Берлина отъ* 11 *Февраля* 1755 *года.*

11.

Проницательнаго Г. Ломоносова разсужденіе о теченіи сей тонкой матеріи въ облакахъ великою помощію послужитъ тѣмъ, которые въ разрѣшеніи сего вопроса силы свои изслѣдовать пожелаютъ. Весьма такъ же изрядны размышленія его о низхожденіи верхняго воздуха и о внезапныхъ отъ того морозахъ. *Эйлеръ въ Академію изъ Берлин.* 1754 *года.*

ЖИЗНЬ

Его же пространнѣе описанная, взятая изъ полнаго собранія твореній его напечатанныхъ при Санктпетербургской Академіи Наукъ.

Михайла Васильевичъ Ломоносовъ родился 1711 года въ Двинскомъ уѣздѣ въ Куроспровской волости въ деревнѣ Денисовской, на болотѣ тоже, на островѣ лежащемъ недалеко отъ Холмогоръ.

*

Отецъ его Василій Дороѳеевъ Государственной крестьянинъ житель сей волости былъ промысломъ рыбакъ (1). Началъ брать его отъ десяти до шестнадцатилѣтняго возраста съ собою въ каждое лѣто и каждую осень на рыбныя ловли въ Бѣлое и Сѣверное море. Ѣздилъ съ нимъ даже до Колы, а иногда и въ сѣверной Океанъ до 70 градусовъ широты мѣста. Самъ онъ разсказывалъ объ обстоятельствахъ сихъ странъ, о ловлѣ китовъ и о другихъ промыслахъ.

---

(1) Онъ первой изъ жителей сего края сострои-лъ и по Европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ, и прозвалъ его Чайкою; ходилъ на немъ по сей рѣкѣ, по Бѣлому Морю и сѣверному Океану для рыбныхъ промысловъ, и изъ найму возилъ разные запасы, казенные и частныхъ людей отъ города Архангельскаго въ Пустозерскъ, въ Соловецкой Монастырь, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Семояди и на рѣку Мезень.

Возвращаясь съ рыбныхъ промысловъ, провождалъ зиму дома. Въ селеніи своемъ научился у одного тамошняго священнослужителя (2) читать и писать по Руски, читалъ обыкновенно одни только церковныя книги, и когда прашивалъ у учителя своего свѣтскихъ; то сей обыкновенно отвѣчалъ ему, что для приобрѣтенія большаго знанія и учености требуется знать языкъ Латинской; а сему не индѣ можно научиться, какъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ или Петербургѣ; что въ сихъ только городахъ довольно книгъ на томъ языкѣ. Простой

---

(2) Чрезъ два года учинился къ удивленію всѣхъ лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви. Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика, что нерѣдко биванъ былъ не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносить читаемое къ мѣсту разстоновочно, внятно, а при томъ и съ особою пріятностію и ломкостію голоса.

Ариѳметикѣ (3) выучился онъ самъ собою. (4)

Долгое время питалъ онъ въ себѣ желаніе убѣжать въ которой нибудь изъ сказанныхъ городовъ, чтобъ вдаться

---

(3) Въ домѣ Христофора Дудина увидѣлъ онъ въ первой въ жизни своей разъ не духовныя книги. То были старинная Славенская Граммашика и Ариѳметика напечатанная въ Санктпетербургѣ въ царствованіе Петра Великаго для Навигацкихъ учениковъ. Неотступныя и усильныя прозьбы, чтобъ старикъ Дудинъ ссудилъ его ими на нѣсколько дней, оставалися всегда тщетными. Отрокъ пылающій ревностію къ ученію, долгое время умышленно угождая премъ стариковымъ сыновьямъ, довелъ ихъ до того, что выдали они ему сіи книги. Отъ сего самаго времени не разставался онъ съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою, и непрестанно читая, вытвердилъ наизусть. Самъ онъ потомъ называлъ ихъ врашами своей учености.

(4) На пятнадцатомъ году младый его разумъ уловленъ былъ раскольниками, такъ называемаго толка Безпоповщины; держался онаго два года; но скоро позналъ, что заблуждаетъ.

тамъ наукамъ. Нетерпѣливо нажидалъ случая. На 17 году возраста своего напослѣдокъ оной открылся. Изъ селенія его отправлялся въ Москву караванъ съ мерзлою рыбою. Всячески скрывая свое намѣреніе, по утру смотрѣлъ, какъ будто изъ одного любопытства, на выѣздъ сего каравана. Слѣдующею ночью, какъ всѣ въ домѣ отца его спали (5), надѣвъ двѣ рубашки и нагольной тулупъ, погнался за онымъ въ слѣдъ. Въ третій день настигъ его въ 70 уже верстахъ. Караванной прикащикъ не хотѣлъ прежде взять его съ собою; но убѣжденъ былъ прозьбою и слезами, чтобъ далъ ему посмотрѣть Москвы, наконецъ согласился. Чрезъ три недѣли прибыли въ столичный сей городъ. Первую ночь проспалъ Ломоносовъ въ обшевняхъ у рыбнаго ряду. Назавтрее проснулся такъ рано, что еще всѣ товарищи его спали. Въ Москвѣ не имѣлъ ни одного знакомаго человѣка; отъ рыбаковъ съ нимъ пріѣхавшихъ не могъ

---

(5) Не позабылъ взять съ собою любезныхъ своихъ книгъ, составлявшихъ тогда всю его Библіотеку, т. е. Грамматику и Ариѳметику.

ожидать никакой помощи ; они занимались продажею только рыбы своей, совсѣмъ объ немъ не помышляя. Овладѣла душею его скорбь; началъ горько плакать; палъ на колѣна; обратилъ глаза къ ближней церкви, и молилъ усерно Бога, чтобы его призрилъ и помиловалъ.

Какъ уже совсѣмъ разсвѣло, пришелъ какой то господской прикащикъ покупать изъ обоза рыбу. Былъ онъ землякъ Ломоносову, коего лице показалось ему знакомо. Узнавъ же, кто онъ таковъ и объ его намѣреніи, взялъ къ себѣ въ домъ и отвелъ для житья уголъ между слугами того дома.

У караваннаго прикащика былъ знакомой монахъ въ Заиконоспаскомъ монастырѣ, которой часто къ нему хаживалъ. Чрезъ два дни послѣ пріѣзда его въ Москву пришелъ съ нимъ повидаться. Представя онъ ему молодаго своего земляка, разсказалъ объ его обстоятельствахъ, о чрезмѣрной охотѣ къ ученію , и просилъ усильно постараться, чтобъ приняли его въ Заиконоспаское училище. Монахъ взялъ то на себя, и исполнилъ самымъ дѣломъ. И такъ учинился нашъ Ломоносовъ ученикомъ въ семъ монасты-

рѣ (6). Дома между тѣмъ долго его искали, и не нашедъ нигдѣ, почитали пропавшимъ до возвращенія обоза по послѣднему зимнему пути: тогда уже узнали, гдѣ онъ и что онъ.

Въ Монастырѣ обучался Ломоносовъ (7) съ великою охотою, и оказалъ при-

---

(6) А какъ не принимаютъ въ сію семинарію положенныхъ въ подушной окладъ; то назвался Ломоносовъ дворянином. Покойный Новгородскій Архіерей Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Кіевѣ его узнавъ, и полюбя за отмѣнные въ наукахъ успѣхи, призвалъ къ себѣ и сказалъ ему: ... ,, Не бойся ничего; хотя бы со звономъ въ Московской соборной колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ.

(7) Вступленіе его въ Заиконоспаское училище было въ 1722 году при Ректорѣ Архимандритѣ Германѣ Копцевичѣ и Префектѣ Софроніи Мегалевичѣ.

За Лапинскую азбуку посадилъ его Іеромонахъ Модестъ Ипполитовичъ. Въ 1730 году переведенъ въ Лапинской Граммашической классъ учителя Іеромонаха Германа Канашевича.

Въ 1731 году Синтаксисъ преподавалъ ему бѣлецъ Тарасій Посниковъ.

Въ 1732 въ Лапинской и Россійской поэзіи наставлялъ Іеромонахъ Ѳеофилактъ Квѣтницкій.

мѣрные успѣхи. По прошествіи перваго полугода перевели его изъ нижняго класса во второй, въ томъ же году изъ втораго въ третій классъ. Чрезъ годъ послѣ того столько сталъ онъ силенъ въ Латинскомъ языкѣ, что могъ уже на немъ сочинять небольшія стихотворенія. Тогда началъ учиться по Гречески, а въ свободные часы вмѣсто того, что другіе семинаристы проводили ихъ въ рѣзвости, рылся въ Монастырскомъ книгохранилищѣ. Находимыя въ ономъ книги утвердили его въ языкѣ Славенскомъ. Тамъ же сверхъ лѣтописей, сочиненій церковныхъ отцевъ и другихъ Богословскихъ книгъ попалось въ руки его малое число

Въ 1734, слушалъ Риторику у Іеромонаха Порфирія Крайскаго, которой послѣ того заступилъ мѣсто Ректора сего училища.

Въ Маіѣ Мѣсяцѣ 1735 ради отличныхъ успѣховъ въ ученіи ректоръ Архимандритъ Стефанъ и Префектъ Антоній отправили его въ Санктпетербургскую Академію Наукъ.

Въ его время покойной Новгородской Преосвященный Димитрій Сѣченой былъ еще не постриженъ, и училъ читать и писать по Латини.

философическихъ, физическихъ и Математическихъ книгъ.

Заиконоспаская Библіотека не могла насытить жадности его къ наукамъ; прибѣгнулъ къ Архимандриту съ усильною прозьбою, чтобъ послалъ его на одинъ годъ въ Кіевъ учиться философіи, физикѣ и Математикѣ; но и въ Кіевѣ противъ чаянія своего нашелъ пустыя только словопрѣнія Аристотелевой философіи. Не имѣя же случаевъ успѣть въ физикѣ и Математикѣ, пробылъ тамъ менѣе года, упражняясь болѣе въ чтеніи древнихъ лѣтописей и другихъ книгъ писанныхъ на Славенскомъ, Греческомъ и Латинскомъ языкахъ.

Скоро по возвращеніи его въ Спаское училище прислано въ оное было въ 1734 году (8) требованіе, изъ Петербургской

(8) Показаніе жизни сего мужа напечатанной при изданіи его трудовъ 1778 года, будтобъ переведенъ онъ былъ изъ Заиконоспаской въ Санктпетербургскую Академію 1734 года, есть несправедливо. Бывшимъ сего Монастыря Ректоромъ Павломъ, что нынѣ Архіепископъ Ярославскій, особою достойною уваженія найдена своеручная росписка Г. Ломоносова въ пріемѣ жалованья за Генварскую треть 1735 года трехъ рублей пятидесяти копѣекъ.

Академіи наукъ о присылкѣ нѣсколькихъ семинаристовъ, которые бы уже разумѣли по Латини, для ученія физикѣ и Математикѣ у Профессоровъ тамошнихъ. Ломоносовъ обрадовался давно желанному случаю, и неотступно просилъ Архимандрита, чтобы туда его послали. (9)

Онъ пріѣхалъ съ прочими учениками изъ Спаскаго Монастыря въ Петербургъ въ состоящую подъ вѣдомствомъ Академіи Гимназію. Тамъ слушалъ начальныя основанія философіи и Математики, и прилѣжалъ къ тому съ крайнею охотою, упражняясь между тѣмъ и въ стихотворствѣ; но изъ сихъ послѣднихъ его трудовъ ничего въ печать не вышло. Отмѣнную оказалъ склонность къ опытной физикѣ, Химіи и Минералогіи. Учившись цѣлыя два года начальнымъ основаніямъ сихъ наукъ, и утвердившись въ Математикѣ, назначенъ былъ съ товарищемъ своимъ Виноградовымъ въ Германію, прежде въ Марбургъ къ тогдашнему слав-

---

(9) Способствовалъ ему въ томъ послѣ бывшій Синодальнымъ Вице Президентомъ Новогородскій и Великолуцкій Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

ному Философу и Математику Христіану Вольфу.

По прошествіи трехъ лѣтъ отправленъ по совѣту сего славнаго мужа къ искусному Горному Совѣтнику Генкелю въ Фрейбергъ на Саксонскіе мѣдные рудники учиться практической Металургіи и Горному дѣлу.

Чрезъ годъ возвратился въ Марбургской Университетъ для продолженія Теоріи въ сихъ наукахъ.

Не замедлилъ сдѣлаться сильнымъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, въ которомъ еще будучи въ Петербургѣ, положилъ хорошее основаніе. Отъ обхожденія съ тамошними студентами, и слушая ихъ пѣсни, возлюбилъ Нѣмецкое стихотворство. Лучшей для него писатель былъ Гинтеръ. Многихъ знатнѣйшихъ стихотворцевъ вытвердилъ наизусть. По тамошнимъ Ямбамъ, Хореямъ и Дактилямъ началъ размѣрять стопы и въ Россійскихъ стихахъ совсѣмъ новымъ образомъ несравненно глаже и согласнѣе противъ прежнихъ въ чтеніи. Первый примѣръ таковыхъ размѣровъ въ Рускихъ стихахъ

показалъ въ 1739 (10) году торжественною одою на побѣду одержанную Россійскими войсками надъ Татарами и Турками, или на завоеваніе крѣпости Хотина. Сію оду прислалъ онъ изъ Марбурга къ тогдашнему Санктпетербургской Академіи Наукъ Президенту Г. Корфу. Отдана она была для просмотрѣнія Г. Ададурову обще съ нѣкоторыми Академиками. Удивились они размѣру стиховъ, которой до того времени былъ во все неизвѣстенъ въ Россійскомъ стихотворствѣ. Ода написана была Ямбическими стопами на вкусъ Гинтера подражательно славной его одѣ.

Камергеръ Корфъ напечатавъ ее, подалъ въ торжественный день Императрицѣ Аннѣ. Разнесена была ко всѣмъ придворнымъ: каждой читалъ ее со удовольствіемъ.

---

(10) Изъ сего ясно, что Г. Ломоносовъ за долго предъ тѣмъ ввелъ стопы въ Россійское стихотворство, какъ Г. Сумароковъ только что выпущенной въ семъ самомъ году изъ Кадетскаго корпуса учинился извѣстнымъ стихотворцемъ.

Въ то самое время, то есть 1740 года женился Ломоносовъ въ Марбургѣ тайно на дочери хозяина того дома, гдѣ жилъ, портнаго мастера, которая еще до отлученія его изъ сего города отцемъ его учинила.

Живъ онъ въ Марбургѣ городѣ недалекомъ отъ Гарцскихъ горъ однимъ жалованьемъ, которое получалъ изъ Петербургской Академіи по третямъ, содержалъ порядочно свое семейство.

Академія по прошенію его позволила ему побывать на Гессенскихъ рудникахъ, что въ Гарцѣ. Тамъ познакомился онъ съ славнымъ горнымъ Совѣтникомъ и Металургомъ Г. Крамеромъ, имѣвшимъ тогда уже въ готовности къ напечатанію прекрасное свое сочиненіе объ искуствѣ раздѣленія металловъ. У сего ученаго и искуснаго мужа жилъ онъ довольное время, и много успѣлъ въ практической Металургіи. Цѣлое лѣто провелъ въ осматриваніи плавильныхъ и разбивныхъ заводовъ; зимою возвратяся въ Марбургъ, остался тамъ до весны 1741 года.

Отъ неминуемыхъ издержекъ на содержаніе скрываемаго имъ семейства своего

и отъ непорядочнаго, можетъ быть, хозяйства впалъ въ нищету и долги; дошелъ на конецъ почти до отчаяннаго состоянія, такъ что непрестанно былъ угрожаемъ отъ должниковъ тюрмою, коихъ удовольствовать не имѣлъ силы. Принужденнымъ себя увидѣлъ уйти изъ сего города, питаясь милостынею на дорогѣ. Изъ полученнаго имъ не задолго предъ тѣмъ претнаго жалованья не оставалось у него ни копѣйки. Расположился итти или въ Любекъ, или въ Голландію, и послѣ отправиться моремъ въ Петербургъ.

Не простившись ни съ кѣмъ, ниже съ женою своею, однимъ вечеромъ вышелъ со двора, и пустился прямо по дорогѣ въ Голландію, шедъ всю ночь. На третей день миновавъ Диссельдорфъ, ночевалъ по близости отъ сего города въ небольшомъ селеніи на постояломъ дворѣ. Нашелъ тамъ Прусскаго офицера съ солдатами, набиравшаго рекрутовъ. Здѣсь случилось съ нимъ странное произшествіе. Путникъ нашъ показался Прусакамъ годною рыбою на ихъ уду. Офицеръ просилъ его учтивымъ образомъ сѣсть подлѣ себя, отужинать съ его

подчиненными, и вмѣстѣ выпить, такъ ими называемую, *круговую рюмку*. Въ продолженіе стола разхваливали ему Королевскую Прусскую службу. Нашъ путникъ такъ былъ употчиванъ, что не могъ помнить, что происходило съ нимъ ночью. Пробудясь, увидѣлъ на платьѣ своемъ красной воротникъ; снялъ его. Въ карманахъ ощупалъ нѣсколько Прусскихъ денегъ. Прусской Офицеръ назвавъ его храбрымъ солдатомъ, далъ ему между тѣмъ знать, что конечно сыщетъ онъ счастіе, начавъ служить въ Прусскомъ войскѣ. Подчиненные Офицера сего именовали его братомъ. . .„ *Какъ*, отвѣчалъ „Ломоносовъ, *я вашъ братъ? я Россія-„нинъ, слѣдовательно вамъ неродня*...„ „Какъ? закричалъ ему Прусской уряд-„никъ, развѣ ты не совсѣмъ выспался, „или забылъ, что вчерась при всѣхъ насъ „вступилъ въ Королевскую Прусскую „службу; билъ съ Г. Порутчикомъ по „рукамъ; взялъ деньги, пилъ съ нами „круговую рюмку за свое и полку на-„шего здоровье, и побратался съ нами? „Не унывай только, и не думай ни о „чемъ, тебѣ у насъ полюбится; дѣтина „ты доброй, и годишься на лошадь.„

Такимъ образомъ бѣдной нашъ Ломоносовъ сдѣлался Королевскимъ Прусскимъ Рейтаромъ. Палка Прусскаго Вахмистра запечатлѣла у него уста. Дни чрезъ два отведенъ былъ въ крѣпость Вессель съ прочими рекрутами, набранными по окрестностямъ.

Принялъ однакоже самъ въ себѣ твердое намѣреніе вырваться изъ тяжкаго своего состоянія при первомъ случаѣ. Казалось ему, что за нимъ болѣе присматриваютъ, нежели за другими рекрутами. Сталъ притворяться веселымъ и полюбившимъ солдатскую жизнь. Къ счастію не поставили его постоемъ въ городѣ, а держали въ караульнѣ, гдѣ онъ и спалъ на нарахъ.

Караульня находилась близко вала, заднимъ окномъ была къ скату. Замѣтивъ онъ то, и высмотрѣвъ другія удобности къ задуманному побѣгу, оной предпринялъ и совершилъ счастливо.

На каждой вечеръ ложился онъ спать весьма рано, высыпался уже, когда другіе на марахъ были еще въ первомъ снѣ. Пробудясь по полуночи и примѣтя, что всѣ еще спали крѣпко, вылѣзъ, сколько могъ тише, въ заднее окно; взползъ на

валъ, и пользуясь темнотою ночи, влекся по оному на четверенкахъ, чтобъ не примѣтили того стоявшіе на валу часовые. Переплывъ главной ровъ, а за внѣшними укрѣпленіями и равелинной, проминовалъ съ крайнимъ прудомъ контрескарпъ, покрытой ходъ, палисадникъ и гласисъ, и увидѣлъ себя наконецъ на полѣ: оставалось зайти за Прусскую Границу. Бѣжалъ изо всей силы съ цѣлую Нѣмецкую милю. Платье на немъ было мокро. Стало между тѣмъ свѣтать. Услышалъ пушечной выстрѣлъ изъ крѣпости, обычайной знакъ погони за ушедшимъ рекрутомъ. Овладѣвшей имъ страхъ придалъ силы. Ударился бѣжать, сколько могъ, скорѣе. Непрестанно оглядываясь, завидѣлъ вдали скачущаго за собою человѣка во весь опоръ; но успѣлъ однакожъ онъ между тѣмъ перебѣжать за Вестфальскую границу.

Обошелъ изъ предосторожности Епископское селеніе находившимся поблизку лѣсомъ; остановился въ немъ отдохнуть; сушилъ мокрое свое платье; проспалъ спокойно до полудни. Возстановя такимъ образомъ силы свои, пустился въ путь, и прибылъ чрезъ Аргеймъ и

Утрехтъ въ Амстердамъ, называясь вездѣ бѣднымъ Саксонскимъ Студентомъ.

Въ послѣднемъ городѣ Россійскій Императорскій повѣренной въ дѣлахъ Г. Ольдекопъ изрядно его принявъ, отправилъ сходственно съ его желаніемъ въ Гагу къ Россійскому Послу Графу Головкину на шлюпкѣ. Сей Графъ довольствовалъ его чрезъ нѣсколько дней всемъ нужнымъ, и давъ на дорогу денегъ, отослалъ обратно въ Амстердамъ, гдѣ скоро сыскалъ онъ удобной случай отправиться моремъ въ Санктпетербургъ.

Еще до отъѣзда своего изъ Гаги увѣдомилъ онъ оставленную въ Марбургѣ жену свою чрезъ письмо о пріѣздѣ своемъ въ Голландію къ Россійско-Императорскому Послу Графу Головкину, и чтобъ не писала къ нему прежде, пока не дастъ ей знать о будущемъ своемъ состояніи и о мѣстѣ своего пребыванія. Послѣ не могъ болѣе года переписываться съ нею можетъ быть для того, что по пріѣздѣ въ Петербургъ 1741 года, гдѣ скоро пожаловали его Адъюнктомъ, обстоятельства не позволяли объявить, что онъ женатъ, да и не сказывалъ о томъ никому. Жену съ дочерью

по дороговизнѣ жизни Петербургской не въ состояніи былъ содержать своимъ жалованьемъ.

На возвратномъ своемъ пути моремъ въ отечество единожды приснилось ему, что видитъ выброшеннаго по разбитіи корабля отца своего на необитаемой островъ въ Ледовитомъ Морѣ, къ которому въ молодости своей былъ нѣкогда съ нимъ занесенъ бурею. Сія мечта впечатлѣлась въ его мысляхъ. По прибытіи въ Петербургъ первое его попеченіе было навѣдаться отъ Архангелогородцевъ и Холмогорцевъ объ отцѣ своемъ. Нашелъ тамъ роднаго брата своего, и услышавъ отъ него, что отецъ ихъ того же года по первомъ вскрытіи водъ отправился по обыкновенію своему въ море на рыбной промыселъ; что минуло тому уже четыре мѣсяца, и ни онъ, ниже кто другой изъ его артели поѣхавшихъ съ нимъ еще не возвратились. Сказанной сонъ и братнія слова наполнили его крайнимъ безпокойствомъ. Принялъ намѣреніе проситься въ отпускъ ѣхать искать отца на тотъ самой островъ, которой видѣлъ во снѣ, чтобъ похоронить его съ

должною честію, естли подлинно найдетъ тамъ тѣло его.

Но обстоятельства не позволили ему произвесть намѣренія сего въ дѣйство. Принужденъ былъ послать брата своего, давъ ему на дорогу денегъ, въ Холмогоры съ письмомъ къ тамошней артели рыбаковъ, усильно ихъ въ ономъ прося, чтобъ при первомъ выѣздѣ на промыселъ заѣхали къ острову, коего положеніе и видъ береговъ точно и подробно имъ описалъ; обыскали бы по всѣмъ мѣстамъ, и если найдутъ тѣло отца его, такъ бы предали землѣ.

Люди сіи не отреклись исполнить прозьбы его, и въ туже осень нашли подлинно тѣло Василья Ломоносова точно на томъ пустомъ островѣ, и погребши, возложили на могилу большой камень. Наступившею зимою былъ онъ о всемъ томъ извѣщенъ. Внутренняя его скорьбь давно уже многими примѣченная, превратившись въ явную, со временемъ умѣрилась.

Умножилась его прилѣжность къ наукамъ и трудолюбіе. Сочинилъ разсужденіе о Натуральной Исторіи и Химіи, доказавшія чинамъ Академіи изящность

его ума и глубокость его знанія, приобрѣтшія ихъ къ нему уваженіе и открывшія ему путь къ достоинству Химіи Профессора.

Между тѣмъ оставленная въ Марбургѣ его жена ожидая втораго отъ него письма цѣлые два года, не знала, куда онъ дѣвался. Въ такомъ страхѣ и неизвѣстности наконецъ въ 1743 году въ февралѣ мѣсяцѣ подала письмо Россійско-Императорскому въ Гагѣ Министру Графу Головкину, чрезъ котораго получила она, какъ выше упомянуто, первое мужнино письмо; онымъ просила, чтобъ сдѣлалъ съ нею милость, утѣшилъ ея печалію снѣдаемое сердце и облегчилъ бы бѣдственное ея состояніе увѣдомленіемъ, гдѣ находится мужъ ея Россійской студентъ Ломоносовъ; еще ли у него въ Гагѣ или въ иномъ мѣстѣ? приобщила къ тому письмо и къ мужу.

Графу Головкину извѣстно было только, что Ломоносовъ за два уже предъ тѣмъ года выѣхалъ изъ Амстердама въ Петербургъ, гдѣ и находиться ему надлежало. Охотно взялъ на себя переслать послѣднее письмо, написавъ и отъ себя собственно къ Канцлеру Графу Бесту-

TAYLOR INST. ОХФОРД

жеву въ Петербургъ, прося его объ отвѣтѣ.

Графъ Бестужевъ приказалъ отнести письмо къ Ломоносову, и взять для пересылки къ женѣ его отвѣтъ.

Никто въ Петербургѣ не думалъ, чтобы Ломоносовъ былъ женатъ. По прочтеніи письма сего вырвались у него слѣдующія слова: *Боже мой! могу ли я ее покинуть? Обстоятельства мѣшали мнѣ до сего времени не только вызвать ее сюда, но и писать къ ней. Теперь же пусть она пріѣдетъ: завтре же пошлю сто рублей на дорогу.* Что и исполнилъ дѣйствительно. Изъ Канцеляріи Графа Бестужева послано было письмо его и деньги къ Графу Головкину въ Гагу, а отъ него въ Марбургъ. Тогоже года лѣтомъ прибыла жена Ломоносова съ дочерью и братомъ на Любскомъ кораблѣ въ Петербургъ, и нашла обрадовавшагося пріѣздомъ своимъ мужа весела и здорова. Жилъ онъ тогда въ Академическомъ домѣ подлѣ Химической лабораторіи.

Что Ломоносовъ въ 1746 году произведенъ Химіи и Экспериментальной физики Профессоромъ, что вовсе перестро-

илъ Академическую лабораторію по новѣйшему и лучшему расположенію ; что многіе дѣлалъ опыты и новыя открытія; такъ же какія Академическія сочиненія писалъ и читалъ въ собраніяхъ Академіи; какія изящныя похвальныя рѣчи говорилъ Великому ПЕТРУ и Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ; какіе прекрасные и сильные сочинялъ стихи; какія книги, напр: Риторику, Россійскую Грамматику, руководство къ горному строенію и заводамъ; какія издалъ въ печать трагедіи въ стихахъ Россійскихъ, и какую Россійскую Исторію: все то не суть анекдоты, но труды повсюду извѣстные. Видѣть ихъ можно по порядку въ печатныхъ его сочиненіяхъ и въ протоколахъ Академическихъ Канцеляріи и Конференціи. Дарованіями и трудами своими снискалъ онъ Всевысочайшую къ себѣ милость блаженной памяти Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. Во всенародное тому доказательство пожалована ему была сею Государынею дача *Коровалдай* на финскомъ заливѣ, и взысканъ чинами сперва Коллежскаго, а по томъ Императрицею Екатериною II и Статскаго Со-

вѣтника. Достоинства его уважены были отмѣнно при Дворѣ и отъ знатныхъ особъ Государства, какъ напр: отъ Канцлера Графа Михайлы Ларіоновича Воронцова и всего его семейства; Ивана Ивановича и Графа Петра Ивановича Шуваловыхъ, отъ тогдашняго Академическаго Президента Графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, отъ своихъ и иностранныхъ славныхъ ученыхъ мужей и обществъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли его своимъ членомъ, какъ то Стокгольмская Академія наукъ, славное Бононское общество, и еще иныя.

Къ анекдотамъ касающимся до Г. Ломоносова, изъ которыхъ многихъ Г. Статской Совѣтникъ Штелинъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, надлежитъ приобщить и слѣдующей. Ломоносовъ увидѣвъ въ первой разъ въ жизни своей мозаическую картину, изображающую плачущаго Апостола Петра, подаренную въ Римѣ Папою Климентомъ Ламбертиномъ Канцлеру Графу Воронцову, восхотѣлъ такую же сдѣлать и въ Россіи. Разсмотрѣвъ прилѣжно составленіе оной, дѣлалъ самъ въ плавильной своей печи изъ стекла вспа-

вные камни разныхъ цвѣтовъ и тѣней. Составилъ потребный къ работѣ сей мастикъ и изобразилъ довольно изрядно для первой въ Россіи сдѣланной мозаической картины лице Петра Великаго съ Дангауерова подлинника. По томъ непрестанно занимался симъ художествомъ. Предпріялъ наконецъ по Сенатскому указу сочиненіе большой мозаической картины величиною въ 12, а шириною въ 8 футовъ, представляющія сраженіе подъ Полтавою, въ которой бы люди напереди были видны во весь человѣческой ростъ. Столь великая картина, подобно какъ и многія другія, долженствовала быть поставлена на украшеніе внутреннихъ стѣнъ Санктпетербургской церкви св. Апостолъ Петра и Павла. Окончана имъ была чрезъ два года и нѣсколько мѣсяцовъ съ нарочитымъ успѣхомъ.

Превосходству учености его, важности и красотѣ его пера отдавалъ справедливость покойной дѣйствительной Статской Совѣтникъ и Кавалеръ Александръ Петровичъ Сумароковъ (*), не взирая на

(*) Смотри страницу IX.

всегдашнюю и непримиримую съ нимъ вражду свою.

Ломоносовъ скончался на третій день святыя Пасхи 1765 года. За нѣсколько дней предъ своею кончиною говорилъ онъ Господину Совѣтнику Шпелину: „другъ мой! я примѣчаю, что мнѣ „скоро умереть: на смерть взираю ра„внодушно; но сожалѣю только о томъ, „что не успѣлъ довершить, что началъ „для пользы отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Къ сожалѣ„нію вижу теперь, что благія намѣре„нія мои изчезнутъ вмѣстѣ со мною.„

Во время великолѣпныхъ его похоронъ, на которыхъ были Новгородской и Санктпетербургской Архіепископы со многимъ знатнымъ духовенствомъ, нѣкоторые Сенаторы и иныя знатныя особы, былъ и всегда не любившей его Г. Сумароковъ.

Всѣ оставшіяся послѣ Ломоносова бумаги выпросивъ Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ у вдовы его себѣ, поручилъ собрать Григорью Васильевичу Козицкому и заперѣть въ особомъ покоѣ своего дома.

Чрезъ нѣсколько времени по смерти Ломоносова Канцлеръ Графъ Воронцовъ изъ уваженія заслугъ его къ отечеству, вознамѣряся поставить надъ гробомъ его въ Невскомъ Монастырѣ мраморный столпъ съ надписью, поручилъ Статскому Совѣтнику Штелину нарисовать изображеніе камня по флорентинскому размѣру и сочинить надпись. Памятникъ сей иждивеніемъ его сіятельства выработанъ былъ въ Ливорнѣ изъ Каррерскаго бѣлаго мрамора точно по рисунку съ высѣченными прописьми, и по привезеніи въ Петербургъ воздвигнутъ надъ пѣломъ Ломоносова въ помянутомъ Монастырѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

СОЧИНИТЕЛЕВО

О ПОЛЬЗѢ КНИГЪ ЦЕРКОВНЫХЪ

въ языкѣ Россійскомъ.

Въ древнія времена когда Славенскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій ученымъ народамъ извѣстныхъ; тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ Греческимъ Христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ Греческаго языка на Славенскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила Еллинскаго слова коль высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ Еллинскомъ языкѣ Героевъ, ви-

тійствовали великіе Христіанскія церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими Богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на Славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ перевода ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскина и другихъ творцевъ каноновъ видимъ въ Славенскомъ языкѣ Греческаго изобилія, и оттуду умножаемъ довольство Россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію Греческихъ красотъ посредствомъ Славенскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ недовольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При семъ хотя не льзя прекословить, что съ начала переводившіе съ Греческаго языка книги на Славенскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ Греческихъ Славенскому языку странныхъ; однако оныя чрезъ долготу времени слуху Славенскому перестали быть противны, и вошли въ обычай. И такъ, что предкамъ

нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ спало приятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ Россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки преклонясь издавна въ Католицкую вѣру, отправляютъ службу по своему обряду на Латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія по большой части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ Греческаго приобрѣтены. Нѣмецкой языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ Латинской. Но какъ Нѣмецкой народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротивъ того въ Католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну Латынь и то варварскую въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ Нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различеству-

ютъ по мѣрѣ разной своей важности; такъ и Россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разные степени, *высокой, посредственной и низкой.* Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ обще употребительны, на примѣръ: *Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю.* Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, ни примѣръ: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю.* Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда изключаются, какъ: *обаваю, рясны, овогда, свѣнѣ* и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ Славенскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, на примѣръ: *говорю, ручей, которой, лока, лишь.* Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбора сихъ трехъ родовъ реченій

раждаются три штиля: *высокой, посредственной и низкой.* Первой составляется изъ реченій Славенороссійскихъ, то есть, употребительныхъ въ обѣихъ нарѣчіяхъ, изъ Славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны героическія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ Россійскій языкъ предъ многими нынѣшними Европейскими, пользуясь языкомъ Славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средней штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ Россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія Славенскія въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе

Славенское положено будетъ подлѣ Россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и элегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкой штиль принимаетъ рѣченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ Славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ Славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до

нарочнаго наставленія о чистотѣ Россійскаго штиля.

Сколько въ высокой Поезіи служатъ однимъ реченіемъ Славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ Россійскомъ языкѣ неупотребительными; то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки; и сіе вопервыхъ по мѣсту.

Народъ Россійскій по великому пространству обитающій, не взирая на дальнее розстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, на примѣръ въ Германіи Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго; или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ тогожъ Нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышепомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ

народами Славенскаго поколенія, которые Греческаго исповѣданія держатся. Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками; однако для употребленія Славенскихъ книгъ церковныхъ говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, которой весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели Польской, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По временижъ разсуждая, видимъ, что Россійскій языкъ отъ владѣнія Владимирова до нынѣшняго вѣку больше семи сотъ лѣтъ не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было: не такъ какъ многіе народы, не учась, не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны случившейся чрезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ Славенскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилѣжаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной

пользѣ возпослѣдуетъ: 1) по важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и то еще чрезъ Латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, изкажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется; и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долго цер-

ковь Россійская славословіемъ Божіимъ на Славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое напоминаніе довольно къ движенію ревности въ пѣхъ, которые къ прославленію Отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей немало запмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ Испанской, Галской, Британской и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о пѣхъ, которые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ преселенія и войны разрушились. Бывали и тамъ Герои, бывали отмѣнныя дѣла въ обществахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія; но всѣ въ глубокомъ невѣденіи погрузились. Горацій говоритъ:

Герои были до Априда;
Но древность скрыла ихъ отъ насъ,
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ. (*)

(*) Vixere fortes ante Agamemnona
Multi; sed omnes illacrimabiles
Vrgentur, ignotique longa
Nocte, carent quia vate sacro.

Horat: Od: lib: IV. od: 8.

Счастливы Греки и Римляне предъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли; однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ слышанъ громкой гласъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ Героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздные потомки, великою древностію и разстояніемъ мѣстъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель?

Подобное счастіе оказалось нашему Отечеству отъ просвѣщенія Петрова, и дѣйствительно настало и основалось щедротою Великія Его Дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки не

дадутъ никогда притти въ упадокъ Россійскому слову. Станутъ читать самые отдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣка, и равно, какъ мы, чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Горацiямъ? Царствуетъ Августа Елисавета; имѣемъ знатныхъ и Меценату подобныхъ предстателей, чрезъ ходатайство которыхъ Ея отеческій градъ снабдѣнъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселится своимъ симъ украшеніемъ, и показываетъ оное всѣмъ городамъ Россійскимъ, какъ вѣчный залогъ усердія къ отечеству своего основателя, на бодрое котораго попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ Россійскія Музы о высочайшемъ покровительствѣ.

ПИСЬМО
О ПРАВИЛАХЪ
РОССІЙСКАГО СТИХОТВОРСТВА. (*)

ПОЧТЕННѢЙШІЕ ГОСПОДА!

Ода, которую вашему разсужденію вручить нынѣ высокую честь имѣю, ничто иное есть, какъ только превеликія оныя радости плодъ, которую непобѣдимѣйшія нашея МОНАРХИНИ преславная надъ непріятелями побѣда въ вѣрномъ и ревностномъ моемъ сердцѣ возбудила. Моя продерзость васъ неискуснымъ перомъ утруждать только отъ усердныя къ отечеству и его слову любви происходитъ. Подлинно, что для скудости къ сему предпріятію моихъ силъ лучше бы мнѣ молчать было. Од-

(*) Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ письма сего видно, что Авторъ писалъ его въ скорости по сочиненіи оды на побѣду надъ Турками и Татарами, то есть 1739 года. Оно еще нигдѣ не напечатано было. Мнѣ для внесенія въ его сочиненія сообщено изъ Санктпетербурга. Примѣч: издателя.

нако не сомнѣваясь, что ваше сердечное радѣніе къ распространенію и исправленію Россійскаго языка и мое въ семъ неискусство и въ Россійскомъ стихотворствѣ недовольную способность извинитъ, а доброе мое намѣреніе за благо приметъ, дерзнулъ я наималѣйшій сей мой трудъ купно со слѣдующимъ *о нашей версификаціи вообще разсужденіемъ* вашему предложить искусству. Не пристрастіе меня къ сему понудило, чтобы большее искусство имѣющимъ правила давать, но искреннее усердіе заставило отъ васъ самихъ научиться, правдивы ли оныя мнѣнія, что я о нашемъ стихосложеніи имѣю, и по которымъ донынѣ, стихи сочиняя, поступаю. И такъ, начиная оное, вамъ мои государи, предлагать, прежде кратко объявлю, на какихъ я основаніяхъ оныя утверждаю.

Первое и главнѣйшее мнѣ кажется быть сіе: Россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, изъ другихъ языковъ не вносить.

Второе, чѣмъ Россійской языкъ изобиленъ, и что въ немъ къ версификаціи угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой нибудь рѣчи, или на небреженіе въ оной находящихся стихотворцевъ, не отнимать, но какъ собственное и природное употреблять надлежитъ.

Третіе: понеже наше стихотворство только лишь начинается; того ради, чтобы ничего неугоднаго не ввести, а хорошаго не оставить, надобно смотрѣть, кому и въ чемъ лучше послѣдовать.

На сихъ трехъ основаніяхъ утверждаю я слѣдующія правила:

Первое, въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила; а прочіе всѣ кратки. Сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показываетъ. Того ради совсѣмъ худо и свойству Славенскаго языка, которой съ нынѣшнимъ нашимъ немного разнится, противно учинилъ Смотрицкій, когда онъ е, о, за коротькія; а, і, ѵ, за общія; и, ѣ, ѡ, съ нѣкоторыми двугласными и со всѣми гласными, что предъ двумя или многими согласными стоятъ, за долгія почелъ. Его, какъ изъ

перваго параграфа его просодіи видно, обманула Матѳея Стриковскаго Сармапская Хронологія; или онъ, можетъ быть, на сихъ Овидіевыхъ стихахъ утверждался: de Ponto Lib: IV. Eleg: 13.

Ah pudet, et Getico scripsi sermone libellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis,
Et placui, gratare mihi, coepique poëtae
Inter inhumanos nomen habere Getas.

Ежели Овидій, будучи въ ссылкѣ въ Томахъ, старинным Славенскимъ, или Болгарскимъ, или Сармапскимъ языкомъ стихи на Латинскую стапь писалъ: по откуду Славенскія Граммапики Автору на умъ пришло долгость и краткость слоговъ совсѣмъ Греческую, а не Латинскую принять, не вижу. И хотя Овидій въ своихъ стихахъ по обыкновенію Латинскихъ стихотворцевъ стóпы, и, сколько изъ сего Гексамепра

Materiam quaeris? Laudes de Caesare dixi.
ididem.

заключить можно, двоесложныя и троесложныя въ героическомъ своемъ поэмапѣ употреблялъ: однако толь высокаго разума пііпа, не надѣюсь, что пакъ погрѣшилъ, чтобы ему долгость

и краткость слоговъ, Латинскому, или Греческому языку свойственную, въ оные стихи ввести, которые онъ на чужомъ и весьма особливомъ языкѣ писалъ. И ежели древній оной языкъ отъ нынѣшняго нашего не очень былъ различенъ: то употреблялъ остроумный тотъ стихотворецъ въ стихахъ своихъ не иные, какъ только тѣ за долгіе слоги, на которыхъ акценътъ стоитъ, а прочіе всѣ за краткіе. Слѣдовательно гексаметры, употребляя вмѣсто Спондеевъ для ихъ малости Хореи, тѣмъ же образомъ писалъ, которымъ слѣдующія Россійскія сочинены:

Щастлива красна была весна, все лѣто пріятно;
Только мутился песокъ, лишь бѣлая пѣна кипѣла.

А пентаметры:

Какъ обличаешь, смотри больше свои на дѣла.
Ходишь съ кѣмъ всегда, бойся того подопнуть.

А не такъ, какъ Славенскія Грамматики Авторъ:

Сармацки новорастныя Музы стопу перву
Тщащуюся Парнассъ во обитель вѣчну заяти,
Христе Царю, пріими и благоволи въ тебѣ съ отцемъ и проч.

Сіи стихи коль Славянскаго языка свойству противны, всякъ видѣть можетъ, кто оной разумѣетъ. Однако не могу я и оныхъ симъ предпочитать, въ которыхъ всѣ односложныя слова за долгія почитаются. Причина сего всякому Россіянину извѣстна. Кто будетъ протягать единосложные союзы и многіе во многихъ случаяхъ предлоги? Самыя имена, мѣстоименія и нарѣчія, стоя при другихъ словахъ, свою силу теряютъ, на примѣръ: за сто лѣтъ; подъ мостъ упалъ; реветъ какъ левъ; что ты знаешь? По оному Корольларію, въ которомъ сіе правило щастливо предложено, сочиненные стихи, хотя быть гексаметрами, въ истые и изрядные, изъ Анапестовъ и Хореевъ состоящіе, пентаменгры попали, на примѣръ:

˘ ˘ —, ˘ — ˘ ,— ˘ ˘ —, ˘ , ˘
Не возможно сердцу, ахъ! не имѣть печали.

По моему мнѣнію наши единосложныя слова иныя всегда долги, какъ: Богъ, храмъ, святъ; иныя крашки, на примѣръ союзы: же, да, и; а иныя иногда крашки, иногда долги, на примѣръ: на морѣ, по году, на волю, по горѣ.

Второе пра́вило: во всѣхъ Россійскихъ пра́вильныхъ стихахъ, долгихъ и короткихъ, надлежитъ нашему языку свойственныя стопы опредѣленнымъ числомъ и порядкомъ учрежденныя употреблять. Оныя каковы быть должны, сво́йство въ нашемъ языкѣ находящихся словъ оному учитъ. Доброхотная природа какъ во всемъ, такъ и въ оныхъ довольное Россіи дала изобиліе. Въ сокровищѣ нашего языка имѣемъ мы долгихъ и краткихъ реченій неисчерпаемое богатство, такъ что въ наши стихи безъ всякія нужды двоесложныя и троесложныя сто́пы внести, и въ томъ Грекамъ, Римлянамъ, Нѣмцамъ и другимъ народамъ въ версификаціи пра́вильно поступающимъ послѣдовать можемъ. Не знаю, чего бы ради инаго наши гексаметры и всѣ другіе стихи съ одной стороны такъ запереть, чтобы они ни больше, ни менше опредѣленнаго числа̀ слоговъ не имѣли; а съ другой такую волю дать, чтобы вмѣсто Хорея свободно было положить Ямба, Пиррихія и Спондея, а слѣдовательно и всякую прозу стихомъ называть, какъ только развѣ послѣдуя на риѳмы кончащимся

Польскимъ и французскимъ строчкамъ? Неосновательное оное употребленіе, которое въ Московскія школы изъ Польши принесено, никакаго нашему стихосложенію закона и правилъ дать не можетъ. Какъ онымъ стихамъ послѣдовать, которыхъ о правильномъ порядкѣ тѣхъ же творцы не радѣютъ? Французы, которые во всемъ хотятъ натурально поступать, однако почти всегда противно своему намѣренію чинятъ, намъ въ томъ, что до стопъ надлежитъ, примѣромъ быть не могутъ: понеже надѣясь на свою фантазію, а не на правила, толь криво и косо въ своихъ стихахъ слова склеиваютъ, что ни прозой, ни стихами назвать не льзя. И хотя они такъ же, какъ и Нѣмцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда имъ въ ротъ кладетъ, какъ видно въ первой строфѣ оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинилъ:

Quelle docte et sainte yvresse,
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse etc.

Однако нѣжные тѣ господа на то не смотря, почти одними риѳмами себя

довольствуютъ. Пристойнымъ весьма символомъ французскую поэзію нѣкто изобразилъ, представивъ оную на театрѣ подъ видомъ нѣкоторыя женщины, которая сугорбившись и раскарячившись, при музыкѣ играющаго на скрыпицѣ Сапирапанцуетъ. Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что Россійскій нашъ языкъ нетокмо бодростію и героическимъ звономъ Греческому, Латинскому и Нѣмецкому не уступаетъ; но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ. Сіе толь долго пренебреженное счастіе, чтобы совсѣмъ въ забвеніи не осталось, умыслилъ я наши правильные стихи изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ стопъ составлять, и отъ тѣхъ, какъ въ вышеозначенныхъ трехъ языкахъ обыкновенно, онымъ имена дать.

Первой родъ стиховъ называю *Ямбическимъ*, которой изъ однихъ только Ямбовъ состоитъ:

˘ — ˘ — ˘ — ˘ —

Бѣлѣетъ будто снѣгъ лицомъ.

Второй *Анапестическимъ*, въ которомъ только одни Анапесты находятся:

Начерпанъ многократно въ бѣгущихъ
волнахъ.

Третій изъ *Ямбовъ и Аналестовъ смѣшаннымъ*, въ которомъ по нуждѣ, или произволенію, поставлены быть могутъ, какъ случится.

Во пищу себѣ червей хватать.

Четвертый *Хореическимъ*, которой одни Хореи составляютъ:

Свѣтъ мой, знаю, что пылаешь.

Мнѣ моя не служитъ доля.

Пятой *Дактилическимъ*, которой изъ единыхъ только Дактилей состоитъ:

Вьется кругами змія по травѣ обно-
вившись въ разсѣлинѣ.

Шестой изъ Хореевъ и Дактилей смѣшаннымъ, гдѣ по нуждѣ, или по изволенію ту и другую употреблять можно стопу.

Ежель боится, ктобъ не сталъ быть си-
ленъ безмѣрно.

*

Симъ образомъ расположивъ правильные наши стихи, нахожу шесть родовъ Гексаметровъ, столькожъ родовъ *Пентаметровъ*, *Тетраметровъ*, *Триметровъ и Диметровъ*, а слѣдовательно всѣхъ тридцать родовъ.

Неправильными и вольными стихами тѣ называю, въ которыхъ вмѣсто Ямба, или Хорея можно Пиррихія положить. Оные стихи употребляю я только въ пѣсняхъ, гдѣ всегда опредѣленное число слоговъ быть надлежитъ. Напримѣръ въ семъ стихѣ вмѣсто Ямба положенъ Пиррихій:

˘ — ˘ — ˘ ˘ ˘ — ˘

Цвѣты румянецъ умножайте.

А здѣсь вмѣсто Хорея:

— ˘ — ˘ — = ˘ ˘

Солнцева сестра забыла.

Хорея вмѣсто Ямба и Ямба вмѣсто Хорея въ вольныхъ стихахъ употребляю я очень рѣдко, да и то ради необходимыя нужды, или великія скорости: понеже они совсѣмъ другъ другу противны.

Что до *цезуры* надлежитъ, оную, какъ мнѣ видится, въ срединѣ правильныхъ нашихъ стиховъ употреблять и

оставлять можно. Долженствуетъ ли она въ нашемъ гексаметрѣ для одного только отдыху быть неотмѣнно, то можетъ разсудить всякъ по своей силѣ. Тому въ своихъ стихахъ оную всегда оставить позволено, кто однимъ духомъ тринадцати слоговъ прочитать не можетъ. За наилучшіе, велелѣпнѣйшіе и къ сочиненію легчайшіе, во всѣхъ случаяхъ скорость и тихость дѣйствія и состоянія всякаго пристрастія изобразить наиспособнѣйшіе, оные стихи почитаю, которые состоятъ изъ Анапестовъ и Хореевъ.

Чистые Ямбическіе стихи хотя и трудноватo сочинять; однако поднимаясь тихо въ верьхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ. Оныхъ нигдѣ не можно лучше употреблять, какъ въ торжественныхъ одахъ, что я въ моей нынѣшней и учинилъ. Очень также способны и падающіе, или изъ Хореевъ и Дактилевъ составленные стихи къ изображенію крѣпкихъ и слабыхъ аффектовъ, скорыхъ и тихихъ дѣйствій быть видятся. Примѣръ скораго и яраго дѣйствія:

Бревна кашайше на верьхъ, каменья и го́ры валише,
Лѣсъ бросайше, живучей выжавъ духъ, задавише.

Прочіе роды стиховъ, разсуждая по состоянію и важности матеріи, такъ же очень пристойно употреблять можно, о чемъ подробну упоминать для краткости времени оставляю.

Третіе: Россійскіе стихи красно и свойственно на *мужескія, женскія, и три литеры гласныя въ себѣ имѣющія Риѳмы,* подобныя Италіанскимъ, могутъ кончиться. Хотя до сего времени только одни женскія Риѳмы въ Россійскихъ стихахъ употребляемы были, а мужескія и отъ третьяго слога начинающіяся заказаны; однако сей заказъ толь праведенъ и нашей версификаціи такъ свойственъ и природенъ, какъ ежели бы кто обѣими ногами здоровому человѣку всегда на одной скакать велѣлъ. Оное правило начало свое имѣетъ, какъ видно, въ Польшѣ, откуда пришедъ въ Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновенію такъ мало можно послѣдовать, какъ самимъ Польскимъ Риѳмамъ, которыя не могутъ иными быть, какъ только женскими: понеже всѣ Польскія слова, вы-

ключая нѣкоторыя односложныя, силу надъ предпослѣднемъ слогѣ имѣютъ. Въ нашемъ языкѣ толь же довольно на послѣднемъ и третіемъ, коль надъ предпослѣднемъ слогѣ силу имѣющихъ словъ находится: то для чего намъ оное богатство пренебрегать, безъ всякія причины самовольную нищету терпѣть, и только одними женскими побрякивать, а мужескихъ бодрость и силу, проегласныхъ устремленіе и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужескія Риѳмы толь смѣшны и подлы были, чтобы ихъ только въ комическомъ и сатирическомъ стихѣ, да и то еще рѣдко, употреблять можно было? и чѣмъ бы святѣе на прим. сіи женскія Риѳмы: *красовуляхъ, ходуляхъ,* слѣдующихъ мужескихъ: *востокъ, высокъ,* были? по моему мнѣнію подлость Риѳмъ не въ томъ состоитъ, что онѣ больше или менше слоговъ имѣютъ; но что оныхъ слова подлое или простое что либо значатъ.

Четвертое: Россійскіе стихи также къ стати красно и свойственно сочетоваться могутъ, какъ и Нѣмецкіе. Понеже мы *мужескія, женскія и трехгласныя*

риѳмы имѣть можемъ; то услаждающая всегда человѣческія чувства перемѣна оныя межъ собою перемѣшивать пристойно велитъ; что я почти во всѣхъ моихъ стихахъ чинилъ. Подлинно, что всякому, кто одни женскія Риѳмы употребляетъ, сочетаніе и перемѣшка стиховъ странны кажутся; однако ежелибы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, что оное толь же приятно и красно, какъ въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Никогда бы мужеская Риѳма предъ женскою не показалася, какъ дряхлой, черной и девяностолѣтней старой Арапъ предъ наипоклоняемою, наинѣжною и самымъ цвѣтомъ младости сіяющею Европейскою красавицею.

Здѣсь предлагаю я нѣкоторыя строфы изъ моихъ стиховъ въ примѣръ стопъ и сочетанія. Тетраметры изъ Анапестовъ и Ямбовъ сложенные:

На восходѣ солнце какъ зардится,
Вылетаетъ вспыльчиво хищный встокъ,
Глаза кровавы, самъ вертится;
Удара не сноситъ Сѣверъ въ бокъ,

Господство даетъ своему побѣдителю,
Пресильному водъ морскихъ возбудителю.
Свои тотъ зыби на прежни возводитъ,
Являетъ полность силы своей,
Что южной страной владѣетъ всей,
Индійски быстро острова проходитъ.

Вольные возстающіе Тетраметры:

Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
Однако съ нимъ любовь моя.
Хотъ я не самъ тоя причина,
Люблю Миртиллу, какъ себя.

Вольные падающіе Тетраметры:

Нимфы около насъ кругами
Танцовали поючи,
Всплескиваючи руками,
Нашей искренней любви
Веселяся, привѣчали,
И цвѣтами насъ вѣнчали.

Ямбическіе Триметры:

Весна тепло ведётъ,
Пріятной Западъ вѣетъ,
Всю землю солнце грѣетъ;
Въ моемъ лишь сердцѣ лёдъ,
Грусть прочь забавы бьётъ.

Но, мои государи, опасаяся, чтобы неважнымъ симъ моимъ письмомъ вамъ очень долго не наскучить, съ покорнымъ

прошеніемъ заключаю. Ваше великодушіе, ежели мои предложенныя о *Россійской версификаціи мнѣнія* нашему языку несвойственны и непристойны, меня извинитъ. Не съ инымъ какимъ намѣреніемъ я сіе учинить дерзнулъ, какъ только чтобы оныхъ благосклонное исправленіе, или безпристрастное подкрѣпленіе для большаго къ Поэзіи поощренія отъ васъ получить. Чего несомнѣнно надѣясь, остаюся.

ПОЧТЕННѢЙШІЕ ГОСПОДА!

Вашъ покорный слуга

Михайло Ломоносовъ.

ОДЫ
ДУХОВНЫЯ.

ОДА I.

Преложеніе псалма 1.

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ ступать,
И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
Въ единомъ мѣстѣ засѣдать. (1)

Но мысль и волю (2) подвергаетъ
Закону Божію во всемъ,
И точно (3) оный наблюдаетъ
Во всемъ теченіи своемъ.

Какъ древо онъ распространится,
Что близъ текущихъ водъ растетъ,
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не опадетъ.

Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

---

(1) Въ согласныхъ мысляхъ засѣдать.
(2) Но волю токмо.
(3) И сердцемъ.

TAYLOR INST. OXFORD

И такъ злодѣи не возстанутъ
Предъ Вышняго Творца на судъ,
И праведны не воспомянутъ
Въ своемъ соборѣ ихъ отнюдъ.

Господь на праведныхъ взираетъ,
И ихъ въ пути своемъ хранитъ;
Отъ грѣшныхъ взоръ свой отвращаетъ,
И злобный путь ихъ погубитъ.

ОДА II.

Преложеніе псалма 14.

Господи! кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ тобою населяетъ
Верьхъ священный горнихъ мѣстъ?

Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно,
Какъ языкомъ говоритъ.

Кто устами льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ нимъ душею правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

Въ лихву дать сребро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ.
Кто на свѣтѣ такъ жить тщится,
Тотъ во вѣки не падетъ.

*

ОДА III.

Преложеніе псалма 26.

Господь спаситель мнѣ и свѣтъ:
Кого я убоюся?
Господь самъ жизнь мою блюдетъ:
Кого я устрашуся?

Чтобъ въ (1) злобѣ плоть мою пожрать,
Противны устремились.
Но злой навѣтъ (2) хотя начать,
Упадши, сокрушились.

Хоть полкъ противъ меня возстань;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнутъ брань;
На Бога полагаюсь.

Я только отъ Творца прошу,
Чтобъ въ храмъ его вселиться;
И больше въ свѣтѣ не ищу,
Какъ въ ономъ веселиться.

Въ селеніи своемъ покрылъ
Меня Онъ въ день печали,
И неподвижно укрѣпилъ,
Какъ злые окружали.

---

(1) Во злобѣ.
(2) Совѣтъ.

Возвысилъ Онъ мою главу
Надъ всѣхъ враговъ ужасныхъ:
Я жертву принося, зову
Ему въ псалмахъ согласныхъ.

Услыши, Господи, мой гласъ,
Когда къ Тебѣ взываю,
И сохрани на всякой часъ;
Къ Тебѣ я прибѣгаю.

Я къ (1) свѣту твоего лица
Вперяю взоръ душевный,
И отъ всещедраго Творца
Приемлю лучъ вседневный.

Отъ грѣшнаго меня раба,
Творецъ, не отвратися;
Да взыдетъ предъ Тебя мольба,
И въ гнѣвѣ укротися.

Меня оставилъ мой отецъ
И мать еще въ младенствѣ;
Но воспріялъ меня Творецъ,
И далъ жить въ благоденствѣ.

Наставн, Господи, на путь
Святымъ твоимъ закономъ,
Чтобъ врагъ не могъ поколебнуть
Крѣпящагося въ оном.

(1) Ко свѣту.

Меня въ сей жизни не отдай
Душамъ людей безбожныхъ,
Твоей десницей покрывай
Отъ клеветаній ложныхъ.

Я чаю видѣть на земли
Всевышняго щедроты
И не лишишься николи
Владычнія доброты.

Ты сердце духомъ укрѣпись,
О Господѣ мужайся,
И бѣдствіемъ не колеблись,
На Бога полагайся.

ОДА IV.

Преложеніе псалма 34.

Суди обидящихъ, Зиждитель,
И опъ борющихся со мной
Всегдашній буди покровитель,
Заступникъ и спаситель мой.

На гласъ мой нынѣ преклонися,
Прими оружіе и щитъ,
И мнѣ на помощь ополчися,
Когда противникъ мнѣ грозитъ.

Сдержи стремленіе гонящихъ,
Ударивъ пламеннымъ мечемъ:
Увѣрь въ напастяхъ обстоящихъ,
Что я въ покрытіи твоемъ.

Гонители да посрамятся,
Что ищутъ зла души моей,
И съ срамомъ вспять да возвратятся,
Смутившись въ памяти своей.

Да сильный гнѣвъ твой злыхъ возхититъ,
Какъ бурнымъ вихремъ легкій прахъ;
И Ангелъ твой да не защититъ,
Бѣгущимъ (1) умножая страхъ,

---

(1) Бѣгущихъ

Да помрачится путь ихъ мглою,
Да будетъ ползокъ и разрытъ,
И Ангелъ мстящею рукою
Ихъ въ слѣдъ гоня, да устрашитъ.

Сіе гоненіе ужасно
Да оскорбитъ за злобу ихъ,
Что на меня ярясь (1) напрасно,
Скрывали мрежу злобъ своихъ.

Глубокій, мрачный ровъ злодѣю
Въ пути да будетъ сокровенъ;
Да будетъ сѣтію своею,
Что мнѣ поставилъ, уловленъ.

Душа моя возвеселится
О покровителѣ своемъ,
И радостію ободрится
О заступленіи твоемъ.

Съ Тобою кто себя сравняетъ?
Всѣ кости, Боже мой, гласятъ;
Твоя власть сильныхъ сокрушаетъ,
Что бѣдныхъ разтерзать хотятъ.

Уже свидѣтели возстали
Неправедные на меня,
И стыдъ оставивъ, вопрошали
О томъ, чего не знаю я.

---

(1) Что зляся на меня.

Наносятъ мнѣ вражду и злобу,
Чтобъ тѣмъ мнѣ за добро воздать,
И бѣдной духъ мой и утробу
Досадой и тоской терзать.

Но какъ они ослабѣвали;
Тогда постомъ я и мольбой
Смирялъ себя, дабы возстали
Противники мои въ покой.

Какъ брату своему я тщился,
Какъ ближнимъ, такъ имъ угождать,
И сѣтуя объ нихъ крушился,
И слезъ своихъ не могъ держать.

Они однако веселятся,
Какъ видятъ близь мою напасть,
И на меня согласно зляться,
Гоѳовя ровъ, гдѣ мнѣ упасть.

Смятенный духъ во мнѣ терзаютъ,
Моимъ паденьемъ льстя себя;
Смѣются, нагло укоряютъ,
Зубами на меня скрыпя.

Доколѣ, Господи, безъ гнѣву
На злость ихъ будешь Ты взирать?
Не дай, не дай Ты львову чреву
Животъ мой до конца пожрать!

Во храмѣ возвѣщу великомъ
Преславную хвалу твою,
Веселымъ гласомъ и языкомъ
При тьмахъ народа воспою,

Не дай врагамъ возвеселиться
Неправедной враждой своей,
Не дай презорствомъ возгордиться
И помизаніемъ очей.

Хотъ мирныя слова вѣщали,
И ласковъ видъ казали внѣ;
Но въ сердцѣ злобу умышляли,
И сѣти сплетали мнѣ.

Мнѣ пагубы конечно чая,
Всѣ купно стали восклицать,
Смѣяться, челюсть разширяя:
Намъ радостно на то взирать!

Ты видѣлъ, Господи, ихъ мерзость:
Отмсти и злобнымъ не стерпи,
Отмсти безсовѣстную дерзость,
И отъ меня не отступи.

Возстани, Господи Зиждитель,
Взойди на твой святый престолъ,
И буди нашей при рѣшитель,
Спаси отъ нестерпимыхъ золъ.

Подвигнись правдою святою,
Суди насъ, Господи, суди,
Не дай имъ поругаться мною,
Суди, и мнѣ не снисходи.

Не дай имъ въ злобѣ похвалиться,
И мнѣ въ ругательство сказать:
О какъ въ насъ сердце веселится,
Что мы могли его пожрать!

Посрамлены да возмятутся,
Что ради злымъ моимъ бѣдамъ;
И съ верьхъ главы да облекутся
Мои противны въ студъ и въ срамъ.

Но тѣмъ дай вѣчную награду,
Что оправдать меня хотятъ;
Взирая на мою отраду,
Великъ Господь нашъ, говорятъ.

Языкъ мой правдѣ поучится,
И истиннѣ святой твоей.
Тобой мой духъ возвеселится
Чрезъ все число мнѣ данныхъ дней.

ОДА V.

Преложеніе псалма 70.

Въ Тебѣ надѣжду полагаю,
Всесильный Господи, всегда;
Къ Тебѣ и нынѣ прибѣгаю,
Да въ вѣкъ спасуся отъ студа.

Святою правдою твоею
Избавь меня отъ злобныхъ рукъ;
Склонись молитвою моею,
И сокруши коварныхъ лукъ.

Поборникъ мнѣ и Богъ мой буди
Противъ стремящихся враговъ,
И бренной сей и тлѣнной груди
Стѣна, защита и покровъ.

Спаси меня отъ грѣшныхъ власти
И преступившихъ твой законъ,
Не дай мнѣ въ челюсти ихъ впасти
Зіяющи со всѣхъ сторонъ.

Въ терпѣніи моемъ, Зиждитель,
Ты былъ отъ самыхъ юныхъ дней
Помощникъ мой и покровитель,
Пристанище души моей.

Отъ чрева матерня Тобою
И отъ утробы укрѣпленъ,
Тебя превозношу хвалою,
Усердіемъ къ Тебѣ возженъ.

Враги мои чудясь, смѣются,
Что я кругомъ объятъ бѣдой:
Однако мысли не мятутся,
Когда Господь заступникъ мой.

Превозносить твою державу
И воспѣвать на всякой часъ
Великолѣпіе и славу
Отъ устъ да устремится гласъ.

Во время старости глубокой,
О Боже мой! не отступи;
Но крѣпкой мышцей и высокой
Увядши члены укрѣпи.

Враги, которые всечасно
Погибели моей хотятъ,
Уже о мнѣ единогласно
Между собою говорятъ.

Погонимъ: Богъ его оставилъ;
Кого онъ можетъ преклонить?
Отъ насъ бы кто его избавилъ?
Теперь пора его губить.

О Боже мой! не удалися,
Покрой меня рукой своей,
И помощь низпослать потщися
Объятой зломъ душѣ моей.

Да въ вѣчномъ срамѣ погрузятся,
Которые мнѣ ищутъ зла;
Да на главу ихъ обратятся
Коварства, плевы и хула.

Надѣжду крѣпку несомнѣнно
Въ Тебѣ единомъ положу,
И прославляя безпремѣнно,
Въ псалмахъ и пѣсняхъ возглашу.

Отъ устъ моихъ распространится
О истиннѣ твоей хвала,
Благодѣяній слухъ промчится,
Тобой мнѣ бывшихъ безъ числа.

Твою я крѣпость, Вседержитель,
Повсюду стану прославлять;
И что Ты мой былъ покровитель,
Во вѣки буду вспоминать.

Тобою, Боже, я наставленъ
Хвалишь Тебя отъ юныхъ лѣтъ,
И нынѣ буди препрославленъ
Чрезъ весь Тобой созданный свѣтъ.

Доколѣ дряхлость обращаться
Не возбранитъ моимъ устамъ,
Твоя въ нихъ крѣпость прославляться
Грядущимъ будетъ всѣмъ родамъ.

Твоя держава возвѣстится
И правда мною до небесъ;
О Боже, кто тебѣ сравнится
Великимъ множествомъ чудесъ?

Ты къ пропасти меня поставилъ,
Чтобъ я свою погибель зрѣлъ;
Но скоро обратясь, избавилъ
И отъ глубокихъ безднъ возвелъ.

Щедроту Ты свою прославилъ,
Меня ушѣшить восхотѣлъ,
И скоро обратясь избавилъ,
И отъ глубокихъ безднъ возвелъ,

Среди народа велегласно
Повѣдаю хвалу твою,
И на струнахъ моихъ всечасно
Твои щедроты воспою.

Уста мои возвеселятся,
Когда возвышу голосъ мой,
И купно чувства насладятся
Души спасенныя Тобой.

Еще языкъ мой поучится
Твои хвалити правоты,
Коварныхъ сила постыдится,
Которы ищутъ мнѣ бѣды.

ОДА VI.

Преложеніе псалма 143.

Благословенъ Господь мой Богъ,
Мою десницу укрѣпивый
И персты въ брани научивый
Сопрѣшь враговъ взнесенный рогъ.

Заступникъ и спаситель мой,
Покровъ и милость и отрада,
Надѣжда въ брани и ограда,
Подъ власть мнѣ далъ народъ святой.

О Боже! что есть человѣкъ?
Что Ты ему себя являешь,
И такъ его Ты почитаешь,
Котораго толь краткокъ вѣкъ.

Онъ утро, вечеръ, нощь и день
Во тщетныхъ помыслахъ проводитъ;
И такъ вся жизнь его проходитъ,
Подобно какъ пустая тѣнь.

Склони, Зиждитель, небеса,
Коснись горамъ, и воздымятся,
Да паки на земли явятся
Твои ужасны чудеса.

И молніей твоей блесни,
Рази отъ странъ гремящихъ стрѣлы,
Разсыпь враговъ твоихъ предѣлы,
Какъ бурей плевы разжени.

Меня объялъ чужой народъ,
Въ пучинѣ я погрязъ глубокой,
Ты съ тверди длань простри высокой,
Спаси меня отъ многихъ водъ.

Вѣщаетъ ложь языкъ враговъ,
Десница ихъ сильна враждою,
Уста обильны суетою;
Скрываютъ въ сердцѣ злобный ковъ.

Но я, о Боже, возглашу
Тебѣ пѣснь нову повсечасно;
Я въ десять струнъ тебѣ согласно,
Псалмы и пѣсни приношу.

Тебѣ Спасителю Царей,
Что крѣпостью меня прославилъ,
Отъ люта меча избавилъ,
Что врагъ вознесъ рукой своей.

Избавь меня отъ хищныхъ рукъ
И отъ чужихъ народовъ власти;
Ихъ рѣчь полна тщеты, напасти,
Рука ихъ въ насъ наводитъ лукъ.

Подобно масличнымъ древамъ
Сыновъ ихъ лѣта процвѣтаютъ,
Одѣждой дщери ихъ блистаютъ,
Какъ златомъ испещренный храмъ.

Пшеницы полны гумна ихъ,
Несчетно овцы ихъ плодятся,
На тучныхъ пажитяхъ храняться
Стада въ правѣ воловъ толстыхъ.

Цѣла обширность крѣпкихъ стѣнъ,
Вездѣ столпами укрѣпленныхъ,
Тамъ вопля въ стогнахъ нѣтъ стѣсненныхъ,
Не знаютъ скорбныхъ тамъ временъ.

Щастлива жизнь моихъ враговъ!
Но тѣ свѣтлѣе веселятся,
Ни буръ, ни громовъ не боятся,
Которымъ Вышній самъ покровъ.

ОДА VII.

Преложеніе псалма 145.

Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дыхать.

Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть Князей земныхъ;
Ихъ тѣлъ родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

Когда съ душею разлучатся,
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ:
Высоки мысли разрушатся
И гордость ихъ и власть минетъ.

Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ.

Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту
И непостижными дѣлами
Земли и моря широту.

Творящаго на сильныхъ нищу
По истинѣ въ обидахъ судъ,
Дающаго голоднымъ пищу,
Когда къ нему возопіютъ.

Господь оковы разрѣшаетъ
И умудряетъ онъ слѣпцовъ,
Господь упадшихъ возвышаетъ,
И любитъ праведныхъ рабовъ.

Господь пришельцевъ сохраняетъ,
И вдовъ приемлетъ и сиротъ.
Онъ дерзскій грѣшныхъ путь скончаетъ,
Въ Сіонѣ будетъ въ родъ и родъ.

ОДА VIII.

Преложеніе псалма 103 (*).

Да хвалитъ духъ мой и языкъ
Всесильнаго Творца державу,
Великолѣпіе и славу.
О Боже мой, коль Ты великъ!

Одѣянъ чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета
Шатру подобно предъ собой.

Покрывъ водами высоты,
На легкихъ облакахъ восходишь;
Крилами вихрей шумъ наводишь,
Когда на нихъ летаешь Ты.

И воли твоея послы,
Какъ устремленія воздушны,
Всесильнымъ маніемъ послушны,
Текутъ, горятъ, не зная мглы.

(*) Сей псаломъ взятъ изъ I части Академическаго изданія, гдѣ онъ, отыскавъ будучи между оставшимися рукописями послѣ Г. Ломоносова неполной, въ первой разъ былъ напечатанъ. Не преложено псалма сего еще 19 стиховъ.

Ты землю твердо основалъ,
И для надѣжныя окрѣпы
Недвижны положилъ заклепы,
И вѣчну непреклонность далъ.

Ты бездною ея облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, спущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь раждается и снѣгъ.

Ихъ воля твой единый взглядъ,
Отъ запрещенія мутятся,
И въ тучи устрашась тѣснятся;
Лишь грянетъ громъ твой, внизъ шумятъ.

Восходятъ горы въ высоту,
Крутыя ставишь ты стремнины,
И стелешь злачныя долины,
Угрюмствомъ множа красоту.

Предѣлъ верхамъ ихъ положилъ,
Чтобъ землю скрыть не обратились,
Ничѣмъ бы внизъ не преклонились,
Опричь твоихъ безмѣрныхъ силъ.

Изъ горъ въ долины льешь ключи,
И прохлаждаешь тѣмъ отъ зноя;
Журчашъ для сладкаго покоя,
Между горами текучи.

И напаяютъ всѣхъ звѣрей,
Что окрестъ селъ себя пипаютъ,
Онагры ждутъ, какъ въ жаждѣ таютъ,
Отрады отъ руки твоей.

Слетаясь тамо птицы въ тѣнь,
Возносятъ пѣніе и свисты,
Живятъ вертепы каменисты,
И тѣмъ проводятъ жаркой день.

Ты свыше влагу льешь горамъ,
Плодами землю насаждаешь,
И всѣхъ живущихъ насыщаешь,
Свидѣтелей твоимъ дѣламъ.

Растишь въ поляхъ траву для стадъ;
Тамъ разны зѣлія въ потребу
Обильно прилагаешь къ хлѣбу;
Щедротою ко всѣмъ богатъ.

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпитъ,
Намъ масло члены умягчаетъ,
Вино въ печали утѣшаетъ,
И сердце радостью живитъ.

Древамъ даешь обильный токъ,
Поля вѣнчаешь ими, щедрый!
Насаждены въ Ливанѣ кедры
могуществомъ всесильныхъ рукъ.

ОДА IX.

Выбранная изъ Іова глав: 38. 39. 40 и 41.

О ты, что въ горести напрасно
На бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно,
Онъ къ Іову изъ тучи рѣкъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая,
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ.

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ,
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ

Мое величество вѣщали,
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвигнулъ океанъ?

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣти ранѣй утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли пряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

Стремнинами пучей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину,
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада ходящія по дну?

Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тмою (1)
Со страхомъ смертныя врата?
Ты стерлъ ли адовы уста?

Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустишь прозрачный,
И молнію въ дождѣ родишь,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ,
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ,
Что я ему на пищу далъ. (2)
Толь быстро око (3) тыль создалъ?

Воззри въ лѣса на Бегемота,
Что мною сотворенъ съ тобой;
Колючей шернь его охота
Безвредно попирать ногой.

---

(1) Мглою.
(2) Что въ пищу я ему послалъ.
(3) Ты ли далъ.

Какъ вервьви сплетены въ немъ жилы:
Ошвѣдай шы своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ липая мѣдь:
Кшо можешъ рогъ его сошрѣшь?

Ты можешь ли Левіаѳана
На удѣ вышянушь на брегъ?
Въ срединѣ самой Океана
Онъ быспрый просшираешъ бѣгъ;
Свѣшящимися чешуями
Покрышъ какъ мѣдными щишами,
Копье и мечъ и молошъ швой
Щишаешъ за просшникъ гнилой.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣешъ,
И зубы спрашный рядъ серповъ:
Кшо руку въ нихъ вложишь юсмѣешъ?
Всегда къ сраженью онъ гошовъ;
На осшрыхъ камняхъ возлегаешъ,
И швердосшь оныхъ презираешъ,
Для крѣпосши великихъ силъ
Щишаешъ ихъ за мягкой илъ.

Когда ко брани усшремишся,
То море какъ кошелъ кипишъ,
Какъ печь горшань его дымишся,
Въ пучинѣ слѣдъ его горишъ,

Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ уголь въ горнилѣ раскаленный:
Всѣхъ сильныхъ онъ спрашиетъ, гоня:
Кто можетъ стать противъ меня?

Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ персть я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка;
За чѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ я далъ?

Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть;
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надѣждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси.

ОДА X.

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

Уже прекрасное свѣшило
Просперло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла откры́ло;
Мой духъ съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись воззрѣть;
Тогдабъ со всѣхъ откры́лся странъ
Горящій вѣчно Океанъ.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной нощи (1) свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполненны твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверьхность тѣлъ;
Но взоръ твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости твоихъ очей
Лiется радость твари всей.

Творецъ, покрытому мнѣ тмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи,
И на твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

---

(1) Ночи.

ОДА XI.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна (1) шѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ;
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь мысльми утомленъ!

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ;
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божества
Тамъ равна сила естества.

---

(1) Чорна.

Но гдѣжъ, Натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ вспаетъ заря!
Не солнцель спавитъ тамъ свой тронъ?
Не льдистыль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!

О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ,
Скажите, что насъ такъ мятетъ?

Что зыблетъ ясный нощью лучъ?
Что тонкій пламень въ тверды разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верьхи горятъ,
Иль въ морѣ дутъ престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эфиръ.

TAYLOR INST. OXFORD

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажитежъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ шварей вамъ конецъ:
Скажитежъ, коль великъ Творецъ?

ОДЫ

ПОХВАЛЬНЫЯ.

ОДА I.

Блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ АННѢ ІОАННОВНѢ на побѣду надъ Турками и Татарами и на взятіе Хотина 1739 года.

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верьхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ молчитъ,
Которой завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ куришся.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Каспальской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.

Корабль какъ ярыхъ волнъ среди,
Которыя хотятъ покрыши,
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верьхи,
Претитъ съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Къ Россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ шьмы Тапаръ;
Скрываетъ небо конскій паръ!
Что жъ въ томъ? стремглавъ безъ душъ валятся.

Крѣпитъ отечества любовь
Сыновъ Россійскихъ духъ и руку;
Желаетъ всякъ пролить всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку.
Какъ сильный левъ стада волковъ,
Что кажутъ острыхъ рядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонитъ страхомъ?
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожитъ,
И хвостъ песокъ и пыль мутитъ,
Разитъ, извившись сильнымъ махомъ.

Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ,
И съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти раззинуть хочетъ?
То родъ отверженной рабы,

Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
Гдѣ въ прудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ, среди болотъ
Чрезъ быстрой токъ на огнь дерзаетъ.

За холмы, гдѣ паляща хлябь
Дымъ, пепелъ, пламень, смерть рыгаетъ,
За Тигръ, Стамбулъ, своихъ заграбь,
Что камни съ береговъ сдираетъ:
Но чтобъ орловъ сдержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ;
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія степи равенъ путь:
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ (1) тамъ полки орлины.

Пускай земля какъ Понтъ прясетъ,
Пускай вездѣ громады стонутъ,
Премрачный дымъ покроетъ свѣтъ,
Въ крови Молдавски горы тонутъ:
Но вамъ не можетъ то вредить,
О Россы, васъ самъ рокъ покрыть
Желаетъ для щастливой АННЫ.
Уже вашъ къ Ней усердный жаръ
Быстро проходитъ сквозь Татаръ,
И путь отворенъ вамъ пространный.

---

(1) Доступятъ.

Скрываетъ лучъ свой въ волны день,
Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
Мурза упалъ на долгу тѣнь;
Взявъ купно свѣтъ и духъ Татарамъ;
Изъ лывъ густыхъ выходитъ волкъ
На блѣдный трупъ въ Турецкій полкъ.
Иной въ послѣдни видя зорю,
Закрой, кричитъ, багряной видъ,
И купно съ нимъ Магметовъ стыдъ,
Спустись поспѣшно съ солнцемъ къ морю.

Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладѣютъ жилы, сердце ноетъ!
Что бьетъ за странный шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ;
Омытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ Герой открылся.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
Онъ такъ взиралъ къ своимъ врагамъ,

Какъ къ Готѳскимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрый конь его скакалъ,
Когда онъ шѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на Югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ смиритель странъ Казанскихъ?
Каспійски воды, сей при васъ
Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

Герою молвилъ тутъ Герой:
„Не тщетно я съ тобой трудился,
Не тщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ Россовъ цѣлой свѣтъ страшился.
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На Сѣверъ, Западъ и Востокъ.
На Югѣ АННА торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.„
Свилася мгла, Герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ не чуетъ.

Крушитъ рѣка Татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
Забывъ и мечъ и станъ и стыдъ,
И представляетъ страшный видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Уже шряхнувшись, легкій листъ
Спрашитъ его, какъ ярый свистъ
Быстро сквозь воздухъ ядръ летящихъ.

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушолъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой:
Коль Росская ужасна сила!

Вливаясь въ Понтъ, Дунай реветъ,
И Россовъ плеску отвѣщаетъ,
Ярясь, волнами Турку льетъ,
Что стыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщетъ какъ пронзенный звѣрь,

И чаетъ, что уже теперь
Въ послѣдній разъ заноситъ ногу ;
И что земля его носитъ
Не хочетъ, что не могъ покрыть.
Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на Сѣверны края ?
Стамбулъ, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотчасъ чаялъ побѣдить;
Янычаръ твой свирѣпо злился,
Какъ тигръ на Росскій полкъ скакалъ
Но что? внезапно мертвъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.

Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала;
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой АННЫ грозный взоръ
Отраду дашь просящимъ скоръ ;
По страшной тучѣ возсіяетъ,
Къ себѣ повинность вашу зря,
Къ своимъ любовію горя,
Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

Златой уже денницы (1) перстъ
Завѣсу свѣта вскрылъ съ звѣздами;
Отъ востока скачетъ по сту верстъ,
Пуская искры конь ноздрями,
Лицемъ сіяетъ Фебъ на томъ:
Онъ пламеннымъ потрясъ верьхомъ;
Преславно дѣло зря, дивится:
„Я мало таковыхъ видалъ
Побѣдъ, коль долго я блисталъ,
Коль долго кругъ вѣковъ катится.„

Какъ въ клубъ змія себя крутитъ,
Шипитъ, подъ камень жало кроетъ,
Орелъ когда шумя летитъ,
И тамъ паритъ, гдѣ вѣтръ не воетъ;
Превыше молній, бурь, снѣговъ,
Звѣрей онъ видитъ, рыбъ, гадовъ.
Предъ Росской такъ дрожитъ орлицей,
Стѣсняетъ внутрь Хотинъ своихъ.
Но что? въ стѣнахъ ли можетъ сихъ
Предъ сильной устоять Царицей?

Кто скоро толь тебя, Калчакъ,
Россійской учитъ вдаться власти,
Ключи вручитъ подданства въ знакъ,
И большей избѣжатъ напасти?
Правдивой Аннинъ гнѣвъ велитъ,

---

(1) Десницы.

Что падшихъ передъ ней щадишь :
Ея взошли и шамъ оливы,
Гдѣ Вислы токъ, гдѣ славный Ренъ,
Мечемъ противникъ гдѣ смиренъ,
Извергли духъ сердца кичливы.

О какъ красуются мѣста,
Что иго люто низложили,
И что на Туркахъ тягота,
Которую отъ нихъ носили;
И варварскія руки шѣ,
Что ихъ держали въ шѣснотѣ,
Въ полонъ уже несутъ оковы;
Что ноги узами звучатъ,
Которы для отгнанья стадъ
Чужи поля топтать готовы!

Не вся твоя тутъ, Порта, казнь,
Не такъ тебя смирятъ достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить намъ не дала спокойно.
Еще высокихъ мыслей страсть
Претитъ тебѣ предъ АННОЙ пасть?
Гдѣ можешь ты отъ ней укрыться?
Дамаскъ, Каиръ, Алеппъ сгоритъ;
Обставятъ Росскимъ флотомъ Критъ;
Евфратъ въ твоей крови смутится.

Чинитъ премѣну что во всемъ?
Что очи блескомъ проницаетъ?
Чистѣйшимъ съ неба что лучемъ
И дневну ясность превышаетъ?
Героевъ слышу веселъ кликъ!
Одѣянъ въ славу Аннинъ ликъ
Надъ звѣздны вѣчность взноситъ круги;
И правда взявъ перо злато,
Въ нетлѣнной книгѣ пишетъ то,
Велики коль Ея заслуги!

Витійство, Пиндаръ, успѣхъ твоихъ
Тягчаебъ Ѳивы обвинили,
За тѣмъ, что о побѣдахъ сихъ
Онибъ громчае возгласили,
Какъ прежде о красѣ Аѳинъ:
Россія какъ прекрасный кринъ
Цвѣтетъ подъ Анниной державой.
Въ Китайскихъ чтупъ ее стѣнахъ,
И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ Россовъ славой.

Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ покровомъ!
Какія видишь красоты
При семъ торжествованьи новомъ!
Военныхъ не страшися бѣдъ:

Бѣжитъ отшуду бранный вредъ,
Народъ гдѣ АННУ прославляетъ.
Пустъ злобна зависть ядъ свой льетъ,
Пустъ свой языкъ, ярясь, грызетъ,
То наша радость презираетъ.

Козацкихъ поль за Днѣстрской шагъ
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянъ.
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не зналъ, плывя, препятства.
Красуется великъ и малъ;
Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желалъ;
Влекутъ къ тому торжествъ изрядства.

Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ,
Припѣдъ, овецъ пасетъ гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ;
Солдатску храбрость хвалитъ въ ней,
И жизни часть блажитъ своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И Ту, что отъ враговъ хранитъ,
Простымъ усердьемъ прославляетъ.

Любовь Россіи, спрахъ враговъ,
Спраны полночной Героиня,
Седми проспранныхъ морь береговъ
Надѣжда, радоспь и богиня,
Велика АННА, Ты добропъ
Сіяешь свѣпомъ и щедропъ,
Проспи, что рабъ швой къ громкой славѣ
Звучишъ, что крѣпосшь силъ швоихъ
Придашь дерзнулъ некрасной спихъ
Поддансшва въ знакъ Твоей державѣ.

ОДА II.

На прибытіе Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ изъ Москвы въ Санктпетервургъ 1742 года по коронаціи.

Какой пріятной Зе́фиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ?
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой,
Зарей торжествъ свѣтящу новой.
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ,
Мрачнѣе нощь 1) грозитъ врагамъ.
Брега Невы руками плещутъ,
Брега Бошнійскихъ водъ трепещутъ.

Взнесись 2) превыше молній, Муза,
Какъ быстрый съ Пиндаромъ орелъ 3);
Гремящихъ арфъ ищи союза,
И въ верьхъ пари скорѣе стрѣлъ;
Сладчайшій нектаръ лей съ Назономъ;

---

1) Ночь.
2) Взлети.
3) Какъ Пиндаръ быстрый твой орелъ.

Превысь Парнассъ высокимъ шономъ;
Съ Гомеромъ какъ рѣка шуми,
И какъ Орфей съ собой веди
Въ торжествень ликъ древа и воды
И всѣхъ звѣрей пустынныхъ роды.

Дерзай ступить на сильны плечи
Атланшскихъ къ небу смежныхъ горъ;
Внушай свои вселенной рѣчи;
Блюдись спустишь свой въ долы взоръ;
Надъ тучи онымъ просширайся,
И выше облакъ возвышайся,
Спѣши звучащей славѣ въ слѣдъ.
Но ею весь пространный свѣтъ
Наполненный страшась чудится:
Какъ въ стихъ возможно ей вмѣстишься?

Однако ты и тѣмъ щасплива,
Что тщишься 1) похвалы вспѣвать
Всея земли красы и дива,
И тѣмъ красу себѣ снискать.
Ты твердь оставь, о древня лира,
Взнесенна басньми къ верьху міра:
Моя число умножить звѣздъ,
Возвысившись до горнихъ мѣстъ
Парящей славою 2) Орлицы,
Пріявъ отъ Росской свѣтъ Денницы.

---

1) Имя воспѣвать.
2) Славой вознесенна
И новымъ блескомъ освѣщенна.

Священный ужасъ мысль объемлетъ;
Отверзъ Олимпъ всесильный дверь;
Вся шварь со многимъ страхомъ внемлетъ,
Великихъ зря Монарховъ дщерь,
Отъ вѣрныхъ всѣхъ сердецъ избранну,
Рукою Вышняго вѣнчанну,
Споящу предъ Его лицемъ,
Котору въ свѣтѣ онъ своемъ
Прославивъ, щедро къ ней взираетъ,
Завѣтъ крѣпитъ и утѣшаетъ.

„Благословенна вѣчно буди,
Вѣщаетъ Ветхій деньми къ ней,
И всѣ твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти Я твоей;
Твои любезныя доброты
Влекутъ къ себѣ мои щедроты.
Я въ гнѣвѣ Россамъ былъ творецъ,
Но нынѣ паки имъ отецъ:
Души твоей кротчайшей сила
Мой гнѣвъ на кротость преложила.

„Утѣшилъ я въ печали Ноя,
Когда потопомъ міръ казнилъ,
Дугу поставилъ въ знакъ покоя,
И тою съ нимъ завѣтъ чинилъ.
Хотѣлъ Россію бѣдъ водою

И гнѣвною казнишь грозою;
Однако для заслугъ твоихъ
Пробавилъ милость въ людяхъ сихъ;
Тебя поставилъ въ знакъ завѣта
Надъ знатнѣйшею частью свѣта

„Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы
И отъ меня вліянный духъ;
Въ безчисленны промчится роды
Добротъ твоихъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду даритъ;
Господствуй утвержденна мною,
Я буду завсегда съ тобою.“

Но что страны вечерни тмятся,
И дождь кровавыхъ каплей льютъ?
Что Финскихъ рѣкъ струи дымятся,
И долы съ влагой пламень пьютъ?
Тамъ видя выше горизонта
Всходяща Готѳска Фаетонта
Прошивъ теченія небесъ,
И вкругъ себя горящій лѣсъ,
Тюмень въ брегахъ своихъ мутится,
И воды скрыть подъ землю тщится.

Препящимъ окомъ Вседержитель
Воззрѣвъ на полкъ вечерній, рекъ:
„О дерзкій мира нарушитель!
Ты мечъ противъ меня извлекъ;
Я правлю солнце, землю, море,
Кто можетъ спать со мною въ споръ?
Моя десница мещетъ громъ,
Я въ пропасть свергъ за грѣхъ Содомъ,
Я небо мракомъ покрываю;
Я самъ Россію защищаю.“

Но Вышній зракъ свой отвращаетъ
Отъ Готѳскихъ ослѣпленныхъ странъ,
И тѣмъ продерзость ихъ смущаетъ,
Трясетъ полки ихъ, Флотъ и станъ;
Какъ сильный вихрь съ полей прахъ гонитъ
И древъ верьхи высоки клонитъ.
Богинѣ Росской громъ вручилъ,
Чѣмъ злость разитъ противныхъ силъ:
„Прими разженны къ мести стрѣлы,
Разсыпь враговъ своихъ предѣлы.“

Стокгольмъ глубокимъ сномъ покрытый,
Проснись, познай Петрову кровь;
Не жди льстецовъ своихъ защиты,
Отринь коварну ихъ любовь;
Ты всуе солнце почитаешь,

И предъ луной себя склоняешь;
Цѣлуй ЕЛИСАВЕТИНЪ мечъ,
Что ты принудилъ самъ извлечь:
Его мягчитъ одна покорность,
Острипъ кичливая упорность.

Примѣры храбрости Россійской
Представь [illegible] умѣ своемъ;
Воззри на Донъ и край Понтійской
Смиренный мстительнымъ огнемъ.
Тамъ степи кровью напоенны
Взрастили 1) лавры намъ зелены;
Багрова нам земля тряслась,
И къ небу съ дымомъ пыль вилась;
Россіянъ твердо грудь стояла,
И слава ихъ во мглѣ блистала.

Свою Полтавску вспомни рану,
Что знашь еще въ груди твоей,
И гордость при Днѣпрѣ попранну
И многій плѣнъ твоихъ людей,
За Обскія брега вселенны,
Хребтомъ Рифейскимъ заключенны,
За коимъ сильна Росска власть
Велику держитъ востока часть,
Гдѣ орды ей сбираютъ дани,
По ней всегда готовы къ брани.

---

1) Родили.

Какъ лишь рѣкамъ не льзя къ вершинѣ
Пропивъ крупизны водъ своихъ,
И силы взять огню въ пучинѣ;
Такъ къ намъ ввести людей твоихъ.
Орлы на тое не взираютъ,
Что львовы челюсти зіяютъ.
Вотще твой хитрый былъ совѣтъ:
Россію самъ Господь блюдетъ;
Рукою Онъ ЕЛИСАВЕТЫ
Противныхъ разрушитъ навѣты.

Уже и моремъ и землею
Россійско воинство течетъ,
И сильной крѣпостью своею
За лѣсъ и рѣки Готѳовъ жметъ.
Огня ревущаго удары
И свистъ отъ ядръ летящихъ ярый
Сгущенный дымомъ воздухъ рвутъ,
И тяжкихъ горъ сердца трясутъ,
Уже мрачится свѣтъ полдневный,
Повсюду видъ и слухъ плачевный.

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
Тамъ смерть межъ Готѳскими полками
Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй,
И алчну челюсть отверзаетъ,

И хладны руки проспираешъ,
Ихъ гордый испоргая духъ,
Тамъ тысящи валяшся вдругъ.
Но естьли хочешь видѣть ясно,
Коль Росско воинство ужасно:

Взойди на брегъ крутой высоко,
Гдѣ кончится землею понтъ;
Проспри свое чрезъ воды око,
Коль много обнялъ горизонтъ;
Внимай, какъ югъ пучину давитъ,
Съ пескомъ мутитъ, зыбь на зыбь спавитъ,
Касается морскому дну,
На сушу гонитъ глубину,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ;
Такъ Россъ противныхъ низлагаетъ.

Какъ ежели на Римлянъ злился
Плутонъ, являя гнѣвъ и власть,
И естьли градъ тому чудился,
Что Курцій, видя мрачну пасть,
Презрѣлъ и младость и породу,
Погибъ за Римскую свободу,
Съ разъѣзду въ оную скочивъ;
То ей, Квириты, Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ Россѣ, что безъ страху
Чрезъ огнь и рвы течетъ съ размаху.

Всякъ мнитъ, что равенъ онъ Алкиду,
И что Немейскимъ львомъ покрытъ,
Или ужасную Эгиду
Нося, враговъ своихъ страшитъ;
Пронзаетъ, рветъ и разсѣкаетъ,
Прошивныхъ силу презираетъ.
Смѣсившись съ прахомъ, кровь кипитъ;
Здѣсь шлемъ съ главой, тамъ трупъ лежитъ,
Тамъ мечъ съ рукой отбитъ валится.
Коль злоба жестоко казнится!

Народы, нынѣ научитесь,
Смотря на страшну гордыхъ казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренню пріязнь;
На множество не уповайте
И тѣмъ Небесъ не раздражайте:
Мечи, щиты и крѣпость стѣнъ
Предъ Божьимъ гнѣвомъ гниль и тлѣнъ:
Предъ нимъ и горы изчезаютъ,
Предъ нимъ пучины изсыхаютъ.

Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный Исполинъ,
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;

Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещатъ,
И слѣдомъ дерева лежатъ,
Что множество вѣковъ стояли,
И бурей ярость презирали.

Такъ Флотъ Россійскій въ понтъ дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверьхъ валовъ;
Надменна бездна уступаетъ,
Стеня отъ тягости судовъ.
Во слѣдъ за скорыми кормами
Спѣшитъ сѣдая пѣна рвами.
Веселный шумъ, гребущихъ крикъ
Наносятъ Готѳамъ страхъ великъ;
Уже надежду отвергаютъ,
И въ мглѣ свой флотъ и стыдъ скрываютъ.

Не Шведъ ли мнилъ, что онъ главою,
Какъ Атласъ держитъ цѣлой свѣтъ,
И море сильною рукою
И полной властью въ узахъ жметъ;
Что швердь съ собой въ союзѣ свяжетъ,
И вспять ипши лунѣ укажетъ?
Однако родъ Россійскій зналъ,
И мысленно тогда взиралъ,
Когда онъ сталъ на насъ грозиться,
Какъ онъ бѣжитъ, какъ насъ страшится!

На нивахъ жатву оставляетъ
Опъ мести устрашенный Финъ,
И съ горъ оцѣпенѣвъ взираетъ
На дымъ всходящій изъ долинъ,
На мечъ на Готѳовъ обнаженный,
На пламень въ селахъ возпаленный;
Тамъ нощью опъ пожаровъ день,
Тамъ днемъ въ пыли нощная тѣнь;
Багровый облакъ въ небѣ рдѣетъ,
Земля подъ нимъ въ крови краснѣетъ.

Но холмы и древа скачите,
Ликуйте множества озеръ,
Руками рѣки восплещите,
Петрополь буди вамъ примѣръ:
ЕЛИСАВЕТА къ вамъ приходитъ,
Отраду съ тишиной приводитъ,
Любя вселенныя покой,
Уже простертой вамъ рукой
Даруетъ мирныя оливы,
Щадитъ велитъ луга и нивы.

Хотъ съ вамибъ, Готѳы, къ намъ достигли
Поящи западъ быстрины,
Хотя бы вы на насъ воздвигли
Союзны ваши всѣ страны;
Но тщетны былибъ всѣ походы:

Незнаемые вамъ народы,
Что далѣ Сѣвера живутъ,
Того по всѣ минуты ждутъ,
Что имъ велитъ ЕЛИСАВЕТА,
Готовы стать прошиву свѣта.

О слава женъ во свѣтѣ славныхъ,
Россіи радость, страхъ враговъ,
Краса Владѣтельницъ державныхъ!
Всякъ кровь свою пролить готовъ
За многія твои доброты
И къ подданнымъ твоимъ щедроты.
Твой слухъ плѣнилъ и тѣхъ людей,
Что странствуютъ среди звѣрей,
Что съ лютыми пасутся львами;
За честь твою возстанутъ съ нами.

Твое прехвально имя пишетъ
Неложна слава въ вѣчномъ льдѣ,
Всегда гдѣ хладный Сѣверъ дышетъ,
И только вѣрой теплъ къ тебѣ;
И степи въ зноѣ отдаленны
Къ тебѣ любовію возженны
Еще усерднѣе горятъ:
Къ тебѣ отъ восточныхъ странъ спѣшатъ
Уже Американски волны
Въ Камчатской портъ веселья полны.

Въ шумящихъ берегахъ Балтійскихъ
Веселья больше, нежелъ водъ,
Что видѣли судовъ Россійскихъ
Противъ враговъ щастливый ходъ.
Коль радостенъ женихъ въ убранствѣ,
Толь Финскій понтъ въ твоемъ подданствѣ.
Въ проливахъ, въ устьяхъ рѣкъ, въ губахъ
Играя, Нимфы вьютъ въ рукахъ,
Монархиня, вѣнцы лавровы,
Тебѣ вспѣвая 1) пѣсни новы.

О чистый Невскій токъ и ясный,
Щастливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ,
Что сей богини ликъ прекрасный
Кропишь теперь отъ струй своихъ,
Стремись, шуми, теки обильно,
И быстриной твоей насильно
Промчись до Шведскихъ береговъ,
И больше устраши враговъ,
Имъ громкимъ шумомъ возвѣщая,
Что здѣсь зимой весна златая.

Какъ люпый мразъ она прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,

---

1) И воспѣваютъ.

Натуру намъ возобновляешъ,
Поля цвѣтами красишъ вновь:
Такъ нынѣ милостъ и любовь,
И свѣтлый дщери взоръ Петровой
Насъ жизнью оживляешъ новой.

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горишъ во мнѣ охота
Торжественный возвысишъ тонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
И купно ясный день сіяетъ!
То сердце сильна власть страшишъ,
То кротость оное живишъ;
То бодрость страхъ, то страхъ ту клонишъ,
Противна страсть противну гонишъ!

На Западъ смотришъ грознымъ окомъ
Сквозь дверь небесну духъ Петровъ,
Во гнѣвѣ сильномъ и жестокомъ
Преступныхъ онъ мятешъ враговъ.
Богиня кротко съ нимъ взираетъ
На Невскій брегъ, и простираетъ
Свой перстъ на дщерь свою съ высотъ:
Воззри на образъ твой и плодъ,
Что всѣ дѣла твои возставишъ,
И въ свѣтѣ тѣмъ себя прославишъ.

Исполненъ я веселья нынѣ,
Что вновь дѣла мои расшутъ,
Вѣщаетъ Петръ къ Екатеринѣ;
Твои совѣты всѣ цвѣтутъ;
Блаженны дщерью мы своею;
Рука Господня буди съ нею.
Блаженъ тотъ годъ, тотъ день и часъ,
Когда Господь ущедрилъ насъ,
Подавъ ее намъ на ушѣху
И всѣхъ трудовъ моихъ къ успѣху.

Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
Война при Шведскихъ берегахъ
Съ ужаснымъ стономъ возрыдаетъ,
Въ угрюмыхъ кроется лѣсахъ.
Союзъ приходитъ вожделѣнный,
И гласъ возноситъ къ ней смиренный:
Престань прекрасный вѣкъ мрачить,
И Фински горы кровавить:
Се царствуетъ ЕЛИСАВЕТА,
Да миръ подастъ предѣламъ свѣта.

Хотя твои махины грозны,
Но сплавлю ихъ въ сваянный видъ,
Чтобъ знали впредь потомки позны,
Что нынѣ свѣтъ Россіи зритъ.
Я вящши учиню премѣны,

Когда градовъ пространны стѣны
Безъ пагубы людской сотру,
Въ огромные столпы сберу;
Превыше будутъ тѣ Мемфійскихъ
Монарховъ славою Россійскихъ.

Мечи твои и копья вредны
Я въ плуги и въ серпы скую;
Пребудутъ всѣ поля безбѣдны,
Отвергнувъ люту власть твою:
На мѣстѣ брани и раздора:
Цвѣты свои разсыплетъ Флора.
Разить не будетъ сѣрный прахъ
Сквозь воздухъ, огнь и смерть въ полкахъ,
Но озаривъ веселы ночи,
Восхититъ зрящихъ духъ и очи.

Еще плѣненна мысль мутится!
Я слышу стихотворцевъ шумъ,
Которыхъ жаръ не погасится,
И будетъ чтущихъ двигать умъ;
Зависно на меня взирая,
И съ жалостію воздыхая,
Ко мнѣ возносятъ скорбный гласъ:
О коль ты щастливѣе насъ!
Нашъ слогъ исполненъ басней лживыхъ:
Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.

На что бы вымышляпть намъ ложно
Безъ вещи имена однѣ,
Когдабы было намъ возможно
Рожденнымъ въ Росской быпть странѣ
Въ сіе благословенно время,
Въ которое Петрово сѣмя,
Всѣхъ женъ хвала ЕЛИСАВЕТЪ
Сладчайшій Музамъ вѣкъ даетъ.
Въ ней зрятся истинны доброты,
Геройство, красота, щедроты.

Что толь пріятный сонъ смущаетъ,
Восторгъ пресладкій гонитъ прочь,
И что спокойну брань скрываетъ,
И отвращаетъ ясну ночь?
Возноситъ Востокъ и Западъ клики!
Согласно разные языки
Гласятъ къ Монархинѣ своей:
Господь ущербомъ нашихъ дней
Умножь твои дражайши лѣта
Къ отрадѣ и защитѣ свѣта.

Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красотой,
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный въ храмъ образъ твой.
Что жъ будущіе скажутъ роды?

Покрыты кораблями воды
И грады, гдѣ былъ прежде лѣсъ,
Возвысятъ гласъ свой до небесъ:
Великій ПЕТРЪ намъ далъ блаженство,
ЕЛИСАВЕТА совершенство.

Цѣлуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желалъ:
Ты паки зришь Императрицу,
Что въ сердцѣ завсегда держалъ.
Не такъ поля росы желаютъ,
И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ;
Не такъ способныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихій портъ плыветъ,
Какъ сердце наше къ ней пылало,
Чтобъ къ намъ лице ея сіяло.

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый,
Доволенъ будь собою самъ:
Твою усерднѣйшую ревность
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть,
Котору будутъ въ вѣкъ хранить
Дѣла Петровой дщери громки,
Что станутъ поздны честь потомки.

ОДА III.

На прибытіе изъ Голстиніи и на день рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА 1742 года Февраря 10 дня.

Дивится нынѣ вся вселенна
Премудрымъ Вышняго судьбамъ,
Что опъ напастей злыхъ спасенна
Россія зритъ конецъ бѣдамъ;
И что уже ЕЛИСАВЕТА
Златыя въ ону вводитъ лѣта,
Избавивъ опъ насильныхъ рукъ.
Красуются Петровы стѣны,
Что къ нимъ его приходитъ внукъ
Прекрасной АННОЙ днесь рожденный.

Въ сіе благопріятно время,
Когда всещедрый нашъ Творецъ
Возставилъ намъ Петрово племя,
И нашей скорби далъ конецъ,
Ужъ съ радостью любовь согласно
Вездѣ ликуютъ безопасно.
Всего народа веселъ шумъ,
Какъ гласъ водъ многихъ въ верьхъ возходитъ,
И мой отрады полный умъ
Восхитивъ тѣмъ, въ восторгъ приводитъ.

*

TAYLOR INST. OXFORD

Воинскій звукъ оставь, Беллона,
И, Марсъ, вложи свой шумный мечъ,
Чтобъ стройность праздничнаго тона
И Музъ поющихъ нынѣ рѣчь
Едина громко разносилась,
И съ нашей радостью сравнилась;
Чтобъ воздухъ, море и земля
ЕЛИСАВЕТУ возглашали,
И купно съ ней Петра хваля,
Моей бы лирѣ подражали.

Богиня, коея державу
Объять не могутъ седмь морей,
И громкую повсюду славу
Едва вмѣстить вселенной всей!
Твоя надежда совершилась,
И радость паки обновилась:
Ты зришь Великаго Петра
Какъ Феникса воскресша нынѣ;
Дражайшая твоя сестра
Жива въ своемъ любезномъ сынѣ.

О коль велика добродѣтель
Въ Петровыхъ дняхъ цвѣтетъ!
Коль славенъ Сѣвера владѣтель
Въ тебѣ, Россія, возрастетъ!
Онъ ради твоего блаженства

Даровъ достигнетъ совершенства:
И щастье бѣгъ остановитъ
Любовью оныхъ возхищенно,
Союзъ съ тобою утвердитъ,
И вѣчно будетъ непремѣнно.

О плодъ отъ корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,
Къ тебѣ горитъ уже издавна
Россіянъ искренния любовь!
Петрополь по тебѣ терзался,
Когда съ тобою разлучался
Еще въ зачатіи твоемъ.
Сердца жалѣньемъ закипѣли,
Когда подъ дерзкимъ кораблемъ
Балтійски волны побѣлѣли.

Какъ матъ стенаньемъ и слезами
Крушится о сынѣ своемъ,
Что онъ противными вѣтрами
Отгнанъ живетъ въ краю чужемъ,
Она минуты всѣ считаетъ,
На брегъ по всякой часъ взираетъ,
И проситъ щедры небеса:
Россія такъ тебя желала,
И чрезъ пучину и лѣса
Усердны мысли простирала.

Но нынѣ радость умножаетъ
Желанный нами твой приходъ;
И кротость неба обѣщаетъ
Возвысить тѣмъ Россійскій родъ.
Стихіи сами предъявляютъ,
Чего всѣ Россы ожидаютъ.
Здѣсь теплый воздухъ повѣвалъ
Съ любовью нашею согласно;
Весну пріятну предвѣщалъ,
Какъ ждали мы тебя всечасно.

Коликой славой днесь блистаетъ
Сей градъ въ прибытіи твоемъ!
Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданіи своемъ;
Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
Ахъ естьлибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
Къ тебѣ горяща мысль открылась;
Тобъ мрачна нощь отъ сихъ утѣхъ
На вѣчной день перемѣнилась!

Намѣстница Всевышней власти,
Что родомъ, духомъ и лицемъ
Восходишь выше смертныхъ части,
Прехвальна, совершенна всѣмъ,
Въ которой всѣхъ даровъ изрядство,

Съ величествомъ цвѣтетъ пріятство,
Кому возможно описать
Твои доброты всѣ подробну?
Какъ развѣ только указать
Въ Петрѣ природу въ томъ подобну.

Но спѣшно толь куда возходитъ
Внезапно мой плѣненный взоръ?
Видѣніе мой духъ возводитъ
Превыше Ѳессалійскихъ горъ!
Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
Рукою отрока держащу
И всѣ страны полночны съ нимъ.
Украшенна кругомъ звѣздами
Разитъ перуномъ внизъ своимъ,
Гоня противности съ бѣдами.

И вѣчность предстоитъ предъ нею,
Разгнувши книгу всѣхъ вѣковъ,
Клянется небомъ и землею
О щастьѣ будущихъ родовъ,
Что къ Россамъ будетъ непремѣнно,
Петровой кровью утвержденно.
Отверзлась дверь, не видѣнъ край,
Въ пространствѣ заблуждаетъ око,
Цвѣтетъ въ Россіи красной рай,
Простерть во всѣ страны широко,

Млекомъ и медомъ напоенны
Тучнѣютъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенны
Смѣются злачные луга:
Съ полудни вѣетъ духъ смиренный,
Чрезъ плодъ земли благословенный:
Утихъ свирѣпый вихрь въ моряхъ;
Владѣетъ тишина полями,
Спокойство царствуетъ въ градахъ,
И миръ простерся надъ водами.

Увидѣвъ времена златыя
Среди градовъ своихъ и селъ,
Гласитъ спасенная Россія
Къ защитницѣ своихъ предѣлъ:
Тебѣ я подданныхъ питаю,
И храбру кровь ихъ ободряю,
Чтобъ тую за тебя пролить.
Ахъ, чтобы къ удивленью свѣта
Изволилъ Вышній утвердить
Престолъ Петровъ чрезъ вѣчны лѣта!

ОДА IV.

На день Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА 1743 года.

Уже врата отверзло лѣто;
Натура ставитъ общій пиръ;
Земля и сердце въ насъ нагрѣто;
Колеблетъ вѣтьви тихъ Зефиръ,
Объемлетъ мягкій лугъ крылами;
Крушится чистый токъ полями;
Брега питаетъ тучный илъ;
Древа и цвѣтъ покрылись медомъ;
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно ясный вождь свѣтилъ.

Но о небесъ пресвѣтло око,
Веселыхъ дней прекрасный царь!
Какъ наша радость, встань высоко,
Пролей чистѣйшій лучъ на шварь,
Въ прекрасну облекись порфиру,
Явись великолѣпенъ міру,
И въ новомъ блескѣ вознесись,
Въ злашую сѣдши колесницу,
Въ зенитъ вступи, прошедъ границу,
Позднѣе 1) въ Океанъ спустись.

---

1) И пожже.

И тѣмъ почти Петрова внука,
Сіяй, какъ нашъ веселый духъ
Горитъ отъ радостнаго звука,
Который въ нашъ внушаетъ слухъ
Младаго шумъ орла паряща,
И предкамъ въ слѣдъ взлетѣть спѣшаща,
На миръ воззрѣть, искать побѣдъ.
Онъ выше бурь и тучъ промчится,
Прошивъ перуновъ ополчится,
Однимъ обозритъ взглядомъ свѣтъ.

Какой веселый ликъ приходитъ?
Се вѣчность отъ пространныхъ нѣдръ
Великій рядъ вѣковъ приводитъ,
Въ нихъ будетъ жить Великій Петръ
Тобой, Великій Князь Россійскій.
Въ Тебѣ весь Нордъ и край Асійскій
Воскресшу прежню чтитъ любовь.
Какъ въ гробъ лице Петрово скрылось,
Въ сей день веселья солнце тмилось;
Но днесь тобою свѣтитъ вновь.

Тебѣ Россія вся открыла,
Кленущись Вышняго рукой:
Я въ сердцѣ много лѣтъ таила,
Что мнѣ достоитъ жить тобой;
Мнѣ полдень съ упромъ вдругъ вступаетъ,

Весна цвѣты и плодъ являетъ
Въ возлюбленной душѣ твоей.
Но грудь пронзитъ народовъ льстивныхъ
Ужасный лучъ, въ полки противныхъ
Блистая изъ твоихъ очей.

Возвысится какъ кедръ высокій
Надъ сильныхъ всѣхъ твоя глава;
Ты какъ змію попрешь пороки,
Пятой наступишь ты на льва.
Твоими самъ Господь устами
Завѣтъ во вѣкъ поставитъ съ нами;
И крѣпче Мавританскихъ горъ
Твои плещи Петромъ скрѣпленны
И силой свыше облеченны
Надѣждный будутъ намъ подпоръ.

Прострешь свои державны длани
Ко Вышнему за насъ въ церквахъ,
Покажешь мечъ и страхъ въ день брани
Подобно какъ твой дѣдъ въ полкахъ:
Премудрость сядетъ въ судъ въ тобою,
Изгонишъ лесть и ковъ съ хулою;
И мужество твои чресла
Скрѣпитъ для общей нашей чести,
Защититъ насъ къ противныхъ месши,
Дабы изторгнуть корень зла.

Подъ инну Трою вновь приступитъ
Россійскій храбрый Ахиллесъ,
Продерзкій мечъ враговъ пришупитъ,
Хвалой взойдетъ къ верьху небесъ.
Ошрада пойдетъ въ слѣдъ ошрадѣ
И плески плескамъ вѣсть дадутъ:
Господь щедроты въ насъ пробавитъ,
И больше насъ тобой прославитъ,
Какъ съ шрепешомъ враги падутъ.

Мой духъ шечетъ къ предѣламъ свѣша,
Охотой храбрыхъ дѣлъ плѣненъ,
Въ восторгѣ зритъ грядущи лѣта
И грозный древнихъ видъ временъ:
Холмовъ Ливанскихъ верьхъ дымится!
Тамъ Наввинъ, иль Самсонъ стремится!
Текутъ струи Евфратски вспять!
Онъ Тигровъ челюсти терзаетъ,
Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
Велитъ лунѣ и солнцу спать.

Фиссонъ шумитъ, Багдадъ пылаетъ,
Тамъ вопль и звуки въ воздухъ бьютъ,
Ассирски спѣны огнь терзаетъ,
И Тавръ и Кавказъ въ понтъ бѣгутъ.
Единъ прясетъ свирѣпымъ Югомъ

И дальнимъ вспочныхъ спранъ округомъ,
Сильнѣйшій горъ, огня, вѣтровъ,
Отмспитель храбръ враговъ сварливыхъ,
Карателъ спранъ, въ союзѣ лживыхъ
Россійскій родъ и плодъ Петровъ.

Однако естьли врагъ оставитъ
Коварну зависть самъ собой,
То насъ желанный миръ прославитъ,
И тѣмъ возвыситъ насъ Герой.
Спихіи ярость укрощайте,
Туманы въ ясны дни растайте,
Являй веселый небо зракъ,
Цѣлуйтесь громы съ тишиною,
Упейся молнія росою,
Спань рядъ планетъ въ щастливый знакъ.

Въ брегахъ да льются тихо рѣки,
Не смѣя чрезъ предѣлъ ступить;
Да придутъ всѣ страны далеки
Съ концевъ земныхъ тебѣ служить.
Воззри на свѣта шаръ пространный,
Воззри на понтъ тебѣ подстланный,
Воззри въ безмѣрный кругъ небесъ;
Онъ зыблется и помаваетъ,
И славу зрѣть твою желаетъ,
Свѣтящихъ тьмами въ немъ очесъ.

Воззри на трудъ и громку славу,
Что свѣтъ въ Петрѣ неложно чтитъ;
Нептунъ позналъ его державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласитъ:
Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія,
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
Сошедъ къ тебѣ отъ горьнихъ мѣстъ;
Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ,
На внука весело взираетъ,
Среди Героевъ, выше звѣздъ.

Творецъ и Царь небесъ безмѣрныхъ,
Источникъ лѣтъ, вѣковъ Отецъ,
Услыши гласъ Россіянъ вѣрныхъ
И чисту искренность сердецъ!
Какъ естьли сей предѣлъ положенъ,
Что выше степень не возможенъ,
Куда дѣлами Петръ возшелъ;
Яви сію щедроту съ нами,
Да превзойдетъ его лѣтами
Наслѣдникъ имени и дѣлъ.

ОДА V.

На день брачнаго сочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА и Государыни Великія Княгини ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСѢЕВНЫ 1745 года.

Не садъ ли вижу я священный
Въ Едемѣ Вышнимъ насажденный,
Гдѣ первый узаконенъ бракъ?
Въ черпогъ богиня въ славѣ входитъ,
Любезнѣйшихъ супруговъ вводитъ,
Плѣняющихъ сердца и зракъ.
Въ одномъ Геройской духъ и сила
Цвѣтутъ во дняхъ уже младыхъ,
Въ другой натура истощила
Богатство всѣхъ красотъ своихъ.

Исполнилъ Богъ свои совѣты
Съ желаніемъ ЕЛИСАВЕТЫ:
Красуйся свѣтло Росскій родъ.
Се паки Петръ съ Екатериной
Велелья общаго причиной:

Ликуйте сонмы многихъ водъ.
Рифейскихъ горъ верьхи неплодны
Одѣньтесь въ нѣжный цвѣтъ лилей;
Пустыни и поля безводны
Излейте чистый токъ ключей.

На Востокѣ, Западѣ и Югѣ,
Во всемъ пространномъ свѣта кругѣ
Ужасны Росскіе полки
Мечи и шлемы отложите,
И въ храбры руки днесь возмите
Зелены вѣтви и цвѣтки.
Союзны царства утверждайте
Въ предѣлахъ вашихъ тишину,
Вы бурны вихри не дерзайте
Подвигнуть нынѣ глубину.

Дѣвицъ и юношъ красныхъ лики
Взносите радостные клики
По мягкимъ тихихъ рѣкъ брегамъ.
Пусть гласъ веселый раздается,
Пусть сей пріятный гласъ промчется
По холмамъ, рощамъ и лугамъ:
Къ успѣхѣ Росскаго народа
Петра съ Екатериной вновь
Счетаетъ щастье и порода,
Пригожство, младость и любовь.

Какъ сладкій сонъ вливаетъ въ члены
Во дни 1) трудами изнуренны,
Отраду, легкость и покой;
Такъ мысль въ весельѣ упоаетъ.
О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ,
Являя видъ страны иной!
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
Межъ бисерными 2) облаками
Сіяетъ злато и лазурь.

Кристальны горы окружаютъ,
Струи прохладны обтекаютъ
Усыпанный цвѣтами лугъ.
Плоды румянцомъ изпещренны,
И вѣтьви медомъ орошенны
Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.
Восторгъ всѣ чувства возхищаетъ!
Какая сладость льется въ кровь?
Въ жару пріятномъ сердце таетъ!
Не тамъ ли царствуетъ любовь?

И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье
Любви являютъ тамо власть.
Древа листами помаваютъ,
Другъ друга вѣтвьми обнимаютъ,

---

1) Чрезъ день.
2) Между млечными.

Въ бездушныхъ 1) тамъ любовна страсть!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крушятся,
То гонятъ, то себя маняшъ,
То прямо къ другу другъ стремятся,
И слившись межъ собой журчатъ.

Нарциссъ надъ ясною водою,
Плѣненъ своею красотою,
Стоитъ, любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ ты по брегу дуешь,
Сто крадъ листки его цѣлуешь,
И сладкой тѣ кропишь росой.
Зефиръ сихъ нѣжныхъ мѣстъ хранитель,
Куда свой правишь съ нихъ полетъ?
Зефиръ кустовъ и рощъ любитель,
Что прочь отъ нихъ тебя влечетъ?

Онъ легкими шумитъ крилами,
Взвивается подъ небесами,
И льетъ на воздухъ аромашъ;
Царицу мѣстъ любовь срѣтаетъ,
Порфиру и власы взвѣваетъ;
Она спѣшитъ въ свой свѣтлый градъ.
Индійскихъ рѣкъ брега веселы,
Хотъ вѣчна васъ весна пестритъ,
Не чудны ваши мнѣ предѣлы,
Мой духъ красу любови зритъ.

---

1) Зрю любовну страсть.

Какъ утренния заря сіяетъ,
Когда день ясный обѣщаетъ,
Румянитъ синій горизонтъ;
Лице любови толь прекрасно.
Въ ночи горятъ коль звѣзды ясно,
И проницаютъ тихій понтъ;
Подобно сей Царицы взгляды
Сквозь души и сердца идутъ,
Съ надеждой смѣшанны отрады
Въ объяты страстью мысли льютъ.

Бѣлѣйшей мармора рукою
Любовь несетъ передъ собою
Младыхъ супруговъ свѣтлый ликъ;
Сама смотря на нихъ дивится,
И полкъ всѣхъ нѣжностей шѣснится,
И къ онымъ тщательно приникъ;
Кругомъ ея умильны смѣхи
Взирающихъ плѣняютъ грудь,
Прияпности и всѣ утѣхи
Цвѣтами устилаютъ путь.

Усердна вѣрность принимаетъ
Носимый ликъ и поставляетъ
На крѣпкихъ мраморныхъ столпахъ,
Сребромъ чистѣйшимъ обведенныхъ,
И такъ отъ вѣка утвержденныхъ,

Какъ въ тяжкихъ Таврскихъ нутръ горахъ;
Бурливыхъ вихрей не боится,
И презираетъ молній блескъ,
Отъ мрачныхъ тучъ бѣжать не тщится,
Въ ничто вмѣняетъ громовъ трескъ.

Не самъ ли въ арфу ударяетъ
Орфей, и камни оживляетъ,
И слѣдомъ водитъ хоръ древесъ?
Любовь, и съ нею возклицаютъ
Лѣса, и громко возвышаютъ
Младыхъ супруговъ до небесъ.
Въ пригоркахъ бьютъ ключи прозрачны,
Сверькая въ солнечныхъ лучахъ,
И сыплютъ чрезъ долины злачны,
Чѣмъ блещетъ Ормъ въ своихъ краяхъ

Каспальски Нимфы ликовствуютъ,
Съ любовью купно торжествуютъ,
И движутъ плесками Парнассъ:
Надежда оныхъ ободряетъ,
Надежда шверда возбуждаетъ
Возвысить громко брачный гласъ:
Надежда обѣщаетъ явно;
Онѣ себѣ съ весельемъ ждутъ
Имѣть въ Россіи имя славно,
Щедротой ободренный трудъ.

О вѣтвь отъ корене Петрова
Для всѣхъ полночныхъ странъ покрова
Благополучно возрастай.
О щедрая Екатерина!
Ты процвѣтай краснѣе крина,
И сладки намъ плоды подай.
Отъ васъ Россія ожидаетъ
Щастливыхъ и спокойныхъ лѣтъ;
На васъ по всякой часъ взираетъ,
Какъ на всходящій дневный свѣтъ

Теперь во всѣхъ градахъ Россійскихъ
По селамъ и въ степяхъ Асійскихъ
Единогласно говорятъ:
Какъ Богъ продлитъ чрезъ вѣчно время
Дражайшее Петрово племя,
Щастлива жизнь и нашихъ чадъ:
Не будетъ страшной 1) ужъ премѣны,
И отъ Россійскихъ храбрыхъ рукъ
Разсыплются противныхъ стѣны,
И сильныхъ изнеможетъ лукъ.

Петръ силою десницы
Россійски распростретъ границы,
И въ нихъ спокойство утвердитъ.
Дражайшія его супруги
Вездѣ прославятся заслуги,

---

1) Страшныя.

И свѣтъ щедрота удивитъ.
Онъ добродѣтель чрезъ награду
Въ народѣ будетъ умножать;
Она предстательствомъ отраду
Потщится бѣднымъ подавать.

Отъ Иберовъ до водъ Курильскихъ,
Отъ вѣчныхъ льдовъ до токовъ Нильскихъ,
По всѣмъ народамъ и странамъ
Вашъ слухъ пріятный протекаетъ,
Языки многи услаждаетъ,
Какъ благовонный ѳиміамъ.
Коль сладко путникъ почиваетъ
Въ густой травѣ, гдѣ ключъ течетъ;
Свое такъ сердце утѣшаетъ,
Смотря на васъ ЕЛИСАВЕТЪ.

Съ горящей, солнце, колесницы,
Низведъ пресвѣтлыя зѣницы,
Пространный видишь шаръ земной,
Въ Россійской ты державѣ всходишь,
Надъ нею дневный путь преводишь,
И въ волны кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидѣтель,
Ты зришь усердій нашихъ знакъ,
Что нынѣ намъ послалъ содѣтель
Чрезъ сей благословенный бракъ.

О боже, крѣпкій Вседержитель!
Подай, чтобъ Россовъ обновитель
Въ потомкахъ вѣчно жилъ своихъ:
Воспомяни его заслуги,
И преклонивъ небесны круги,
Благослови супруговъ сихъ.
Съ высотъ твоихъ ЕЛИСАВЕТѢ
Посли святую благодать,
Сподоби ту въ грядущемъ лѣтѣ
Петрова первенца лобзать.

ОДА VI.

На день возшествія на Всероссійскій престолъ Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ Самодержицы Всероссійскія 1746 года.

На верьхъ Парнасскихъ горъ прекрасный
Стремится мысленный мой взоръ,
Гдѣ воды протекаютъ ясны,
И прохлаждаютъ Музъ соборъ.
Меня не жажда струй прозрачныхъ,
Но шумъ пріятный въ рощахъ злачныхъ
Поспѣшно радостна влечетъ:
Тамъ холмы и древа взываютъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ ЕЛИСАВЕТЪ.

И се уже рукой багряной
Врата отверзла въ міръ заря,
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяной
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря,
Велитъ ночнымъ лучамъ склонишься
Предъ свѣтлымъ днемъ и въ тверди скрышься,
И тѣмъ почтитъ его приходъ.
Онъ блескъ и радость изливаетъ
И въ красны лики созываетъ
Спасенный днесь Россійскій родъ.

Взирая на дѣла Петровы,
На градъ, на флотъ и на полки
И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякой часъ взывала
Къ тебѣ защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Петрово племя,
Утѣшь печаль 1) твоихъ людей.

Покрой отечески законы,
Полки прошивныхъ отжени,
И святости твоей короны
Чужимъ коснуться возбрани,
Отъ церкьви отврати налоги:
Тебя Монарши ждутъ чертоги,
Порфира, скипетръ и престолъ;
Всевышній пойдетъ предъ тобою
И крѣпкою тебя рукою
Отъ страшныхъ защититъ всѣхъ золъ.

Какую чувствуешъ премѣну
Желаніемъ вперенный духъ?
Се мысль внезапно возхищенну
Веселый ободряетъ слухъ!
Уже со многими народы

---

1) Утѣшь.

Гласитъ эѳиръ, земля и воды,
И камни вопіютъ теперь!
Къ намъ щедро небо преклонилось,
И щастье наше обновилось:
На тронъ взошла Петрова дщерь.

О утра часъ благословенный,
Дражайшій намъ злашыхъ вѣковъ!
О вѣспникъ щастья вожделѣнный
Для насъ и будущихъ родовъ!
Ты коль велику далъ отраду,
Когда открылъ Петрову граду
Избавльшія богини зракъ!
Мы въ скорбной темнотѣ заснули,
Но въ радости отъ сна вспрянули,
Какъ ты ночный разсыпалъ мракъ.

Уже народъ нашъ оскорбленный
Въ печальнѣйшей нощи сидѣлъ:
Но Богъ смотря въ концы вселенны,
Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
Взглянулъ въ Россію кротким окомъ,
И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ.
И бысть! о твари обладатель!
Ты паки свѣта намъ Создатель,
Что взвелъ на тронъ ЕЛИСАВЕТЪ.

О день блаженный, день избранный
Для щастія полночныхъ странъ!
Тобой сугубо осіянный
Востокъ и льдистый Океанъ
Свои колѣна преклоняютъ,
И жертву нынѣ возжигаютъ
Усердну въ радостныхъ сердцахъ
Предъ солнцемъ на земли свѣтящимъ,
Что намъ въ печальной тьмѣ сѣдящимъ
Проливши свѣтъ, отгнало страхъ.

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей,
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Я духомъ зрю минувше время,
Тамъ грозный злится Исполинъ
Разсыпать земнородныхъ племя,
И разрушить натуры чинъ!
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,

Лѣсисты съ мѣстъ бугры хватаешъ,
И въ швердь сквозь облака разишъ.
Сиканской какъ Вулканъ 1) дымится,
Такъ мгла изъ челюстей куришся,
И помрачаешъ солнце видъ.

Но о прекрасная планета,
Любезное свѣтило дней!
Ты нынѣ чрезъ предѣлы свѣта
Простерши блескъ твоихъ лучей,
Спасенный Сѣверъ освѣщаешь,
И къ намъ веселый видъ склоняешь,
Взирая на ЕЛИСАВЕТЪ
И купно на ея доброты:
Отъ ней такупъ на всѣхъ щедроты,
Какъ твой повсюду явный свѣтъ.

О вы недремлющія очи
Стрегущія небесный градъ!
Вы бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спятъ,
Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оной часъ
Впротивъ естественному чину
Петрову зрѣли дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ.

---

1) Какъ Этна въ ярости.

Сладка плодамъ во время зною
Прохлада влажныя росы,
И сонъ подъ тѣнью древъ густою
Пріятенъ въ жаркіе часы;
Но вящшу радость ощущаетъ
Мой духъ, когда воспоминаетъ
Россійскія отрады день.
Еще приходитъ плескъ во уши!
Плѣняюща сердца и души
Тогдашней нощи зрится тѣнь!

По стогнамъ шумный гласъ несется
ЕЛИСАВЕТИНЫХЪ похвалъ,
Въ полкахъ спокрашно раздается:
Великій Петръ изъ мертвыхъ всталъ!
Мы пройдемъ съ нимъ сквозь огнь и воды,
Предолимъ бури и погоды,
Поставимъ грады на рѣкахъ,
Мы дерзкій взоръ враговъ попупимъ,
На горды выи ихъ наступимъ,
На грозныхъ станемъ мы валахъ.

Коль наша радость справедлива,
Насъ краситъ сладостный покой!
О коль, Россія, ты щастлива
ЕЛИСАВЕТИНОЙ рукой!
Противны силъ ея страшатся,

И купно милости чудятся.
Таковъ Екатерининъ ликъ
Былъ щедръ и кротокъ и прекрасенъ;
Таковъ былъ Петръ врагамъ ужасенъ,
Своимъ отецъ, вездѣ великъ.

Что вы, о поздніе потомки!
Помыслите о нашихъ дняхъ?
Дѣла Петровой дщери громки
Представивъ въ мысленныхъ очахъ,
И видя зракъ изображенный,
Среди героевъ вознесенный,
Что молвите между собой?
Не всякъ ли скажетъ быть чудесно,
Увидѣвъ мужество совмѣстно
Съ толикой купно красотой!

Велико дѣло есть и знатно
Сердца народовъ привлещи,
И странно всѣмъ и непоняшно
Полъ свѣта взять въ одной нощи!
Но кое сердце толь жестоко,
Которобъ сей богини око
Не сильно было умягчить?
И кая можетъ власть земная,
На дщерь и духъ Петровъ взирая,
Себя противу ополчить?

Пять крать подъ щастливой державой
Цвѣтами красилась земля;
Спокрашной облеклися славой
Россійски грады и поля:
Стоять трофеи вознесенны,
Цвѣтуть оливы насажденны
ЕЛИСАВЕТИНОЙ рукой,
Что новыхъ свѣтовъ досязаетъ;
Отъ той Европа ожидаетъ,
Чтобъ въ ней возставленъ былъ покой.

Хотя отъ смертныхъ сокровенно
Грядущихъ бытіе вещей;
Однако сердце просвѣщенно
Величествомъ богини сей
На будущіе дни взираетъ,
И больше щастье предвѣщаетъ.
Конецъ увидимъ оныхъ дѣлъ:
Что ради нашего блаженства
На верьхъ поставить совершенства
Всходящій въ небо Петръ велѣлъ.

Кто можетъ всѣ хвалы достойно
Сея Монархини сказать?
Чья Муза толь красно и стройно
Предъ нею можетъ возыграть?
Я лиру нынѣ подвергаю

Стопамъ ея, и возглашаю:
Подай, о сильно божество!
Да узрятъ многихъ лѣтъ округи
Ея къ отечеству заслуги
И свѣтло днешне торжество.

Да возрастетъ ея держава,
Богатство, щастье и полки,
И купно дѣлъ геройскихъ слава;
Какъ токъ великія рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
И множество градовъ поитъ,
Разлившись на поля восходитъ;
Обильный токъ на нихъ наводитъ,
И жатвы щедро богатитъ.

ОДА VII.

На день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ Самодержицы Всероссійскія 1746 года.

Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ страна!
Въ сей день отъ высоты святыя
ЕЛИСАВЕТЪ тебѣ дана
Воздвигнути 1) Петра по смерти,
Гордыню сопостатовъ стерти,
И въ ужасъ оныхъ привести,
Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавить,
Судьей надъ царствами поставить,
И выше облакъ вознести.

О дщерь гремящаго надъ нами!
О матери всѣхъ племенъ земныхъ!
Натура чудная дѣлами,
Какъ естьли таинъ ты своихъ
Меня достойнымъ быть судила,
И естьли слаба мыслей сила
Проникнуть 2) можетъ въ твой чертогъ;
Представь мнѣ оную годину
И купно бѣгъ свѣтилъ по чину,
Какъ Вышній далъ намъ сей залогъ.

---

1) Воздвигнуть намъ.
2) Приникнуть.

Сквозь тучи бывшія печали,
Что люшый рокъ на насъ навелъ,
Какъ горы о Пешрѣ рыдали,
И понтъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ,
Сквозь спрашны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ войнами возмущенный
Я вижу шопъ пресвѣшлый часъ:
Тамъ вкругъ младой ЕЛИСАВЕТЫ
Сіяютъ щасшливы планешы,
Я слышу шамъ нашуры гласъ.

Сѣдя на блещущемъ прешолѣ,
Сосшавленномъ изъ швердыхъ горъ,
Въ прошранномъ всѣхъ швореній полѣ
Между спихій смиряешъ споръ;
Сосцами всяку плошь пишаешъ, 1)
Отъ чрева рѣки проливаешъ;
Зелену ризу по лугамъ
И по долинамъ разширяя,
Изъ усшъ Зефирами дыхая,
Съ веселіемъ вѣщаешъ къ намъ.

„Я съ вами нынѣ шоржесшвую,
Мнѣ сихъ часовъ краснѣе нѣшъ,
Что героиню шаковую
Въ сей день произвела я въ свѣшъ.
Въ ней хишросшь вся моя и сила

---

1) Сосцами рѣки проливаешъ
И шѣми всяку шварь пишаешъ.

Возможность крайню положила;
Я избрала щастливой знакъ
Надежду показать нелестну:
Въ пространну высоту небесну
Прилѣжно возведите зракъ.

„Се солнце бѣгъ свой премѣняетъ,
И къ вамъ течетъ умножитъ день,
На Сѣверъ взоръ свой обращаетъ,
И онымъ прогоняетъ тѣнь,
Являя, что ЕЛИСАВЕТА
Въ Россіи усугубитъ свѣта
Державой и вѣнцемъ своимъ.
Ермій наукамъ предводитель
И Марсъ на брани побѣдитель
Блистаютъ совокупно съ нимъ.

„Тамъ мужъ звѣздами изпещренный
Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
Діана стрѣлы позлащенны
Съ нимъ мещетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
Се небо показуетъ ясно,
Коль то съ добротами согласно.
Рожденныя въ признакахъ сихъ
Отъ ней геройство съ красотою
По всюду миромъ и войною
Лучи пускаютъ дней златыхъ.“

*

Сіе предвѣстіе природы
Хотя представило шогда,
Что ты возвеселишь народы,
О главъ вѣнчанныхъ красота!
Но вящша радость восхищала
Взирающихъ и оживляла,
Когда даровъ твоихъ признакъ
Надежнѣе въ лицѣ открылся,
Что точно въ немъ изобразился
Родителей великихъ зракъ.

Въ тебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой небеса,
Свое блистанье изліяли 1)
Въ твои пресвѣтлы очеса,
Лице всходящія денницы
И бодрость быстрыя орлицы
И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
Уже младенческіе взгляды
Предвозвѣщали тѣ отрады,
Что бѣднымъ нынь отъемлютъ стрáхъ.

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Нилъ смиренно протекаешь,

---

1) Блистаніе вліяли.

Береговъ своихъ онъ не терзаетъ;
Но пользой выше прочихъ рѣкъ:
Своею сладкою водою,
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою,
Златой даетъ Египту вѣкъ.

Какъ ясно солнце изліяло
Свой блескъ впервые на тебя,
Ужъ щастье руку простирало,
Твои пріятности любя,
Вѣнецъ держало надъ главою,
И возвышало предъ тобою
Трофеи отческихъ побѣдъ
Преславныхъ чрезъ концы земныя.
Коль щастлива была Россія,
Когда воззрѣла ты на свѣтъ!

Тогда отъ радостной Полтавы
Побѣды Росской звукъ гремѣлъ;
Тогда не могъ Петровой славы
Вмѣстить вселенныя предѣлъ;
Тогда Вандалы побѣжденны
Главы имѣли преклоннены
Еще при пеленахъ твоихъ;
Тогда предъявлено судьбою,
Что съ трепетомъ передъ тобою
Падутъ полки потомковъ ихъ.

О сладкой нѣжности обитель!
О вы блаженныя мѣста!
Гдѣ храбрый Готѳовъ побѣдитель
Лобзалъ и въ очи и въ уста
Впервые плодъ свой вожделѣнный,
Свой плодъ межъ лаврами рожденный:
Васъ оныхъ радостныхъ временъ
Любезна память услаждаетъ,
И оный день вамъ пребываетъ
Въ безсмертны 1) вѣки незабвенъ.

Но се различные языки
Отъ рѣкъ великихъ и морей
Согласные возносятъ клики;
Къ тебѣ Монархинѣ своей
Сердца и руки простираютъ,
И многократно повторяютъ:
„Да здравствуетъ ЕЛИСАВЕТЪ,
Для Росской славы днесь рожденна!
Да будетъ свыше укрѣпленна
Чрезъ множество щастливыхъ лѣтъ!“

Сіе гласитъ тебѣ Россія
И купно съ ней наукъ соборъ.
Предвѣдущая Уранія
Возводитъ къ верьху быстрый взоръ,
Небесны бѣги наблюдаетъ,

---

1) Въ безщетны.

И съ радостію составляетъ
Вѣнецъ тебѣ изъ новыхъ звѣздъ.
Тебѣ искусство землемѣрно
Пространство показать безмѣрно
Незнаемыхъ желаетъ мѣстъ.

Поезіи парящей ревность
Дѣла твои превознесетъ;
Ни гнѣвъ стихій, ни ветха древность
Похвалъ твоихъ не пресѣчетъ.
Открыты естества уставы
Твоей умножатъ громкость славы.
Но все художество свое
Тебѣ Иппократъ посвящаетъ,
И усугубить тѣмъ желаетъ
И вѣкъ и здравіе твое.

Да будетъ твое невредимо,
Какъ верьхъ высокія горы
Взираетъ непоколебимо
На мракъ и вредные пары;
Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть,
Взнесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ.

ОДА VIII.

На день возшествія на Всероссійскій престолъ Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 года.

Царей и царствъ земныхъ отрада
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ,
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
ЕЛИСАВЕТЫ и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше;
Душа ея Зефира тише
И зракъ прекраснѣе рая.

Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ;
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя приявъ облобызала;
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый Западъ и Востокъ.

Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кротkій гласъ:
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою,
И на престолъ взвела съ собою
Доброту твоихъ прекрасный ликъ!

Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ

Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ разширять науки
Изволила ЕЛИСАВЕТЪ.
Вы наглы вихри не дерзайте
Ревѣть, но крошко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ 1) попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

---

1) Грубостью.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ;
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась,
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію проспирали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Но ахъ жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,

TAYLOR INST. OXFORD

Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верьхи Парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кротkая Екатерина
Отрада по Петрѣ едина
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ естьлибъ жизнь ея продлилась,
Давнобъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно щамъ бряцаетъ
Приятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ щастью отверзаетъ дверь.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнишь сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ:
Но рашники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная твоя держава
О какъ тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:

Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ народы напаяетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертнымъ неизвестны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мешилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.

Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ,
И море тщится уступить:
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,

Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Которой намъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ,
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ,
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Тебѣ, о милости источникъ!
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпрепкновенну,
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнитъ.

ОДА IX.

На день возшествія на престолъ Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1748 года.

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, Богиня, возсіяло:
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
Да щастіемъ твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ.

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Тебѣ въ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да изтребится,
И огнь и мечъ да удалится
Отъ странъ твоихъ и всякій вредъ;
Весна да разсмѣется нѣжно,
И ратай въ нивахъ 1) безмятежно
Споричный плодъ да соберетъ.

---

1) И земледѣлецъ.

Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ Борей
Покрытаго судами моря,
Пловущими къ земли твоей.
Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ,
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ,
Да злобна зависть постыдится,
И славѣ свѣтъ да удивится
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

Священны да хранятъ уставы
И правду на судѣ судьи;
И время твоея державы
Да ублажатъ раби твои.
Сосѣды да блюдутъ союзы;
И вамъ, возлюбленныя Музы,
За горьки слезы и за страхъ,
За грозно время и плачевно
Да будетъ радость повсядневно,
При Невскихъ обновясь струяхъ.

Годину ту воспоминая,
Среди утѣхъ мятется умъ!
Еще крутится мгла густая,
Еще наноситъ страшный шумъ!
Тамъ буря искры завиваетъ;

*

И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдь въ горнилѣ небо рдится,
Богатство разума стремится
На низъ къ трепещущимъ ногамъ.

Дражайши Музы, отложите
Взводить на мысль печали тѣнь;
Веселымъ гласомъ возгремите,
И пойте сей великій день,
Когда въ отеческой коронѣ
Блеснула на Россійскомъ тронѣ
Яснѣе дня ЕЛИСАВЕТЪ;
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась,
И тьма произвела намъ свѣтъ.

Въ луга усыпанны цвѣтами
Царица трудолюбныхъ пчелъ,
Блестящими шумя крылами,
Летитъ между прохладныхъ селъ;
Стекается оставивъ розы
И сотомъ напоенны лозы,
Со тщаніемъ отвсюду рой,
Свою царицу окружаетъ;
И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ
Усердіемъ вперенный строй.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Стекался здѣсь Россійскій родъ,
И радостію восхищенный
Тѣснясь, взиралъ на твой приходъ.
Младенцы купно съ сѣдиною
Спѣшили слѣдомъ за тобою.
Тогда великій градъ Петровъ
Въ едину стогну умѣстился,
Тогда и вѣтръ остановился,
И плескъ 1) взносилъ до облаковъ.

Тогда во всѣ предѣлы свѣта,
Какъ молнія, достигнулъ слухъ,
Что царствуетъ ЕЛИСАВЕТА,
Петровъ въ себѣ имѣя духъ.
Тогда нестройные сосѣды
Отчаялись своей побѣды,
И въ мысли отступали вспять.
Монархиня, кто Россовъ знаетъ,
И ревность ихъ къ тебѣ внимаетъ,
Помыслитъ ли противу стать?

Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
Руки своей простерши къ намъ,
Твои онъ силы почитаетъ
И власть подобну небесамъ.
Левъ нынѣ токмо зритъ ограду,

---

1) Чтобъ плескъ всходилъ.

Чѣмъ путь ему пресѣченъ къ славу.
Но море нашей тишины
Уже предѣлы превосходитъ,
Своимъ избытком миръ наводитъ,
Разлившись въ западны страны.

Европа утомленна въ брани,
Изъ пламени подъявъ главу,
Къ тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечъ твой лаврами обвитый
Не обнаженъ войну пресѣкъ.

Европа и весь міръ свидѣтель,
Народовъ разныхъ миліонъ,
Колика нынѣ добродѣтель
Россійскій украшаетъ тронъ!
О какъ сіе насъ услаждаетъ,
Что вся-вселенна возвышаетъ,
Монархиня, твои дѣла!
Народовъ твоея державы
Различна рѣчь, одежда, нравы,
Но всѣхъ согласна похвала.

Единымъ гласомъ всѣ взываемъ,
Что ты защитница и мать,
Твои доброты изчисляемъ;
Но всѣхъ не можемъ описать.
Когда воспѣть щедроты тщимся,
Безгласны красотѣ чудимся.
Побѣдыль славишь мысль течешъ,
Какъ пали Готѳы предъ тобою?
Но больше мирною рукою
Ты цѣлый удивила свѣтъ.

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ:
Топъ крѣпкое имѣешъ тѣло;
Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣлъ:
Въ другомъ блистаешъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣешъ тѣсный,
И духу силъ не достаешъ.
Иной прославился войною;
Но жизнью миръ порочитъ злою,
И самъ съ собой войну ведетъ.

Тебя, Богиня, возвышаютъ
Души и тѣла красоты;
Что въ многихъ раздѣлясь блистаютъ,
Едина всѣ имѣешь ты.
Мы видимъ, что въ тебѣ единой

Великій Петръ съ Екатериной
Къ блаженству нашему живетъ.
Похвалъ пучина отворилась!
Смущенна мысль остановилась,
Что словъ къ тому не достаетъ!

Однако духъ еще стремится,
Еще кипитъ сердечный жаръ,
И ревность умолчать стыдится:
О Муза, усугубь твой даръ,
Гласи со мной въ концы земныя,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей державы;
Гремящей насыщенна славы
Покоится среди луговъ.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вкругъ довольства изчисляетъ,
Возлегши лактемъ на Кавкасъ.

„Се нашею, рекла, рукою
Лежишъ поверженный Азовъ;
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ!
Се знойные Каспійски breги,
Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ,
Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали тучи стрѣлъ!

„Въ моей послушности крушятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются люпости Борея;
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
Гдѣ верьхъ до облакъ простираетъ,
Угрюмы тучи раздираетъ,
Поднявшись съ дна морскаго ледъ.

„Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои границы,
Гдѣ Гошѳъ гордящійся упалъ
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сармашовъ и Саксоновъ плѣнныхъ,

Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
Единой обращалъ рукой.
Но палъ, и звукъ его достигнулъ
Во всѣ страны, и страхомъ двигнулъ
Съ Дунайской Вислу быстриной.

„Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаетъ
Полна веселья шамъ Нева,
Златой 1) порфирою блистаетъ
Покрыша лаврами глава.
Тамъ равной ревностью пылаютъ
Сердца, какъ стогны всѣ сіяютъ
Въ исполненной ушѣхъ ночи.
О сладкій вѣкъ! о жизнь драгая!
Петрополь небу подражая,
Подобны испустилъ лучи.“

Сіе Россія восхищенна
Въ веселіи своемъ гласитъ:
Москва едина на колѣна
Упавъ, передъ тобой стоитъ,
Власы сѣдые простираетъ,
Тебя, Богиня, ожидаетъ,
Къ тебѣ единой вопія:
„Воззри на храмы опаленны,
Воззри на стѣны разрушенны;
Я жду щедроты твоея.“

---

1) Вѣнцемъ.

Гряди, краснѣйшая дѣнницы,
Гряди, и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца,
И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Отсутствуя ты будешь съ нами;
Покрытымъ орлими крилами
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?

Но естьли гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верьхъ небесъ тебѣ преклонитъ,
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предыдетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

ОДА X.

Въ которой Ея Величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему Высочайшую милость въ Сарскомъ селѣ, Августа 27 дня 1750 года.

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищенъ?
Небесну пищу я вкушаю,
На верьхъ Олимпа вознесенъ!
Божественно лице сіяетъ
Ко мнѣ, и сердце озаряетъ
Блистающимъ лучемъ щедротъ!
Коль нѣжно Флоры здѣсь богатство!
Коль сродно воздуха пріятство
Богинѣ красныхъ сихъ высотъ!

Чтожъ се? Діанѣ я прекрасной
Уже послѣдую въ лѣсахъ,
Отъ коей хитростью напрасной
Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ!
Уже и купно со денницей
Великолѣпной колѣсницей
Въ безоблачныхъ странахъ несусь!
Блаженство мыслямъ непоняшно!
Благополученъ многократно,
Когда нещщетнымъ сномъ я льщусь!

Престань сомнѣньемъ колебаться,
Смятенный духъ мой, и повѣрь:
Неложны по мечтанья зрятся,
Но истинно Петрова дщерь
Къ наукамъ мастерски снисходитъ,
Щедротою въ восторгъ приводитъ.
Ты, Муза, лиру приими,
И чтобъ услышала вселенна,
Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
Возникни, вознесись, греми.

Гдѣ древнимъ именемъ Славена
Гордяся, пролились струи,
Тамъ видя Нимфа изумленна
Украшенны луга свои,
Златые кровы окомъ мѣритъ,
И въ ужасѣ себѣ не вѣритъ;
Но кажду обозрѣвши часть,
Съ веселіемъ сіе вѣщаетъ:
То само Небо созидаетъ,
Или Петровой дщери власть.

Рекла, и влагу разсѣкая,
Пустилась тщательно къ Невѣ;
Волна во бреги ударяя,
Клубится пѣною въ правѣ.
Во храмъ сіяющій металломъ,

Предъ шронъ украшенный кристалломъ
Поспѣшно простираетъ ходъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ вѣщаетъ облеченной
Владычицѣ Россійскихъ водъ.

Рѣка, которой проливаютъ
Великія озера дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты щастлива шрудомъ Петровымъ;
Тебя и нынѣ красишъ новымъ
Раченіемъ ЕЛИСАВЕТЪ.
Но малые мои потоки
Прими въ себя какъ Нилъ широкій,
Которой изъ рая шечетъ.

Мои источники вѣнчаетъ
Едемской равна красота,
Гдѣ садъ богиня насаждаетъ,
Прохладны возлюбивъ мѣста;
Поля гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами изпещряютъ.
Не шокмо нѣжная весна,
Но осень шамо юность года;
Всегда роскошствуетъ природа
Искусствомъ рукъ побуждена.

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ,
Тогда на вѣтвіи высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ
Со свистомъ птицы воспѣваютъ,
Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
Что царствуетъ съ моихъ лугахъ.
И солнце восходя дивится,
Цвѣты, межъ коихъ Индъ крушится,
Увидѣвъ при моихъ ключахъ.

Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
Когда томитъ протяжный день,
Отъ знойной теплоты и свѣта
Прохладна покрываетъ тѣнь,
Гдѣ вѣтьви преклонясь зелены,
Въ союзъ взаимной сопряженны,
Отводятъ жаркіе лучи.
Но коль великая отрада,
И томнымъ чувствамъ тутъ прохлада,
Какъ росу пьютъ цвѣты въ ночи!

ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ добротамъ
Вездѣ подобна красота;
Примѣра многимъ лишь щедротамъ
Не смѣетъ скудна дать вода,
И орошать скаканьемъ по́ля;

Однако ежель оной воля
Охоту ободрить мою,
Великой въ похвалу Богинѣ
Я воды обращу къ вершинѣ;
Речешъ, и къ небу устремлю.

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда Богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ;
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтьвей связь;
Крутитъ главой, звучитъ броздами,
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

Какъ естьли зданіемъ прекраснымъ
Умножить должно звѣздъ число;
Созвѣздіемъ являться яснымъ
Достойно Сарское село.
Чудовища, что легковѣрнымъ
Раченьемъ древность и безмѣрнымъ,
Поднявъ на твердь, вмѣстила шамъ,
Укройтесь за предѣлы свѣта:
Се зиждетъ здѣсь ЕЛИСАВЕТА
Красу приличну небесамъ!

Великія Семирамиды
Разсыпанна окружность стѣнъ,
И вы, о горды пирамиды,
Чѣмъ Нильскій брегъ отягощенъ,
Хотя бы чувства вы имѣли
И чудный трудъ лѣтъ малыхъ зрѣли;
Вамъ не было бы тяжко то,
Что строены вы цѣлы вѣки:
Васъ созидали человѣки,
Здѣсь созидаетъ божество.

Великолѣпными верьхами
Восходятъ храмы къ небесамъ;
Изъ нихъ пресвѣтлыми очами
ЕЛИСАВЕТЪ сіяетъ къ намъ,
Изъ нихъ во всѣ страны взираетъ,
И на единѣ представляетъ
Врученный свѣтъ подъ скипетръ свой.
Подобно какъ орелъ парящій
Отъ самыхъ облакъ зритъ лежащи
Поля и грады подъ собой.

О коль правдиво возвышаетъ,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ твой далеко блистаетъ,
То нынѣ чувствовалъ Парнассъ,
Какъ ты отъ мѣстъ преукрашенныхъ 1)

1) Преиспещренныхъ.

И лѣпней нѣгѣ посвященныхъ
Воззрѣла маперски къ нему.
Являя шакову щедроту,
Колику къ знаніямъ охоту
Даешь народу швоему!

Чшо дымъ и пепелъ опрыгая,
Мрачилъ вселенну Энцеладъ,
Ревешъ подъ Эшною рыдая,
И шѣломъ наполняешъ адъ;
Зевесовымъ пронзенъ ударомъ
Въ опчаяньи прясешся яромъ,
Безсиленъ 1) шяготу поднять,
Великою покрышъ горою,
Безъ пользы движешся подъ шою,
И шщешно силишся возспашь

Такъ варварспво швоимъ Перуномъ
Уже повержено лежишъ,
Когда при шумѣ сладкосшрунномъ
Поющихъ Музъ швой слухъ звучишъ,
Востокъ и Западъ наполняешъ
Хвалой швоей, и возвышаешъ
Твои щедроты выше звѣздъ.
О вы щасшливыя науки!
Прилѣжны проспирайше руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣспъ.

---

1) Не можешъ.

Пройдите землю и пучину,
И степи и глубокій лѣсъ,
И нутръ Рифейскій и вершину,
И саму высоту небесъ:
Вездѣ изслѣдуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣки удивите,
И, сколько можетъ, покажите,
Щедротою ЕЛИСАВЕТЪ.

Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись;
Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками,
И рвами блата изсуши,
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скиптромъ дщери соверши.

Въ земное нѣдро, ты Химія,
Проникни взора остротой,
И что содержитъ въ немъ Россія,
Драги сокровища открой:
Отечества умножишь славу

И вящше укрѣпишь державу
Спѣши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облекаясь цвѣтомъ;
И что прекрасно токмо лѣпомъ,
Ты сдѣлай вѣчно мастерствомъ.

Въ небесны, Уранія, круги
Возвыси посреди лучей
ЕЛИСАВЕТИНЫ заслуги,
Чтобъ тамо въ вѣчну славу ей
Сіяла новая планета.
Россійскаго пространство свѣта
Собравъ на малы чертежи,
И грады оною спасенны,
И села еюже блаженны,
Географія покажи.

Наука легкихъ метеоровъ
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Чрезъ вѣрны знаки предъявляй,
Чтобъ 1) рашай могъ избрати время,
Когда землѣ повѣришь сѣмя,
И дашь когда покой браздамъ;
И чтобы не боясь погоды,
Съ богатствомъ дальни шли народы
Къ ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ брегамъ.

---

1) Земледѣлецъ выбралъ.

А ты, возлюбленная Лира,
Правдивымъ щастьемъ веселись,
Къ блистающимъ предѣламъ міра
Шумящимъ звономъ вознесись,
И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Кто бъ равенъ былъ ЕЛИСАВЕТѢ
Такимъ блистаніемъ хвалы.
Но что за громы ударяютъ?
Се гласъ мой звучно повторяютъ
Земля и вѣтры и валы!

ОДА XI.

На день возшествія на Всероссійскій престолъ блаженныя памяти Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, Ноября 25 дня 1752 года.

Россійско солнце на восходѣ
Въ сей обще вожделѣнный день
Прогнало въ ревностномъ народѣ
И ночи и печали шѣнь.
Воспомянувъ часы веселы,
Красуйпесь щастливы предѣлы,
Въ сердцахъ усугубляйше жаръ.
Поля и горы восклицайше,
И совокупно возвышайше
Усердіемъ небесный даръ.

Что часто солнечнымъ сравняемъ
Тебя, Монархиня, лучамъ;
Ошъ нужды дѣлъ не прибѣгаемъ
Къ однимъ шоль много крашъ рѣчамъ:
Когда ни начинаемъ слово,
Сіяніе въ шебѣ зримъ ново
И нову красошу доброшъ.
Лишь только умъ къ шебѣ возводимъ,
Мы ясносшь солнечну находимъ,
И многихъ шеплошу щедрошъ.

Когда премудростью своею
Всевышній солнце сотворилъ,
Пути различны надъ землею
Въ теченіи опредѣлилъ:
Согрѣвъ полночну часть Европы
Сіяетъ въ Южны Ѳіопы,
И паки къ намъ приходитъ вспять;
Полсвѣта дневной теплотою,
Полсвѣта тучной въ ночь росою
Премѣнно тщится оживлять.

Такъ ты, Монархиня, сіяешь
Въ концы державы твоея,
Когда по онымъ протекаешь,
Отраду, радость, жизнь дая.
Отъ славныхъ водъ Балтійскихъ края
Къ Востоку путь свой простирая,
Являешь полдень надъ Москвой.
Ты многимъ какъ заря восходишь,
Инымъ прохладну тѣнь наводишь,
И обще всѣмъ даешь покой.

Въ пути, которымъ пролетаешь,
Какъ быстрой въ высотѣ орелъ,
Куда свой зракъ ни обращаешь,
По множеству градовъ и селъ;
Отъ всѣхъ къ тебѣ простерты взоры,

Тобой всѣхъ полны разговоры,
Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ прудъ.
Дитя родившихъ вопрошаетъ:
Не тая ли на насъ взираетъ,
Что ма́терію всѣ лобзутъ?

Иной отъ старости нагбенный
Простерть старается хребетъ,
Главу и очи утомленны
Возводитъ, гдѣ твой блещетъ свѣтъ.
Тамъ видя возрастъ безсловесный,
Монархиня, твой зракъ небесный,
Любезну оставляетъ грудь;
Чего языкъ не изъясняетъ,
Усмѣшкой то изображаетъ,
Послѣдуя очами въ путь.

Среди наслѣдныя державы,
На древней предковъ высотѣ,
Во громкомъ звукѣ вѣчной славы,
Въ любезной мира красотѣ,
Надѣясь твоего прихода,
Колико множество народа
Тебѣ во срѣтенье течетъ!
Встаютъ верьхи Рифейски выше:
Течетъ Двина, Днепръ, Волга тише,
Желая твой увидѣть свѣтъ.

Но вы, о коль благополучны,
Москву поящія струи!
Вы ударяючи во бреги шучны,
И проходя поля свои,
Ликуйте, свѣтло веселитесь:
Вы скоро, скоро насладитесь
Богини щедрыя очей.
Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены
Видѣнія ея лишенны
Сердцами пойдутъ въ слѣдъ за ней.

Сердцами пойдутъ, и устами
Въ восторгѣ сладкомъ возгласятъ:
Коль славными она дѣлами
Петровъ разпространила градъ;
И какъ о свѣтломъ оной взорѣ
Возвеселясь, подвиглось море,
И къ звуку приложило шумъ!
Какимъ необычайнымъ трескомъ,
Какимъ молніевиднымъ блескомъ
Возхитился внезапно умъ?

Кто въ громѣ радостные клики
И огнь отъ многихъ водъ даетъ?
И кто ведетъ въ Перунахъ лики?
Великая ЕЛИСАВЕТЪ
Дѣла Петровы совершаетъ,

И глубинѣ повелѣваешь,
Въ средину нѣдръ земныхъ вступишь!
Отъ гласа Росскія Паллады
Подвиглись сильныя громады,
Врата пучинѣ отворишь.

О полны чудесами вѣки!
О новость непоняшныхъ дѣлъ!
Текутъ изъ моря въ землю рѣки,
Натуры нарушивъ предѣлъ:
Уже въ нихъ корабли вступаютъ,
Отъ коихъ волны отбѣгаютъ,
И стонетъ страшный Океанъ.
Помысли, земнородныхъ племя,
Бывалъ ли гдѣ въ минувше время
Примѣръ сего чуднѣе данъ?

Помысли, зря дѣла толики
И трудъ, что можемъ понести,
Что можетъ нынѣ ПЕТРЪ Великій
Чрезъ дщерь свою произвести!
Напрасно строгая природа
Отъ насъ скрываетъ мѣсто входа
Съ браговъ вечернихъ на Востокъ.
Я вижу умными очами,
Колумбъ Россійскій жежду льдами
Спѣшитъ, и презираетъ рокъ.

Тамъ щастіе ЕЛИСАВЕТЫ
Предходитъ кораблямъ въ пути,
Отводитъ всѣхъ стихій навѣты,
И въ слѣдъ себѣ велитъ итти.
Ни бури мразомъ изощренны,
Ни волны льдомъ отягощенны
Противъ его не могутъ спать.
Божественны ея щедроты
Къ чему не могутъ намъ охоты
И силъ непобѣдимыхъ дать?

О вы Россійски Героини,
Что въ вѣчности превыше звѣздъ
Сіяете уже Богини,
Земныхъ оставя низкость мѣстъ!
Вы пола превышая свойство,
Явили мужеско геройство
Чрезъ славныя свои дѣла.
Воззрите съ высоты святыя,
Коль свѣтло въ наши дни Россія
Петровой дщерью процвѣла!

Супружню, Ольга, смерть отмщая,
Казнишь изкусствомъ Искорестъ;
И тьмы невѣрства избѣгая,
Спѣшишь до просвѣщенныхъ мѣстъ.
Премудрость, храбрость и святыня

Тобой, блаженная Княгиня,
Изъ древности сіяешь къ намъ.
Твои въ дѣлахъ святыя вѣры
Даешъ Петрова дщерь примѣры;
Но мстишь умѣренно врагамъ.

Елена 1), грознаго Героя
Великая дѣлами мать!
Среди враговъ ты грады строя,
Россію тщилась защищать.
Напрасно дерзки сопостаты,
Свирѣпы орды и Сарматы,
Стремились на твое вдовство;
Сыновняя тобою младость
Была странамъ Россійскимъ радость,
Врагамъ ужасно сиротство.

Ты многой силой защищаясь,
Сдержала злость враговъ твоихъ;
ЕЛИСАВЕТА возвышаясь
На тронъ, низвергнула своихъ;
И нынѣ посредѣ покоя
Прекрасны храмы, грады строя,
Россію тщится украшать;
Одни Россійскихъ воиновъ слѣды
И чудныя ея побѣды
Противныхъ могутъ устрашать.

---

1) Великая Княгиня Московская Елена Васильевна супруга Великаго Князя Василія Іоанновича, рожденіемъ Княжна Глинская, мать

И ты въ женахъ благословенна,
Чрезъ кою храбрый АЛЕКСѢЙ
Намъ далъ Монарха несравненна,
Что свѣтъ открылъ Россіи всей,
Велика шѣмъ, что ты родила;
Но больше, что намъ сохранила
ПЕТРА отъ внутреннихъ враговъ!
Мы нынѣ въ страхѣ обмираемъ,
Когда злодѣевъ представляемъ
Рыкающихъ, какъ люпыхъ львовъ!

Воззри на вѣнценосну внуку,
Что злыхъ совѣты раззоря,
Пріемлетъ скипетръ въ Геройску руку,
Другую движетъ чрезъ моря,
Прошивныхъ силы устрашаетъ,
ПЕТРА въ Россію возвращаетъ,
Коварства ихъ разсыпавъ мракъ;
Путемъ приводитъ безопаснымъ;
Съ плесканіемъ вездѣ согласнымъ
Крѣпитъ наслѣдіе и бракъ.

О ты, котораго Россія
Давно отъ чресль Петровыхъ ждетъ
Для коего мольбы святыя
ЕЛИСАВЕТА къ Богу льетъ,
Гряди, гряди, гряди поспѣшно!

Великаго Государя Царя Іоанна Васильевича правила съ нимъ въ его младенчество Россійскимъ государствомъ по завѣщанію супруга своего четыре года съ половиною.

О семъ единомъ безутѣшно
Вздыхаютъ Россы всякой часъ.
О Небо, предвари судьбину,
Снабди плодомъ ЕКАТЕРИНУ,
Внуши народовъ многихъ гласъ!

Великихъ, славныхъ, несравненныхъ
Участница Петровыхъ дѣлъ
ЕКАТЕРИНА, погруженныхъ
Насъ въ горести, какъ онъ ошшелъ,
Утѣшила ты въ слезно время,
Нося толь тягостное бремя,
Что самъ онъ на тебя взложилъ.
Возвеселися нынѣ тою,
Котору онъ для насъ тобою
Подобну обоимъ родилъ.

Что должно оной по наслѣдству,
Геройствомъ возмогла дойти.
Какому ты подверглась бѣдству,
Монархиня, чтобъ насъ спасти!
Мы часъ тотъ нынѣ представляемъ;
Представивъ, внѣ себя бываемъ:
Надежда, радость, страхъ, любовь
Живитъ, крѣпитъ, печалитъ, клонитъ,
Пропивна страсть пропивну гонитъ,
Густѣетъ и кипитъ въ насъ кровь.

Однако въ силахъ Богъ великій
Тебѣ вѣнецъ, намъ радость далъ;
Въ тебѣ одной хвалы толики
Россійскихъ Героинь послалъ.
Въ тебѣ одной всѣхъ почитаемъ,
И къ Вышнему всегда взываемъ:
Подай ЕЛИСАВЕТѢ вѣкъ
Обиленъ, радостенъ, спокоенъ,
Таковъ, коль долго жить достоенъ
Тебѣ подобный человѣкъ!

ОДА XII.

На рожденіе Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, Сентября 20 дня 1754 года.

Надежда наша совершилась,
И слава въ путь свой устремилась:
Спѣши, спѣши, о Муза, въ слѣдъ,
И Лиру согласивъ съ трубою,
Греми, что Вышняго рукою
Обрадованъ Россійскій свѣтъ!
На гласъ себя онъ нашъ склоняетъ,
На жаръ, что въ искреннихъ сердцахъ:
Петрова первенца лобзаетъ
ЕЛИСАВЕТА на рукахъ.

Се радость возвѣщаютъ звуки!
Воздвигъ Петрополь къ небу руки,
Веселыми устами рекъ:
„О Боже, буди препрославленъ:
Сугубо нынѣ я возставленъ,
Злашой мнѣ усугубленъ вѣкъ!“
Безмѣрна радость прерывала
Его усерднѣйшую рѣчь,
И нѣжны слезы изпускала,
Въ восторгѣ принуждая течь.

Когда на холмѣ кто высокомъ
Сѣдя, въ округъ объемлетъ окомъ
Поля въ прекрасной лѣтній день,
Сады, долины, рощи злачны,
Шумящихъ водъ ключи прозрачны
И древъ густыхъ прохладну тѣнь,
Стада ходящи межъ цвѣтами,
Обильность сельскаго труда,
И желты класы межъ браздами;
Что чувствуетъ въ себѣ тогда?

Такъ нынѣ градъ Петровъ священный,
Толикимъ счастьемъ восхищенный,
Вошедъ отрадъ на высоту,
Вокругъ веселія считаетъ,
И края имъ не обрѣтаетъ;
Какую зритъ онъ красоту!
Тамъ многіе народа лики
На стогнахъ ходятъ и брегахъ;
Шумятъ тамъ праздничные клики,
И раздаются въ облакахъ.

Тамъ слышны разны разговоры,
Иной взводя на небо взоры,
Великъ Господь мой! говоритъ:
Мнѣ видѣть въ старости судилось,
И прежде смерти приключилось,

Что въ радости Россія зритъ!
Иной, я стану жить доколѣ,
Гласитъ, младой свой зная вѣкъ,
Чтобы служить подъ нимъ мнѣ въ полѣ,
Огонь пройти и быстрость рѣкъ!

Уже великими крилами
Парящая надъ облаками
Въ предѣлы слава странъ звучитъ.
Труды народы оставляютъ,
И гласу новому внимаютъ,
Что промыслъ имъ чрезъ то велитъ?
Пучина преклонила волны,
И на брегахъ умолкнулъ шумъ;
Безмолвія всѣ земли полны;
Внимаетъ славѣ смертныхъ умъ.

Но грады Росскіе въ надеждѣ,
Которa ихъ питала прежде,
Подвиглись слухомъ паче тѣхъ,
Верьхами къ высотѣ несутся,
И тщатся облакамъ коснуться.
Москва стоя въ срединѣ всѣхъ,
Главу великими стѣнами
Вѣнчанну взводитъ къ высотѣ,
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

Едва желанную отраду
Великому внушилъ слухъ граду,
Отверзшіемъ священныхъ устъ
Трясущи сѣдиной, вѣщаетъ:
„Теперь мнѣ Небо утверждаетъ,
Что домъ Петровъ не будетъ пустъ!
Онъ въ немъ во вѣки водворится;
Премудрость, мужество, покой,
И судъ и правда воцарится;
Онъ рогъ до звѣздъ возвыситъ мой.“

Сіе всѣ грады велегласно,
Что время при тебѣ прекрасно,
Монархиня, живутъ и чтятъ;
Сіе всѣ грады повторяютъ,
И рѣчи купно сообщаютъ,
И съ ними села всѣ гласятъ!
Какъ громъ отъ тучей удаленныхъ
Въ горахъ раздавшись, множитъ слухъ;
Какъ брегъ шумитъ отъ волнъ надменныхъ
По бурѣ укрощѣвшей вдругъ.

Ты, слава, далѣ простираясь,
На Западъ солнце устремляясь,
Гдѣ Висла, Ренъ, Секвана, Тагъ,
Гдѣ славны войскъ Россійскихъ слѣды,
Гдѣ ихъ еще гремятъ побѣды,

TAYLOR INST. OXFORD.

Гдѣ вѣрный другъ, гдѣ скрытый врагъ,
Вездѣ разсыплешь слухи громки,
Коль много насъ ущедрилъ Богъ!
ПЕТРА Великаго потомки
Даются милости въ залогъ.

Что Россовъ мужество крѣпится;
И нынѣ кто лишь возгордится,
Сугубу ревность ощутитъ!
Не будетъ никому измѣны:
Падутъ въ дыму противныхъ стѣны,
Погибнетъ въ прахѣ древней видъ.
Ты скажешь, слава справедлива,
Во весь сіе возтрубишь свѣтъ;
Меня любовь неперпѣлива
Обратно въ градъ Петровъ зоветъ.

Богиня власти несравненной,
Хвала и красота вселенной,
Отрада Россовъ и любовь!
Въ возторгѣ нынѣ мы безмѣрномъ,
Что въ сердцѣ ревностномъ и вѣрномъ
И въ жилахъ обновилась кровь.
Велика радость намъ родилась!
Но больше съ радостью твоей.
О какъ ты симъ возвеселилась!
Коль ясенъ былъ твой свѣтъ очей!

Когда ты на престолъ достигла,
ПЕТРА Великаго воздвигла,
И жизнь дала ему собой.
Онъ паки нынѣ воскресаетъ,
Что въ правнукѣ своемъ дыхаетъ,
И родъ въ немъ возставляетъ свой.
Мы долго обоихъ желали!
Лишались долго обоихъ!
Но къ общей радости приялъ,
О Небо, отъ щедротъ твоихъ!

А вамъ, дражайшіе супруги!
Вамъ плещутъ нынѣ лѣсъ и луги,
Вамъ плещутъ рѣки и моря.
Представьте радость внѣ и въ градѣ,
Взаимно на себя въ отрадѣ
И на младаго ПАВЛА зря.
Зачни, дитя, зачни любезно
Усмѣшкой рождшихъ познавать:
Боговъ породѣ безполезно
Не должно сроку ожидать.

Расти, расти, крѣпися,
Съ великимъ Прадѣдомъ сравнися,
Съ желаньемъ нашимъ восходи.
Велики суть дѣла Петровы;
Но многія еще готовы

Тебѣ остались напреди.
Когда взираемъ мы къ Востоку,
Когда посмотримъ мы на Югъ,
О коль пространность зримъ широку,
Гдѣ можетъ загремѣть твой слухъ!

Тамъ вкругъ облегъ драконъ ужасный
Мѣста святы, мѣста прекрасны,
И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
Весь свѣтъ чудовища страшится,
Единъ лишь смѣло устремится
Россійскій можетъ Геркулесъ.
Единъ сто острыхъ жалъ пришупитъ,
И множествомъ низвержетъ ранъ,
Единъ на сто головъ наступитъ,
Возставитъ вольность многихъ странъ.

Пространными Китай стѣнами
Закрытъ быть мнится передъ нами,
И что пустой земли хребетъ
Отъ странъ Россійскихъ отдѣляетъ;
Онъ гордымъ окомъ къ намъ взираетъ:
Но въ нихъ ему надежды нѣтъ.
Внезапно ярость возгорится
И огнь и месть между стѣной,
Сіе все можетъ совершиться
ПЕТРОВА племени рукой

Въ своихъ увидишь предкахъ явны
Дѣла велики и преславны,
Что могутъ духъ природѣ дать.
Уже младаго МИХАИЛА
Была къ тому довольна сила
Упадшую Москву поднять,
И послѣ страшной перемѣны
Въ предѣлахъ удержать враговъ,
Собрать разсыпанные члены
Такаго множества градовъ.

Сармать съ свирѣпостью своею
Трофеи отдалъ АЛЕКСѢЮ.
Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новой флотъ готовилъ въ море;
Но все то Богъ ПЕТРУ судилъ.
Сего къ отечеству заслуги
У всей подсолнечной въ устахъ;
Его и кроткія супруги
Примѣръ зримъ въ нашихъ временахъ.

Примѣръ въ его великой дщери.
Широки та отверзла двери
Наукамъ, счастью, тишинѣ.
Склоняясь къ общему покою,
Щедротой больше, какъ грозою

Въ Россійской царствуетъ странѣ.
Но ты, о гордость вознесенна!
Блюдися съ хитростью своей.
Она Героями рожденна;
Геройской духъ извѣстенъ въ ней.

Но нынѣ мы не зная брани,
Простремъ сердца и мысль и длани
Съ усерднымъ гласомъ къ Небесамъ:
О Боже крѣпкій Вседержитель,
Предѣловъ Росскихъ разширитель,
Коль милостивъ бывалъ ты къ намъ!
Чрезъ седмь сотъ лѣтъ едино племя
Ты съ Росскимъ скиптромъ сохранилъ;
Продли сему по мѣрѣ время,
Какъ нынь Россію разширилъ.

Воззри къ намъ съ высоты святыя,
Воззри, коль широка Россія,
Которой далъ ты власть и цвѣтъ.
Отъ всѣхъ полей и рѣкъ широкихъ,
Отъ всѣхъ морей и горъ высокихъ
Къ тебѣ взывали девять лѣтъ.
Ты подалъ отрасль намъ едину:
Умножа благодать посли,
И впредь съ ПЕТРОМЪ ЕКАТЕРИНУ
Рожденіемъ возвесели.

Предъ мужемъ нѣкогда избраннымъ
Ты свѣтомъ клялся несозданнымъ
Хранить во вѣкъ престолъ и родъ.
Исполни то надъ позднымъ свѣтомъ,
И таковымъ святымъ обѣтомъ
Благослови Россійскій родъ.
Для толь великихъ странъ покою,
Для счастья множества вѣковъ,
Поставь, какъ солнце предъ тобою
И какъ луну, престолъ Петровъ.

ОДА XIII.

Блаженной памяти Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ на день рожденія Ея Величества, Декабря 18 дня 1757 года.

Красуйтесь многіе народы;
Господь умножилъ домъ Петровъ;
Поля, лѣса, брега и воды!
Онъ живъ, надежда и покровъ;
Онъ живъ, во всѣ страны взираетъ,
Свою Россію обновляетъ;
Полки, законы, корабли
Самъ строитъ, правитъ и предводитъ,
Натуру духомъ превосходитъ
Герой въ моряхъ и на земли.

О божеской залогъ! о племя!
Чѣмъ наша жизнь обновлена,
Возвращено Петрово время.
О вы любезны имена!
О твердь небеснаго завѣта
Великая ЕЛИСАВЕТА,
ЕКАТЕРИНА, ПАВЕЛЪ, ПЕТРЪ,
О новая намъ радость АННА,
Россіи свыше дарованна,
Божественныхъ порода нѣдръ!

Смотрите въ солнцевы предѣлы
На ранней и вечерней домъ;
Смотрите на сердца веселы:
Внемлите общихъ плесковъ громъ.
Устами цѣлая Россія
Гласитъ: о времена златыя!
О мой всевожделѣнный вѣкъ!
Прекрасна АННА возвратилась;
Я съ нею разлучась, крушилась,
И слезъ моихъ источникъ текъ!

Здѣсь Нимфы съ воплемъ провожали
Богиню родомъ, красотой.
Но нынѣ громко восплескали,
Младая АННА! предъ тобой;
Тебѣ пѣснь звучну воспѣваютъ,
Героя въ мужа предвѣщаютъ,
Геройскихъ всѣхъ потомковъ плодъ,
Произошлибъ земны владыки,
Родились бы ПЕТРЫ Велики,
Чтобъ просвѣтить весь смертныхъ родъ.

Умолкни нынѣ брань кровава.
Намъ всѣхъ пріятнѣе побѣдъ;
Намъ больше радость, больше слава,
Что ПЕТРЪ въ наслѣдіи живетъ,
Что дщерь на тронѣ зритъ Россія.

На что державы ей чужія?
Ей жалобъ былъ наполненъ слухъ.
Послушайте концы вселенной,
Что нынѣ въ брани воспаленной
Вѣщалъ ея на Небо духъ:

„Великій Боже Вседержитель!
Святый твой промыслъ и совѣтъ
Имѣя въ сердце мой родитель,
Вознесъ подъ солнцемъ Росскій свѣтъ.
Меня оставленну судьбою
Ты крѣпкою возвелъ рукою,
И на престолѣ посадилъ.
Шестнадцать лѣтъ нося порфиру,
Европу я склоняла къ миру
Союзами и страхомъ силъ.

Какъ славны далъ ты намъ побѣды,
Всего превыше было мнѣ,
Чтобъ родъ Россійской и сосѣды
Въ глубокой были тишинѣ.
О безмятежной жизни свѣта
Я всѣ усердствовала лѣта:
Но нынѣ я скорблю душей,
Зря бури царствамъ толь опасны,
И вижу, что тѣ несогласны
Съ святой правдивостью твоей.

Присяжны преступивъ союзы,
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ навергнуть тщится узы
Желаніе чужихъ державъ.
Творецъ! воззри въ концы вселенны,
Воззри на земли ушѣсненны,
На помощь спраждущимъ возстань,
Позволь для общаго покою
Подъ сильною твоей рукою
Воздвигнуть противъ брани брань.“

Сіе рекла ЕЛИСАВЕТА,
Геройской свой являя видъ,
Небеснаго очами свѣта
На сродное имъ небо зритъ.
Надежда къ Богу въ нихъ сіяетъ,
И гнѣвъ со кротостью блистаетъ,
Какъ видится зарница намъ.
Что громко въ слухъ мой ударяетъ?
Земля и море отвѣщаетъ
ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ словамъ!

Противныя страны трепещутъ,
Вопль, шумъ вездѣ и кровь и звукъ.
Ужасные перуны мещутъ
Размахи сильныхъ Росскихъ рукъ.
О ты союзна Героиня

И сродна съ нашею богиня!
По васъ поборникъ вышній Богъ.
Онъ правду вашу защищаетъ,
Обиды наглыя отмщаетъ;
Надъ злобою возвысилъ рогъ.

Когда въ немъ милость представляемъ,
Ему подобныхъ видимъ васъ;
Какъ гнѣвъ его изображаемъ,
Оружій вашихъ слышимъ гласъ;
Когда неправды онъ караетъ,
То силы ваши ополчаетъ;
Его земля и небеса,
Законъ и воля повсемѣстна;
Поколь намъ будетъ неизвѣстна
Его щедрота и гроза?

Правители, судьи внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы съ трепетомъ внемлите;
Сіе глаголетъ вамъ Господь
Святымъ своимъ въ Пророкахъ духомъ;
Впери всякъ умъ и вникни слухомъ:
Божественный пѣвецъ Давидъ
Священными шумитъ струнами,
И Бога полными устами
Исайя восхищенъ гремитъ.

„Храните праведны заслуги,
И милуйте сирот и вдов;
Сердцам нелживым будьте други
И бѣднымъ истинный покров;
Присягу сохраняйте вѣрно,
Пріязнь къ другамъ нелицемѣрно;
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду,
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Петрову дщерь.

Въ сей день для общаго примѣра
Ее на землю я послалъ.
Въ ней бодрость, кротость, правда, вѣра;
Я самъ въ лицѣ ея предсталъ.
Содѣлалъ знаменіе ново,
Украсивъ торжество Петрово
Наслѣдницей великихъ дѣлъ;
Мои къ себѣ щедроты знайте,
И твердо все то наблюдайте,
Что Петръ, она и я велѣлъ.

Въ моря, въ лѣса, въ земное нѣдро
Простриге вашъ усердный трудъ,
Повсюду награжду васъ щедро
Плодами, пастьой, блескомъ рудъ.
Пути всѣ отворю къ блаженству,

Желаній вашихъ къ совершенству.
Я кротким окомъ къ вамъ воззрю,
Женихъ какъ идетъ изъ чертога,
Такъ взойдетъ съ солнцемъ радость многа,
Враговъ совѣты раззорю.“

Ликуй, страна благословенна,
Всевышняго обѣщамъ вѣрь;
Пребудешь онымъ покровенна,
Его щедротой щастье мѣрь;
Взирай на нивы изобильны,
Взирай въ полки велики, сильны
И на размноженный народъ:
Подобно какъ въ Ливанѣ кедры,
Къ трудамъ ихъ крѣпки мышцы, бедры
Среди жаровъ, морозовъ, водъ.

Свирѣпой Марсъ въ минувши годы
Въ Россіи по снѣгамъ ступалъ,
Мечемъ и пламенемъ народы
Въ срединѣ самой устрашалъ;
Но нынѣ и во время зноя
Не можетъ нарушить покоя;
Какъ сверженной Гигантъ реветъ;
Попранъ Россійскою ногою,
Стѣсненъ какъ страшною горою,
Напрасно тяжки узы рветъ.

Тамъ мракъ божественнаго гнѣву
Подвергнулъ грады и полки
На жертву алчной смерти зѣву,
Терзанью хладныя руки:
Тамъ слышанъ вой въ оружномъ трескѣ,
Изъ тучъ при смертоносномъ блескѣ
Кровавы трупы множатъ страхъ.
О ты отечество драгое!
Ликуй при внутреннемъ покоѣ
Въ ЕЛИСАВЕТИНЫХЪ лучахъ.

ОДА XIV.

На день тезоименитства блаженныя памяти Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ Сентября 5 дня 1759, и на побѣды Ея въ семъ году надъ Королемъ Прусскимъ одержанныя.

Щедропъ источникъ, Ангелъ мира,
Богиня радостныхъ сердецъ,
На коей какъ заря порфира,
Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ;
О мыслей нашихъ рай прекрасный,
Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
Гдѣ видимъ кротку весну,
Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
Возможноль при твоей державѣ
Въ Европѣ страшну зрѣть войну?

Позволь, мнѣ жаръ велитъ сердечный,
Монархиня, въ сей свѣтлый день,
Какъ въ имени твоемъ Предвѣчный
Поставилъ намъ покоя сѣнь,
Безмолвно предвѣщая царство,
Чтобъ миромъ свергла ты коварство,
Позволь мнѣ духа взоръ простерть
На брань и сродство милосердо,
Гдѣ кротости жилище твердо,
Жалка и сопостатовъ смерть.

О коль мечтанія пронивны
Объемлютъ совокупно умъ!
Доброты вижу здѣсь предивны,
Тамъ пламень, звукъ и вопль и шумъ,
Здѣсь полдень милости и лѣто,
Щедротой общество нагрѣто;
Тамъ смертну хлябь раззинулъ адъ!
Но промыслъ мракъ сей разгоняетъ,
И волны въ мысляхъ укрощаетъ:
Отверзся въ славѣ Божій градъ.

Ефиръ, земля и преисподня
Зиждителя со страхомъ ждутъ!
Я вижу отрока Господня
Пріемлюща небесный судъ.
Всесильный властію своею
Вѣщаетъ свыше къ Моисею:
„Я въ ярости ожесточу
Египту сердце вознесенно;
Израиля неодолѣнно
Пресвѣтлой силой ополчу.“

Сіежъ явилъ Богъ въ наши лѣта,
Неистову воздвигнувъ рашь,
Дабы тебѣ, ЕЛИСАВЕТА,
Вѣнцы побѣдъ преславныхъ дашь.
Позволилъ вознестись гордынѣ,

*

Чтобъ нашей кроткой Героинѣ
Былъ жребій выша въ славѣ часть;
Чтобъ врагъ дѣламъ Россійскимъ вѣрилъ,
И опытомъ своимъ измѣрилъ,
Каковъ нашъ родъ, мочь, вѣрность, власть.

Парящей слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои границы
Еще ли мнишь, что ты великъ?
Ещель смотря на рокъ Саксоновъ,
Всеобщимъ дапелемъ законовъ
Слывешь въ желаніи своемъ?
Лишенный собственныя власти
Ещель стремишься въ буйной страсти
Вселенной наложишь яремъ?

Взирая на пожаръ Кистрина,
На прочи грады оглянись;
Что имъ не равная судьбина,
Не храбростью своей гордись:
Что земли, гдѣ твоя корона,
Не слышатъ гибельнаго стона,
Не видятъ пламенной зари,
Дивятся и въ войнѣ покою;
Побѣдоносной надъ тобою
Монархинѣ благодари.

Велика божествомъ природнымъ,
Восходитъ выше тишиной;
Чтобъ жить союзникамъ свободнымъ,
Жалѣя, двигнулась войной;
Узрѣвъ разтерзанны союзы,
Наверженныя скиптрамъ узы,
Рекла: какъ злыхъ не укрощу?
Алчбѣ ихъ свѣта не достанетъ:
Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянетъ,
Соблещетъ молнія мечу.

Отъ странъ родящихъ градъ и снѣги,
Съ Атлантской буря высоты
Стремится чрезъ бугристы breги,
Являя страшные слѣды:
Съ дубами камни похищаетъ,
И горы двигнувъ, раздираетъ:
Налегши на морской хребетъ,
Волнамъ вспрѣчается волнами,
Песокъ валитъ со дна съ кипами;
Тамъ въ пѣнѣ стонетъ новой свѣтъ.

Такъ Россовъ мужество въ походы
Течетъ противниковъ терзать,
И роетъ чрезъ поля и воды,
Услышавъ щедру въ гнѣвѣ мать!
Гдѣ нынѣ Королевско слово,

Что страшно воинство готово
На Западъ путь нашъ прекратишь?
Уже окровавленна Прегла
Крутясь въ твоей земли, пробѣгла
Россійску силу возвѣстишь.

Тамъ Мемель въ видѣ Фаетонта
Стремглавъ летя, Нимфъ прослезилъ,
Янтарнаго въ заливахъ Понта
Мечтанье въ правду претворилъ.
За Вислой и за Вартой грады
Паденія или отрады
Отъ воли Росской власти ждутъ,
И сердце гордаго Берлина,
Неистоваго исполина,
Перуны, близь гремя, трясутъ.

Еще не допустя до року,
Съ отвагой сопрягшись шаланъ,
Гиганту приложили сроку,
Дабы ему умножить ранъ.
Цорндорфскіе пески глубоки,
Его и нашей крови токи
Соединясь, кипѣли въ васъ!
Намъ правда отдаетъ побѣду;
Но врагъ такаго послѣ вреду,
Еще дерзаетъ противъ насъ.

Богини нашей важность слова
Къ безсмертной славѣ совершитъ
Стремится сердце Салтыкова,
Дабы коварну мочь сломить.
Ни Польскіе лѣса глубоки,
Ни горы Шлонскія высоки
Въ защиту не стоятъ врагамъ;
Напрасно путь намъ возбраняютъ:
Россійски стопы досягаютъ
Чрезъ трупы къ Франкфуртскимъ стѣнамъ.

Съ трофея на трофей ступая,
Геройство Росское спѣшитъ.
О Муза, къ облакамъ взлетая,
Представь ихъ раздраженной видъ!
Съ желѣзомъ сердце разкаленнымъ,
Съ Перуномъ руки устремленнымъ,
Съ зарницей очи равны зрю!
Пропивникъ слѣдуя Борею,
Сказалъ: я буйностью своею
Ударъ ударомъ предварю.

Подобно граду онъ густому
Летяще воинство стѣснилъ,
Искалъ со стороны пролому,
И рвался въ сердце нашихъ силъ:
Но вихря крутость прежестока

Въ стремленьи вѣчнаго востока
Коль долго проспираетъ ходъ?
Обрушась тягостнымъ урономъ,
Внезапно съ шумомъ, ревомъ, стономъ,
Преобратился въ сонмы водъ.

Бѣгущихъ горды Пруссовъ плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сѣчи;
Главы валятся какъ листы.
Теперь съ готовыми трубами
Передъ Берлинскими врашами
Побѣды нашей дайте звукъ:
Что вашъ Король, полки, снаряды
Не могутъ вамъ подать отрады,
Разсыпаны отъ нашихъ рукъ.

О честь Россійскаго народа,
Въ дни наши воиновъ примѣръ,
Что силой перваго похода
Двукратно сопостатовъ стеръ!
Тебѣ тотъ лавры уступаетъ,
Кто прочимъ храбро изторгаетъ,
Кто внѣ привыкнулъ побѣждать,
При дверяхъ домъ свой защищая
И крайни силы напрягая,
Не могъ противъ тебя стоять.

Такіе у тебя герои,
Монархиня, въ златой твой вѣкъ;
Такіе Богъ полковъ далъ строи,
Какъ царствовать тебя нарекъ.
Во всемъ послалъ тебѣ успѣхи,
И въ мирѣ и въ войнѣ ушѣхи:
О коль блаженны мы тобой!
Искусства, нивы, торгъ, науки,
Побѣдоносны слыша звуки,
Блажатъ свой внутренній покой.

Какого свѣтлость зрю собора?
Подвижники межъ звѣздъ стоятъ,
Петрова наслаждаясь взора,
Красуйтесь, къ сродникамъ гласятъ:
Мы стерли мужествомъ гордыню,
Мы смерть пріяли за Богиню,
Что мертвымъ отдаетъ животъ,
Отъ казни винныхъ свобождая,
Щедротой бѣдныхъ воскрешая,
И духъ вливая тѣмъ въ народъ.

Ревнуйте нашему примѣру:
Поможетъ Богъ, какъ намъ помогъ.
Ее, отечество и вѣру
Представивъ, презирайте рокъ.
Не ускоряетъ вамъ дни спокойны?

Явишесь въ брани насъ достойны,
И дѣпямъ сей внушите гласъ.
Герои сѣменѝ Петрова,
На зависть устремляясь снова,
Въ потомкахъ нашихъ спросятъ насъ.

Воздвигнися въ сей день, Россія,
И очи окрестъ возведи;
Къ тебѣ гласятъ концы земныя:
„Межъ нами распри ты суди
ЕЛИСАВЕТИНОЙ державой:
Ея великолѣпной славой
Вселенной преисполненъ слухъ.
Мы равно нынѣ восклицаемъ,
Желаній жертву возсылаемъ,
Какъ вѣрныхъ ей Россіянъ духъ.

„Ея неодолимо войско
По правдѣ ходитъ поборать,
И сердце съ кротостью геройско
Съ пощадой знаетъ побѣждать.
Коль тщетно пышное упорство,
Надѣясь на свое проворство,
Сбираетъ бѣглые полки;
Въ предѣлы кроткаго зефира
Златаго не пріемлетъ мира:
Еще кровавой ждетъ рѣки.“

Съ верьховъ цвѣтущаго Парнасса
Смотря на рвеніе сердецъ,
Мы ждемъ желаемаго гласа:
„Еще побѣда и конецъ,
Конецъ губительныя брани.“
О Боже! мира Богъ, возстани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
О имени Петровой дщери
Военны запечатай двери,
Пипай насъ тишиной твоей.

Иль мало, смертны мы родились,
И удвоять должны свой плѣнъ?
Ещель мы мало утомились
Житейскихъ тяготой бременъ?
Воззри на плачъ осиротѣвшихъ,
Воззри на слезы престарѣвшихъ,
Воззри на кровь рабовъ твоихъ.
Къ тебѣ, любовь и радость свѣта,
Въ сей день зовемъ ЕЛИСАВЕТА:
Низвергни брань съ концевъ земныхъ.

ОДА XV.

На день возшествія на всероссійскій престолъ блаженныя памяти Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, Ноября 25 дня 1761 года.

Владѣешь нами двадцать лѣтъ,
Иль лучше, льешь на насъ щедроты,
Монархиня, коль благъ совѣтъ
Для Россовъ вышнія доброты!
О коль къ намъ склонны Небеса!
О коль преславны чудеса!
Геройскаго восхода слѣды
Приосѣняетъ благодать;
Война и миръ даютъ побѣды:
О Боже, чѣмъ тебѣ воздать?

Еще, еще бодрись, возпой
Златая лира дщерь Петрову,
Гласи и брани и покой,
И силу возпріявши нову,
Въ преклонной вѣкъ мой возлетай,
Младыя лѣта превышай.
Она щедроты умножаетъ,
Ты возноситься не престань:
Ей свѣтъ довольства посвящаетъ,
И ты сугубь желаній дань.

Красуйся въ сей блаженный часъ,
Какъ вдругъ тріумфы возсіяли;
Тѣмъ вящше озарили насъ,
Чѣмъ были мрачнѣе печали.
О радость, дай возпомянуть!
О радость, дай на нихъ взглянуть!
Мы больше чувствуемъ отрады,
Какъ скорби видимъ за тобой:
Злощастья ненавистны взгляды
Любезный красятъ образъ твой.

Безгласна видя на одрѣ
Защитника, Отца, Героя,
Рыдали Россы о Петрѣ;
Вездѣ наполненъ воздухъ воя,
И сѣтовали всѣ мѣста;
Земля казалася пуста;
Взглянуть на небо, не сіяетъ;
Взглянуть на рѣки, не текутъ,
И горъ высокость осѣдаетъ;
Натуры всей пресѣкся трудъ.

ЕКАТЕРИНѢ скипетръ врученъ
Отечествомъ и домомъ править!
Народъ нашъ тщился ободренъ
Трудовъ Петровыхъ не оставить.
Но ахъ, свирѣпа наша часть!

Любезна жизнь ея и власть
И мужескъ полъ за ней пресѣкся;
И унывающій народъ
Въ печали врепище облекся,
Что отлученъ Петровъ былъ плодъ.

Ужасны хляби, стремнины
Стоятъ противъ Петровой дщери,
И твердость тяжкія стѣны,
И въ вѣкъ заклепанныя двери
И непроходныхъ странъ морей
Лишаютъ насъ надежды всей;
Нѣтъ способа и нѣтъ совѣта!
Но Вышній нашъ услышалъ гласъ:
Великая ЕЛИСАВЕТА
Се царствуетъ и щедритъ насъ!

Поставилъ Богъ и Россовъ духъ,
И не подвигнется во вѣки.
Какая рѣчь плѣняетъ слухъ?
Гласятъ моря, лѣса и рѣки,
Тамъ Нимфы повторяютъ рѣчь,
Какъ въ стрѣчу ей спѣшили течь:
„Кто ты? Минерва иль Діана?
Кто матъ тебѣ и кто отецъ?
Богиней въ свѣтѣ быть избранна,
Достойная носить вѣнецъ!

„Не ты ли, коей долго ждемъ,
Желаемъ, льемъ потоки слезны?
Она и станомъ и лицемъ,
ЕКАТЕРИНИНЪ взоръ любезный,
Подобіе и духъ Петровъ,
Отрада наша и покровъ.“
О дщери Росскія, играйте!
Надежда ваша васъ не льститъ,
И съ удовольствіемъ внимайте,
Что вамъ Богиня говоритъ.

„На отческой престолъ всхожу
Спасти отъ злобы утѣсненныхъ,
И щедрой властью покажу
Свой родъ, умножу просвѣщенныхъ.
Моей державы кротка мочь
Отвергнетъ смертной казни ночь;
Владѣть хочу зефира тише;
Мои всѣ мысли и залогъ
И воля данная мнѣ свыше
Въ устахъ прощенье, въ сердцѣ Богъ.

О дѣломъ совершенный гласъ!
Благодѣянія твоя держава,
Щедротъ исполненъ всякой часъ!
Едина токмо брань кровава
Принудила правдивой мечъ

Противу гордости извлечь,
Какъ стѣну Росску грудь поставить
Въ защиту дружескихъ державъ,
И отъ насильныхъ рукъ избавить,
Въ союзѣ вѣрность показавъ.

Какъ вожделѣнный солнца лучъ,
Хотя не престая сіяетъ,
Скрывается отъ мрачныхъ шучъ,
И не повсюду согрѣваетъ.
Подобно милосерда власть
Любя себѣ врученну часть,
Сіяніе даетъ всечасно,
Чтобъ грѣть и освѣщать народъ:
Но терпитъ дѣйствіе прекрасно
Уронъ отъ бранныхъ непогодъ.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спятъ,
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнной производятъ гадъ.

Война плоды свои раститъ,
Героевъ въ міръ раждаетъ славныхъ,
Обширныхъ областей есть щитъ
Могущество крѣпитъ державныхъ.
Воззримъ на древни времена;
Россійска повѣсть тѣмъ полна,
Уже изъ тмы на свѣтъ выходитъ
За ней великихъ полкъ мужей,
Что на театръ всесвѣтный взводитъ
Одѣтыхъ солнечной зарей.

Се бодрый воинъ Святославъ
Славянъ и Скиѳовъ съ Печенѣги
И Болгаръ съ Турками собравъ,
Дунайски наполняетъ бреги,
И побѣдитель всѣмъ гласитъ:
„Здѣсь сердце странъ моихъ лежитъ,
Смарагды, шолкъ даютъ мнѣ Греки,
Вино и злато Угровъ трудъ,
Народъ и хлѣбъ велики рѣки,
Что въ отечествѣ моемъ текутъ.“

Ему геройствомъ равный сынъ
Владиміръ, превосходный вѣрой,
Войной и миромъ исполинъ,
Отмстивъ за брата равной мѣрой,
Съ Дунайскихъ и до Камскихъ водъ

Вливаетъ свѣтъ Христовъ въ народъ;
Счетавъ съ любовью постоянство,
Густую разбиваетъ тѣнь;
На Пе́руна и на поганство
Ступивъ, возшедшій кажетъ день.

Не то ли храбрый Мономахъ?
Онъ мечъ вознесъ на Византію,
И Комнинъ облеченный въ страхъ
Вѣнецъ взлагаетъ на Россію.
Тамъ плещутъ Невски берега,
Низвергнувъ дерзскаго врага
Петрова мужествомъ предтечи,
Отъ Запада защитникъ онъ.
Се Дмитріевы сильны плечи
Гуспяпъ Тапарской кровью Донъ.

Тезоименны дѣдъ и внукъ 1)
Разбитыя бросаютъ узы,
И кажутъ всей вселенной вкругъ,
Державу, права, мечъ, союзы;
Тамъ равный сродникъ Алексѣй,
О Висла, до твоихъ зыбей
Границы дѣлъ своихъ поставилъ,
Прошелъ бы далѣй, мало жилъ!
Но плодъ геройскихъ дѣлъ оставилъ,
Какого сына онъ родилъ!

---

1) Государи: Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ и Царь Іоаннъ Васильевичъ.

Бодрись мой духъ, смотри, внимай:
Сквозь дымъ небесный лучъ блистаетъ!
Сквозь волны, пламень, вижу рай;
Тамъ Богъ десницу простираетъ,
И крѣпость неизмѣрныхъ силъ
Петру на свѣтѣ поручилъ.
„Низвергни храбростью коварство,
Войнами укроти войны;
Одѣнь оружьемъ новымъ царство,
Полночны оживи страны.“

Ведетъ Творецъ, онъ идетъ въ слѣдъ;
Воздвигъ насъ. Россы ускоряйте
На образъ въ знакъ его побѣдъ
Рифейски горы изтощайте,
Дабы его безсмертный ликъ,
Какъ солнце, свѣтелъ и великъ
Сіялъ во всѣ концы земныя,
Отъ неизвѣстныхъ зримъ былъ мѣстъ,
И небу равная Россія
Казала дѣлъ, коль много звѣздъ.

Посмотримъ въ западны страны:
Отъ стрѣлъ Россійскія Діаны
Изъ превеликой вышины
Стремглавно падаютъ Типаны.
Ты Мемель, Франкфуртъ и Кистринъ,

Ты Швейдницъ, Кенигсбергъ, Берлинъ,
Ты звукъ летающаго строя,
Ты Шпрея хитрая рѣка,
Спросите своего Героя:
Что можетъ Росская рука?

Великая ЕЛИСАВЕТЪ
И силу кажетъ и державу;
Но въ сердцѣ держитъ сей совѣтъ:
Размножить миромъ нашу славу,
И выше, какъ военной звукъ,
Поставить красоту наукъ.
По мнѣ, хотябъ руно златое
Я могъ какъ Язонъ получить;
Тобъ Музамъ для житья въ покоѣ
Не усумнился подарить.

Въ войну кипитъ съ землею кровь,
И суша съ моремъ негодуетъ;
Владѣетъ въ мирны дни любовь;
И вся натура торжествуетъ.
Тамъ заглушаетъ мысли шумъ;
Здѣсь краситъ всѣ довольства умъ.
Се милость истинну срѣтаетъ,
Воззрите, смертны, въ высоту!
И правда тишину лобзаетъ,
Я вижу вѣчну красоту.

Среди разгнанныхъ мрачныхъ бурь
Всего пресвѣтлѣе сіяетъ,
Вокругъ и злато и лазурь:
Всесильнный Миръ себя являетъ,
Оливна вѣтвь, лавръ, слава, мечъ!
Внимай, подсолнечная, рѣчь:
Петрова дщерь вамъ въ вѣкъ залогомъ.
„Я живъ и обладаетъ Петръ,
Пребуду вѣчно вашимъ Богомъ,
И, какъ ЕЛИСАВЕТА, щедръ.“

ОДА XVI.

Блаженныя памяти Императору ПЕТРУ ѲЕОДОРОВИЧУ на возшествіе на престолъ и купно на новый 1762 годъ.

Сіяй, о новый годъ, прекрасно,
Сквозь густоту печальныхъ тучъ:
Прошло затменіе ужасно,
Умножь, умножь отрады лучъ.
Уже плачевная утрата,
Дражайшая сокровищъ злата,
Сугубо намъ возвращена.
Благополучны мы стократно:
ПЕТРА великаго обратно
Встрѣчаетъ Росская страна.

ПЕТРА воздвигъ съ Екатериной,
И съ Павломъ, о драгой залогъ!
Послалъ намъ радость за судьбиной
Въ щедротахъ неизмѣрный Богъ.
Орелъ великій обновился,
На высотѣ своей явился,
И надъ Европою парилъ.
Россіяне руками плещутъ,
Враги въ унынiи трепещутъ,
Познавъ, кто носитъ скипетръ, мечъ, щитъ.

Премудрая Елисавета
На отческій престолъ возшедъ,
Движеньемъ вышняго совѣта
Блюла отечество отъ бѣдъ.
Доспигнувъ мужескимъ геройствомъ,
Отвсюду облекла спокойствомъ,
Свое наслѣдство утвердивъ,
Чтобъ былъ для счастья Россовъ, славы,
Безъ пресѣченія державы
Великій ПЕТРЪ во вѣки живъ.

Ея совѣты совершились:
На тронъ наслѣдный ты вступилъ,
Монархъ, мы въ вѣкъ ея лишились;
Но ты восходомъ оживилъ.
Пріемлешь скиптръ, она вручаетъ,
И въ вѣчность отходя, вѣщаетъ:
„Владѣй, храни, возвысь народъ,
Моей опасностью спасенный,
Увѣрь всѣхъ, мной благословенный,
Что ты ПЕТРОВЪ и АННИНЪ плодъ.

„Когда я съ нею разлучалась
И въ ложеснахъ ея съ тобой,
Коль горестно тогда терзалась,
Отчаянна въ судьбинѣ злой!
Но большу ощущала радость,

Твою возлюбленную младость
Въ объятія свои принявъ:
И нынѣ отхожу съ покоемъ;
Отечество тобой Героемъ
Превыше будетъ всѣхъ державъ.

Уже ко предстоящимъ слезнымъ
Опъ облакъ обратила видъ,
И умиленіемъ любезнымъ
Озрѣвшись, къ высотѣ спѣшитъ.
Освободясь отъ части тлѣнной,
Восходитъ къ жизни непремѣнной.
Молчите горы и лѣса́,
Моря и вѣтры безпокойны,
Внимайте мнѣ и будьте стройны:
Мой умъ вперился въ небеса.

Отворенный ЕЛИСАВЕТѢ
Ея преславныхъ предковъ храмъ
Сіяетъ въ безконечномъ свѣтѣ,
По звѣзднымъ распростретъ полямъ.
Среди геройскаго собора
Лучемъ божественнаго взора
Яснѣйшій прочихъ духъ ПЕТРОВЪ
При входѣ свѣтозарной двери
Десницу простирая дщери,
Къ себѣ въ небесный вводитъ кровъ.

„Гряди къ блаженному покою,
Гряди къ намъ въ вѣчно торжество,
Гряди и царствуй здѣсь со мною,
Такъ хощетъ вышне Божество.
Ты жишь съ безсмертными досщойна;
Россія по шебѣ спокойна:
Ты возвратила въ ней уронъ:
Ты кровь мою возобновила,
Въ наслѣдствѣ внука утвердила;
Тобою онъ возшелъ на тронъ.

„Великодушія, щедроты
И мужества дала примѣръ,
Чтобъ руку онъ къ своимъ для льготы
И мечъ пропивъ враговъ просперъ.
Тобой цвѣшешъ мой градъ любезный,
Петрополь славный и полезный;
Но будешъ выше древнихъ дивъ.
Предѣлы ты распросшранила;
Его благословенна сила
Посшавишъ, вѣчно утвердивъ.

„За истинную добродѣтель
Земля шебѣ давала плодъ;
Всегда преклоненъ былъ Содѣтель;
Въ довольствѣ множилъ швой народъ.
Наслѣдникъ тою же стезею

Ступая ревностью своею,
Преклонишь вышнее добро.
Была, какъ ты, натура щедра,
Открыла горъ съ богатствомъ нѣдра;
Ему спорично дастъ сребро.

„Ты награждала всемъ науки;
И онъ щедротой оживитъ,
Искусствомъ обученны руки
Снабдитъ, умножитъ, просвѣтитъ.
Онъ посрыдитъ, какъ ты, злодѣевъ.
Оставленъ посредѣ трофеевъ,
До облакъ оны вознесетъ;
И на пространной свѣта части
Конецъ своей положитъ власти,
Гдѣ знакъ стоитъ твоихъ побѣдъ.

„Но больше что сію заслугу,
Что ты усердствуя къ нему,
Достойную дала супругу,
Любезну отчеству всему.
Уже изъ общей ихъ любови
Цвѣтетъ отъ нашей отрасль крови
Дражайшій Павелъ правнукъ мой.
Продлитъ Господь его потомки;
Дѣла ихъ возвеличитъ громки,
Прославитъ брани и покой.“

Богиня новыми лучами
Красуется окружена,
И звѣзды видитъ подъ ногами
Свѣтлѣе оныхъ какъ луна.
Уже торжественные лики
И радостныхъ Героевъ клики
И бреннымъ нестерпимый свѣтъ
Всю силу ока притупляютъ,
Вниманье слуха заглушаютъ:
Видѣнія закрылся слѣдъ.

Оставивъ высоту прекрасну,
Я небо вижу на земли:
Народовъ ревность всѣхъ согласну,
Какъ въ вѣки всѣ свѣтила шли.
Отъ Юга, Запада, Востока
Полями, славою широка
Россія кажетъ вѣрной духъ.
И какъ ЕЛИСАВЕТѢ твердо
ПЕТРУ вдаетъ себя усердо,
Едва лишь гдѣ достигнулъ слухъ.

Хребты полей прекрасныхъ, тучныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ текутъ,
Дѣлъ послухи Петровыхъ звучныхъ
Съ весельемъ поминая трудъ,
Тебѣ обильны движутъ воды,

TAYLOR INST. OXFORD

Тебѣ, Монархъ, плодятъ народы,
Несутъ довольство всѣхъ потребъ,
Что воздухъ и вода раждаетъ,
Что мягкая земля питаетъ,
И жизни главну крѣпость хлѣбъ.

Тамъ мерзлыми шумитъ крилами
Отецъ густыхъ снѣговъ борей,
И отворяетъ ходъ межъ льдами
Дать волѣ пушь въ Востокъ твоей,
Чтобъ Хины, Инды и Яппоны
Подверглись подъ твои законы.
Тебѣ отъ вѣрной глубины
Руками плещутъ воды бѣлы;
Ликуютъ западны предѣлы,
Предвидя счастіе войны.

Европа нынѣ восхищенна
Внимая, смотритъ на Востокъ,
И ожидаетъ изумленна,
Какой опредѣлишь ей рокъ.
То видитъ зракъ твой предъ полками
Подобный Марсу межъ врагами;
То представляетъ общій пиръ,
Отрады ради утомленныхъ,
Избавы ради раззоренныхъ,
Тобою обновленный миръ.

Когда по глубинѣ невѣрной
Къ невѣдомымъ брегамъ пловецъ
Спѣшитъ по дальности безмѣрной,
И не является конецъ;
Прилѣжно смотритъ птицъ полеты,
Въ водѣ и въ воздухѣ примѣты,
И какъ ужъ томную главу
На брегъ желанный полагаетъ,
Въ слезахъ отъ радости лобзаетъ
Песокъ и мягкую траву.

Германія сему подобно
По собственной крови плыветъ;
Во время смутно, неспособно
Конца своихъ не видитъ бѣдъ;
На Фаросъ силъ твоихъ взираетъ,
Къ тебѣ дорогу направляетъ,
Тебѣ себя въ покровъ отдаетъ
Въ согласіи желаетъ стройномъ
Въ твоемъ пристанищѣ спокойномъ,
Оливны вѣтви цѣловатъ.

Тогда по славнѣйшихъ побѣдахъ,
Какъ общій ускоритъ покой,
Пребудешь знатнѣйшій въ сосѣдахъ,
Прехваленъ миромъ и войной.
Тогда въ трудахъ тебѣ любезныхъ,

Россійскимъ областямъ полезныхъ,
Все время будешь провождать;
И каждой день злашаго вѣку,
Коль долго можно человѣку,
Благодѣяньями вѣнчать.

Когда пучину не смущаетъ
Стремленіе насильныхъ бурь;
Въ зерцалѣ жидкомъ представляетъ,
Небесной ясности лазурь,
И солнце съ высоты дивится,
Что само толь глубоко зрится.
Такъ ты, о нашихъ дней вѣнецъ,
Во внутреннихъ грудяхъ сіяешь,
И свѣтлый ликъ изображаешь
Въ спокойной радости сердецъ.

Великолѣпно облекися
Россійскій радостный Сіонъ,
Главой до облакъ вознесися,
Сампсонъ, Давидъ и Соломонъ
Въ ПЕТРѢ тобою обладаютъ,
И Голіяѳовъ презираютъ.
Сильнѣе тигровъ онъ и львовъ,
Геройска бодрость въ немъ избранна.
Изсохнетъ на земли попранна
Свирѣпость зміевыхъ головъ.

Голстинія возвеселися,
Что отъ тебя цвѣтетъ нашъ Кринъ.
Ты къ морю въ празднествѣ спремися,
Цвѣтущій славою Цвейшинъ.
Хотя не силенъ ты водою,
Но радостью сравнись съ Невою,
До Зунда шумъ твой разпростри.
Соединенные Россійскимъ
Поставь по берегамъ Балтійскимъ
Желаній вѣрныхъ алтари.

Спѣши, спѣши, весна златая,
Умножь отраду теплотой;
И новы вѣки начиная,
Стихіи здравіемъ напой;
Вели благоухать Зефиру;
Съ ПЕТРОМЪ поля одѣнь въ порфиру,
И всѣмъ пріятностямъ твоимъ
Подобную ЕКАТЕРИНУ
Надежды нашея причину
Снабди, снабди плодомъ драгимъ.

Небесъ и всѣхъ вѣковъ Зиждитель,
Источникъ всякаго добра,
Царей и царствъ земныхъ Правитель,
Ты оправдалъ владѣть ПЕТРА
Подсолнечной великой частью,

Ушѣшь его народы властью,
Преславный вѣкъ ему подай,
Супругѣ вѣпви вожделѣнной,
И больше какъ во всей вселенной
Въ ПЕТРОВѢ домѣ обишай.

ОДА XVII.

На торжественный день возшествія на Всероссійскій престолъ Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II. Іюня 28 дня 1762 года.

Внемлите, всѣ предѣлы свѣта,
И вѣдайте, что можетъ Богъ!
Воскресла намъ ЕЛИСАВЕТА:
Ликуетъ церковь и чертогъ.
Она, или ЕКАТЕРИНА?
Она изъ обѣихъ едина!
Ея и бодрость и восходъ
Златой наукамъ вѣкъ возставитъ,
И отъ презрѣнія избавитъ
Возлюбленный Россійскій родъ.

Россійскій родъ, коль ты ужасенъ
Въ поляхъ противъ своихъ враговъ;
Толь домъ твой въ нѣдрахъ безопасенъ.
Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.
Полки сражая, внѣ воюешь;
Но внутрь безъ крови торжествуешь.
Ты буря тамъ, здѣсь тишина.
Умѣренность тебѣ въ кровь бранну,
Въ главу побѣдами вѣнчанну
Отъ трехъ въ сей вѣкъ Богинь дана.

Петра Великаго супруга
Взведенная самимъ на шронъ,
Краса и честь земнаго круга
И слава скипшровъ и коронъ,
Прехраброму сему Герою
Среди пылающаго спрою
Даетъ спасительный совѣтъ,
Военно сердце умягчаетъ;
И миръ прявши лобызаетъ
Разженный яростью Магметъ.

ЕЛИСАВЕТА царствомъ мирнымъ
Россійскія мягчитъ сердца,
И какъ дыханіемъ зефирнымъ,
Взираньемъ кротказо лица
Вливаетъ благосклонность въ нравы,
Въ войнахъ не умаляя славы.
Возложенный себѣ вѣнецъ
Побѣдой, миромъ украшаетъ,
Трофеями превозвышаетъ
Державы своея конецъ.

Въ сіи прискорбны дни природнымъ
Россійскимъ истиннимъ сынамъ,
Ослабу духомъ благороднымъ
Даетъ ЕКАТЕРИНА намъ.
Мы кротости Богинь навыкнувъ,

И въ счастье ими данно вникнувъ,
Судбину тщимся оправишь.
Ужъ для общественна покрова
Согласно всѣхъ душа готова
Въ ней дщерь Петрову возвратишь.

Слыхалъ ли кто въ свѣтъ изъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О стыдъ, о странной оборотъ!
Чтобъ кровью купленны трофеи
И побѣдителей злодѣи
Пріобрѣли въ напрасной даръ
И данную залогомъ вѣру.
Въ тебѣ Россія нѣтъ примѣру;
И нынѣ оправданъ ударъ.

Любовь твоя къ ЕКАТЕРИНѢ,
ЕКАТЕРИНИНА къ тебѣ
Побѣду даровала нынѣ;
И Небо вѣрной сей рабѣ
Безъ раздробляющаго звуку
Крѣпитъ благословенну руку
На нашихъ буйныхъ сопостатъ.
О коль видѣніе прекрасно!
О коль мечтаніе ужасно!
Что смотритъ сей, что слышитъ градъ?

*

Не мракъ ли въ облакахъ развился?
Или открылся гробъ Петровъ?
Онъ взоромъ смутенъ пробудился
И произноситъ гласъ таковъ:
„Я мертвъ терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну АННУ
Въ супружество я поручилъ,
Дабы чрезъ то моя Россія
Подъ игомъ области чужія
Лишилась власти, славы, силъ?

„На толь, чтобъ всѣ труды несчетны
И пріобрѣтенны плоды
Разрушились и были тщетны,
И новы возрасли бѣды?
На толь воздвигъ я градъ священный,
Дабы врагами населенный
Россіянамъ ужасенъ былъ,
И вмѣсто радостной столицы
Тревожилъ дальныя границы,
Которы я распространилъ?“

О тѣнь великая, спокойся!
Мы помнимъ тьмы твоихъ заслугъ;
Безмолвна въ вѣчности устройся:
Твой трудъ межъ нами живъ вокругъ.
Не предадимъ твоей любови,

Не пощадимъ послѣдней крови.
Спѣшимъ отечество покрыть
Во слѣдъ премудрой Героинѣ,
Любезной всѣмъ ЕКАТЕРИНѢ,
Любезны ей и вѣрны быть.

Что чаяли, вы Невски Музы,
Въ великій оный громкій часъ?
„Согласны мыслей всѣхъ союзы
Веселый возвышали гласъ.“
Какъ звали ревностну присягу?
„Благословенную отвагу.“
Что зрѣли, какъ закрылся день?
„Намъ здѣшніе брега и волны
Величества, пріятства полны
Сквозь тонкую казались шѣнь.

„Среди избраннѣйшихъ Героевъ
Между блистающимъ ружьемъ,
Среди непобѣдимыхъ строевъ
Сверкаетъ красота мечемъ,
И нѣжность пола уважаетъ,
И тою храбрость украшаетъ:
Обѣими сердца влечетъ.
Всякъ видя, слѣдуя за нею,
Гласитъ устами и душею:
Такъ шла на тронъ ЕЛИСАВЕТЪ!“

Гряди Россійская отрада,
Гряди желаніе сердецъ,
И буди отъ враговъ ограда,
Поставь опасностямъ конецъ;
И оправдай ЕЛИСАВЕТУ,
Всему доказывая свѣту,
Что полная тріумфовъ брань
Постыждена поноснымъ миромъ,
И сопостатъ почтенъ кумиромъ,
Отъ насъ пріемлетъ въ жертву дань.

Уже намъ дневное свѣтило
Свое пресвѣтлое лице
Всерадостнымъ очамъ явило
Лучей прекрасныхъ во вѣнцѣ;
Туманы, мраки разгоняя,
И радость нашу предваряя,
Поля, лѣса, брега живитъ;
Въ росѣ, въ струяхъ себя являетъ.
Ему подобный къ намъ сіяетъ
Избавившей Богини видъ.

Въ удвоенномъ Петрополь блескѣ
Торжественный подъемлетъ шумъ,
При громкомъ возхищаясь плескѣ
Отрадой, возвышаетъ умъ.
Взирая на свою избаву,

На мысль приводитъ прежню славу.
Въ церквахъ, по стогнамъ, по домамъ
Несчетно множество народу
Гремящу представляетъ воду,
Что гласъ возноситъ къ небесамъ.

Теперь злоумышленье въ ямѣ
За гордость свержено лежитъ;
ЕКАТЕРИНА въ Божьемъ храмѣ
Съ благоговѣніемъ стоитъ;
Хвалу на Небо возсылаетъ,
И купно сердце всѣхъ пылаетъ
О цѣлости ея и насъ;
Что Вышній крѣпкою десницей,
Богиню намъ подавъ Царицей,
Отъ гибели невинныхъ спасъ.

Услыште судіи земные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте;
Но ихъ пороки изправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

О коль велико, какъ прославятъ
Монарха вѣрные раби!
О коль опасно, какъ оставятъ,
Отъ тѣсноты своей въ скорби!
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру.
Она свирѣпости узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ,
Твердѣе всякаго щита.

А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдамъ дружбу,
Позволила по зѣрѣ службу
Безпрепкновенно приносить.
На толь склонились къ вамъ Монархи
И согласились Іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?

И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истинны вещей,
Искусство нынѣшне доводомъ,

Что было надъ Россійскимъ родомъ
Умышлено отъ вашихъ главъ,
Къ попранью нашего закона,
Россійскаго къ паденью трона,
Къ рушенію народныхъ правъ.

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Изчислите тьму сильныхъ боевъ,
Изчислите у насъ Героевъ
Отъ земледѣльца до Царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго алтаря.

О коль Монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.
Тебя толь счастливу считаемъ,
Богиня, въ коей признаваемъ
Въ единой всѣ доброты вдругъ,
Щедроты, вѣру, справедливость,
И съ постоянствомъ прозорливость,
И истинной геройской духъ.

Осмнадцать лѣтъ ты украшала
Благословенный домъ ПЕТРОВЪ;
ЕЛИСАВЕТѢ подражала
Монаршихъ въ высотѣ даровъ.
Освобождая утѣсненныхъ,
И ободряя оскорбленныхъ,
Склонила высоту небесъ
Отъ злой судьбы тебя избавить,
Надъ нами царствовать поставить,
И отереть намъ токи слезъ.

Науки нынѣ торжествуйте:
Взошла Минерва на престолъ,
Пермески воды ликовствуйте,
Шумя крутитесь въ злачный долъ;
Вы въ рѣки и въ моря спѣшите,
И нашу радость возвѣстите
Лугамъ, горамъ и островамъ;
Скажите, что для просвѣщенья
Повсюду утвердитъ ученья,
Создавъ прекрасны храмы вамъ.

А ты, о отрасль вожделѣнна,
Спасенная отъ сильныхъ рукъ,
Будь жизнь твоя благословенна,
Прекрасна посредѣ наукъ!
Дражайшій Павелъ нашъ, мужайся,

Въ объятьяхъ рождшей ушѣшайся,
И бывши скорби забывай.
Она всѣ бури успокоитъ;
Щедротой, ревностью устроитъ
Тебѣ и намъ прекрасный рай.

Герои храбры и усерды,
Которымъ промыслъ положилъ
Пріять намѣренія тверды
Противу беззаконныхъ силъ
Въ защиту нашей Героинѣ,
Красуйтесь, веселитесь нынѣ:
На васъ лавровые вѣнцы
Въ несчетны вѣки не увянутъ,
Доколѣ Россы не престанутъ,
Гремѣть въ подсолнечной концы.

ОДА XVIII.

На новый 1764 годъ Государынѣ Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ II.

Пою наставшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красота вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня, радость и покровъ!
Не обинуясь предвѣщаю,
Что гласъ мой править поручаю
Послушницѣ твоей судьбѣ;
И можноль, чтобы наши лѣта
Россійскаго отрадѣ свѣта
Не уподобились тебѣ?

Геройскихъ подвиговъ хранитель
И проповѣдатель Парнассъ,
Временъ и рока побѣдитель,
Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ,
Приближи къ небесамъ вершины;
И для похвалъ ЕКАТЕРИНЫ
Какъ наша радость разцвѣтай:
Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
Бореи преврати въ зефиры,
Представь зимой въ полнощи рай.

Среди торжественнаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Что нынѣ чтя Петрову внуку,
Пою, какъ пѣлъ Петрову дщерь.
Ни моего преклонность вѣка,
Что слабитъ духъ у человѣка,
Ниже гонящій въ гробъ недугъ,
Ниже завистливы злодѣи
Чрезъ вредны воспятятъ затѣи
Почтительный къ Монархамъ духъ.

Усыновленна добродѣтель
Россійскій украшаетъ свѣтъ:
Тому начало и свидѣтель
Избраніемъ ЕЛИСАВЕТЪ.
Усердіе всего народа
Крѣпитъ, какъ кровная природа.
О скиптръ, вѣнецъ, о тронъ, чертогъ,
Сужденны вновь ЕКАТЕРИНѢ,
Красуйтесь о второй Богинѣ!
Той Петръ вручилъ, сей ввѣрилъ Богъ!

Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?
Кто ходъ его остановитъ?
Какъ океанскихъ водъ разливу
На встрѣчу кто поставитъ щитъ?
Гдѣ звуки? гдѣ огни и страхи?

Гдѣ, гдѣ всегдашній дымъ и прахи?
Въ нихъ Вышній не благоволилъ,
Въ свою не принялъ благостыню:
Но щедря крошку Героиню,
Покрылъ, воздвигъ, вѣнцемъ почтилъ.

Превыше облакъ возходящій
Недвижно зритъ отъ звѣздъ Ашлантъ
На вихрь въ подножіяхъ шумящій:
Такъ блещущій ея талантъ
Души и тѣла красотою
Надъ мрачною налоговъ мглою
Въ лучахъ небесныхъ вознесенъ,
Туманы, бури презираетъ,
И дни нестройны премѣняетъ
На ясность радостныхъ временъ.

О! ты пресвѣтлый предводитель
Отъ вѣчности текущихъ лѣтъ,
Цвѣтущихъ, дышущихъ живитель,
Ты око и душа планетъ,
Позволь ко твоему мнѣ дому,
Ко храму твоему златому,
Позволь приближившись воззрѣть!
Уже изъ свѣтлыхъ вратъ сафирныхъ
Направилъ коней ты Ефирныхъ
Ржутъ, топчутъ твердь, спѣшатъ летѣть.

Ты съ новымъ торжествуя годомъ,
Между блистающихъ колесъ
Лазуревымъ пустился сводомъ,
Течешь на крутизну небесъ;
Стремясь къ пріятствамъ вешней нѣги,
Одолѣваешь зиму, снѣги.
Таковъ ЕКАТЕРИНИНЪ нравъ,
Народну грубость умягчаетъ,
И всѣхъ къ блаженству приближаетъ
Теченьемъ обновленныхъ правъ.

Потомъ сильнѣйшими лучами
Сіяя въ большей высотѣ,
Прольешь источники полями
Въ цвѣтущихъ злаковъ красотѣ;
Листами увѣнчаешь лѣсы;
Въ кустахъ кругомъ младой Цересы
Возбудишь сладкогласныхъ птицъ.
Туда растущимъ селъ богатствомъ,
Туда ты привлечешь пріятствомъ
Поющихъ юношъ и дѣвицъ.

ЕКАТЕРИНИНЫ доброты
Сіяли къ намъ изъ мрачныхъ тучъ;
Но больше тѣмъ ея щедроты,
Чѣмъ выше и яснѣе лучъ:
Державы своея весною

Къ довольству, славѣ и покою
Обильно сыплетъ сѣмена,
Печется, ограждаетъ, грѣетъ.
О коль богатый плодъ поспѣетъ
Въ тебѣ, Россійская страна!

Когда съ превыспреннихъ несносной
Приближится на землю жаръ;
То дождь прольешь намъ плодоносной
Поднявъ, сгустивъ во облакъ паръ,
Умѣришь шѣмъ прекрасно лѣто,
Какъ сердце Росское нагрѣто
ЕКАТЕРИНИНЫМЪ лучемъ.
Ты сладостной росой прохладу,
Она щедротою отраду
Подастъ и удовольство всѣмъ.

Украсишь тщась лице земное,
Ночную сокращаешь тѣнь;
Она о подданныхъ покоѣ
Печется, ночь вмѣняя въ день.
Россіяне, народъ послушной
Монархинѣ великодушной,
Примѣромъ неусыпныхъ пчелъ
Въ трудахъ Царицѣ подражайте,
И сладость счастья умножайте
Успѣхами полезныхъ дѣлъ!

Уже по изобильномъ лѣтѣ
Достигнетъ солнце, гдѣ вѣсы
Равняютъ день и ночь на свѣтѣ,
И слѣдомъ лѣтнія красы
Приспѣютъ по трудахъ отрада,
Какъ сладостной изъ винограда
Потоками прольется сокъ:
Тогда дыханія способны
Съ богатствомъ въ пристани удобны
Поставятъ корабли на срокъ.

Я слышу Нимфъ поющихъ гласы,
Носящихъ сладкіе плоды,
Тамъ въ гумнахъ чистятъ тучны класы;
Шумятъ огромныя скирды.
Среди охотничей тревоги
Лѣсами раздаются роги,
Въ покоѣ представляя брань.
Сіе Богинѣ несравненной
Въ избытокъ принесутъ осенной.
Земля, вода, лѣсъ, воздухъ дань.

Въ сіи часы благословенны,
Когда Всевышній оградилъ
Помазаньемъ твой верьхъ священный,
И славою вѣнца покрылъ;
Когда по ожиданьи многомъ

Снабдилъ дражайшимъ насъ залогомъ,
Младаго ПАВЛА даровавъ;
Какого мы добра представишь
Не можемъ, и Творца прославишь,
Толикіе дары пріявъ.

На тронъ взошла ЕКАТЕРИНА
Не токмо, чтобъ себя спасти
Отъ бѣдъ, что ближила судьбина;
Но чтобъ Россіянъ вознести.
Предвидя общія напасти,
Чѣмъ угрожали вредны страсти,
Готова съ нами пострадать,
Чрезъ отмѣнитое геройство
Себѣ и намъ дала спокойство,
Какъ истинная чадамъ мать.

Блаженны мы, что ей послушны:
Покорность наша къ счастью путь!
О вы страны единодушны,
Согласіемъ едина грудь
Обыкши жить въ Монаршей волѣ,
Ликуйте: правда на престолѣ,
И ей премудрость присѣдитъ,
Небесными блеснувъ очами,
Богини нашея устами
Законы вѣчные гласитъ.

„Цвѣшутъ во славѣ мною царства,
И пишутъ правой судъ Цари;
Гнушаясь мерзостью коварства,
Рѣшу нелицемѣрно при.
Могу дѣла изчислить задни,
И что раждается повсядни;
О будущемъ предвозвѣщу;
Мои полезны всѣмъ совѣты,
Отъ чтителей моихъ навѣты
Предупреждая отвращу.

„Господь творенія начало
Премудростію положилъ;
При мнѣ впервые возсіяло
На тверди множество свѣтилъ;
И въ нѣдрахъ неизмѣрной бездны
Назначилъ словомъ бѣги звѣздны.
Со мною солнце онъ возжегъ,
Въ стихіяхъ прекратилъ раздоры,
Унизилъ долъ, возвысилъ горы,
И предписалъ пучинѣ брегъ.“

Премудрый гласъ сей Соломоновъ,
Монархиня, сей гласъ есть твой.
Пребудетъ твердь твоихъ законовъ,
Ограда истинны святой.
Онъ предварилъ тебя вѣками,

Превзойдешь ты его дѣлами,
Въ чемъ власть господствуешь ума,
По ясныхъ знанія возходахъ
Въ повѣренныхъ тебѣ народахъ
Невѣжества изчезнетъ тьма.

Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой;
Твой разумъ наше просвѣщенье,
И неусыпность нашъ покой.
О Пиндаръ, естьлибъ въ оны вѣки
Подъ сею властью жили Греки,
Тобъ пѣлъ ты о своихъ богахъ,
Что могутъ завсегда въ забавѣ,
Не мысля о земной управѣ,
Свой нектаръ пить на небесахъ.

Какіе представляешь виды
Отрадой возхищенный умъ?
Не вы угрюмые Друиды,
Не мрачной лѣсъ, не грозной шумъ,
Не изъ дымящейся пещеры
Звѣрообразны изувѣры
Даютъ глухимъ вытьемъ отвѣтъ:
Ко мнѣ пророчицы согласны,
Кастталькія сестры прекрасны
Съ Парнасса льютъ и гласъ и свѣтъ.

,,Смотри, смотри, внимай, вѣщаютъ,
Въ обширны Росскіе края,
Гдѣ сильны рѣки протекаютъ,
Народы многіе поя:
Изъ нихъ чрезъ горъ хребты высоки
Прольются новые потоки
ЕКАТЕРИНИНОЙ рукой,
Дабы чрезъ сочетанны воды
Другъ другомъ пользуясь народы,
Размножили избытокъ свой.

,,Дабы сердецъ какъ спруй союзы
Удобный намъ отверзли ходъ,
Дабы усердныя мы Музы
Повсюду приносили плодъ.
И се Богиня несравненна
Возлюбленна и просвѣщенна
Сіяетъ радостнымъ лицемъ,
Обитель нашу посвящаетъ
И дверь ученьямъ отверзаетъ
Во всемъ владычествѣ своемъ.

,,На полночь кажетъ Уранія:
Се здѣсь сквозь холмы льдовъ, сквозь градъ
Руно златое взятъ Россія
Денницы достигаетъ врать;
Язоны, Тифсы и Алкиды

Россійской въ волю Амфитриды
Отдавшись, какъ въ способной вѣтръ,
Препятства, страхи презираютъ
И счастьемъ ПАВЛОВЫМЪ кончаютъ,
Чего желалъ великій Петръ.

„Озрися на страну десную,
Гдѣ напыщенный исполинъ
Сѣдитъ и чаетъ, что земную
Рукою держитъ власть единъ;
Толстыми окруженъ стѣнами
И отдаленными морями,
Въ ничто вмѣняетъ прочій свѣтъ,
Не зная, что обширны силы
Безъ храбраго искусства гнилы,
Какимъ Европы край цвѣтетъ.

„Китай! предупреждая бѣдство,
Не трать времени блюдись,
Гордыней раздражить сосѣдство,
И гнѣву Росскаго страшись.
Безплодны степи и пустыя
И тучи стрѣлъ твоихъ густыя
Послужатъ въ неизбѣжной стыдъ.
И сей послушный нашъ любитель,
Каковъ твой бѣгъ и побѣдитель,
Съ Парнасса свѣту возвѣститъ.“

Сіи желанія сердечны
Героевъ духъ и судъ Небесъ
Исполнитъ и поставитъ вѣчны.
Въ надеждѣ таковыхъ чудесъ
Россія окомъ умиленнымъ
И сердцемъ въ щастьѣ услажденнымъ
Какой въ возторгѣ кажетъ видъ!
Взирая какъ на нѣжны крины
Въ объятіяхъ ЕКАТЕРИНЫ,
Младому ПАВЛУ говоритъ.

„О ты цвѣтущая отрада,
О вѣрность чаяній моихъ,
Тебя родила мнѣ Паллада
Для продолженья дней златыхъ;
О плодъ божественныя крови,
Расти, крѣпись въ ея любови,
Во слѣдъ шрудовъ ея взирай,
Какъ съ радостью носитъ державу,
Хранитъ свою съ моею славу
Ея примѣрамъ подражай.

„О чада ревностны, усерды,
Славеновъ въ свѣтѣ славный родъ,
О корень вѣрностію твердый,
Владѣтель многихъ царствъ и водъ,
Покрытый орлими крылами,

Украшенный ея дѣлами,
Чѣмъ долгъ Богинѣ возвратишь?
Въ трудахъ полезныхъ обращайся
Въ сей годъ, и завсегда старайся
Достоинства ея почтить.“

Талантъ высокое рожденье,
Дала натура красоту,
ЕЛИСАВЕТА присвоенье,
Какъ небо духа высоту,
Планета быть любезной міру,
Судьба корону и порфиру;
Чтожъ, Россы, посвятимъ ей въ даръ?
За нашъ покровъ, за царство стройно
Что можемъ принести достойно?
Усердія безсмертный жаръ!

Катитесь щастливы свѣтила
Во весь ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ;
Живительная ваша сила
Съ пріятностью Едемскихъ рѣкъ
Вливайся въ сердце ей и въ члены
И въ очи духомъ ободренны
И на прекрасное чело,
Чтобъ дравіе ея безцѣнно
Для нашей пользы безпремѣнно
Какъ вѣчная весна цвѣло!

Вѣчанная надежда Россійскія имперіи

ВЪ ВЫСОКІЙ ПРАЗДНИКЪ КОРОНОВАНІЯ

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ, ДЕРЖАВНѢЙШІЯ,

ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

ИМПЕРАТРИЦЫ

И

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ,

ПРИ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

ВСЕРАДОСТНО И ВСЕПОДДАННѢЙШЕ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ АПРѢЛЯ 29 ДНЯ 1742 ГОДА

СТИХАМИ ПРЕДСТАВЛЕННАЯ

ОТЪ

ГОТЛОБА ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА ЮНКЕРА,

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НАДВОРНАГО КАМЕРНАГО СОВѢТНИКА ИНТЕНДАНТА СОЛЯНЫХЪ ДѢЛЪ И ЧЛЕНА АКАДЕМІИ НАУКЪ.

СЪ НѢМЕЦКИХЪ РОССІЙСКИМИ СТИХАМИ ПЕРЕВЕЛЪ

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ,

АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКТЪ.

ОДА XIX.

Россія, что тебя за веседъ духъ живитъ?
Какъ можешь рада быть? Европа вся скорбитъ:
Тебѣ грозитъ раздоръ, лукавство сѣти ставитъ,
Продерзкій полкъ землей и моремъ бѣгъ свой правитъ,
Что мыслью въ твой предѣлъ уже давно вступилъ,
Пограбилъ всѣ мѣста, твое добро сглотилъ.
Орлы, какъ вы еще веселой гласъ послали,
Подкрались тигры къ вамъ, внезапно львы напали.

Но радость истинна; уже призналъ весь свѣтъ:
Какъ ты на тронъ ПЕТРОВЪ взошла, ЕЛИСАВЕТЪ,
Чрезъ сильной духъ его въ противныхъ страхъ вложити,
Онъ будетъ свой трофей, твой щитъ наслѣдство крыти.
Вступила вольной ты въ стезю его ногой,
Гдѣ рокъ его вспятилъ, тутъ путь начался твой,
Ты будешь, такъ какъ онъ, любовь во всей вселенной,
Князей примѣръ, покровъ земли тебѣ врученной,

Велико дѣло въ семъ равно душѣ твоей:
Какъ онъ отецъ нашъ былъ: ты мать Россіи всей.
Когда Олимпъ давалъ такихъ Монарховъ славныхъ?
Весь свѣтъ, что чтитъ его, ему не узритъ равныхъ.

Сквозь всѣ препятства онъ главу свою вознесъ,
Монархъ здѣсь, тамъ отецъ, хвалой къ верьху небесъ.
Пристойны, скажешь кто, къ правленью страны науки,
Гдѣ не былъ духъ его и храбры купно руки?

Надежда страны его вѣнчанна днесь въ тебѣ;
Понеже всякой чинъ пособы ждетъ себѣ.
Ты, ты Монархиня, на пользу все исправишь,
Неполной кончишь трудъ его совсѣмъ, прославишь.
Ты скипетръ рукой берешь, коварна злость дрожитъ,
Хотъ тяжко злато въ немъ, любовь тебя крѣпитъ.
Щастлива будешь тѣмъ земель Императрица,
Печаль прогонишь всю сердецъ людскихъ Царица.

Какъ ясной солнца лучъ въ немрачной утра часъ,
Такъ твой пріятной взоръ отрадой свѣтитъ въ насъ.
Въ тебѣ съ величествомъ сіяетъ къ намъ пріятство.
Съ небесъ вліянной даръ добротъ твоихъ изрядство.
Къ почтенью насъ ведетъ прекрасной зракъ лица,
Въ тебѣ дивимся мы премудрости Творца,
Въ талантахъ что твоихъ вѣнца достойныхъ ся,
Чрезъ кои мы давно желали въ вѣкъ плѣнишься.

Твоя высока мысль Цесарску кровь значишъ,
Что ты Геройска дщерь, твой бодрой духъ гласишъ,
И склонность вѣрности чинишь всегда награду,
Невинныхъ брашь подъ кровъ и бѣднымъ дашь отраду.
Коль сильныхъ сихъ доброшъ въ тебѣ велика власшь!
Хвалы доспойна мысль и славой полна спрасшь,
Живошъ души твоей, что тщится толь ревниво
Прилично трону жишь, являшь породы диво.

Тебя къ сему избрашь Творецъ изволилъ самъ,
И древо дней твоихъ расшишь въ цвѣшахъ къ плодамъ.
Являешь склонность къ намъ, что прежде ты шаила,
Котору съ бодростью стараньемъ ты открыла.
Твоя десница что на пользу намъ чинишъ,
То правишъ зрѣлъ совѣшъ, и добръ успѣхъ скоришъ.
Пресильной разумъ твой поспѣшно все прѣзаешъ.
Намѣренье твое съ желаньемъ всѣхъ кончаешъ.

Мы можемъ нашъ шаланшъ уже впередъ прозришь:
Духовной будешъ чинъ ученьемъ насъ крѣпишь,
И чисшу жизнь блюсши, съ словами оныхъ сходну,
Съ наукой крошкой нравъ и съ шѣмъ премудрошь сродну,

И мирно въ Бозѣ жить и ревность въ томъ
казать,
Чтобъ бѣднымъ помощь дать, страстей на-
бѣгъ попрать,
Они покажутъ всѣмъ промежъ собой согласно,
Что то сама любовь, что зримъ во оныхъ ясно.

Тобою будетъ сей почтенье чинъ имѣть,
Чего достоинъ онъ, всегда то будетъ зрѣть:
Чтобы простой народъ пороковъ впредь чуждался
И свято въ мірѣ жить по ихъ словамъ старался.
Священство въ ревности предъ Божій станетъ
пронъ,
Имѣя чисту мысль, хранивъ его законъ,
И духъ его готовъ небесну власть склонити,
Чтобъ сердце взять его, и миръ благословити.

Твой вѣры полный умъ умножитъ щастье
въ насъ:
Понеже правда, свѣтъ съ тобой на всякой часъ,
Что ты чрезъ твой совѣтъ въ единъ союзъ
приводишь,
Чрезъ умно слѣдство всѣ препятства превосхо-
дишь.
Ты держишь зависть злу и ненависть въ бро-
здахъ,
И правду съ разумомъ всегда въ твоихъ очахъ,
И вѣрность истинну и вольну мысль въ совѣтѣ,
Источникъ толь богатъ къ дѣламъ преславнымъ
въ свѣтѣ!

Хотя велика толь Монарша власть твоя;
Но видимъ, правишь какъ самую ты себя.
Ты мысль твою тогда на инной путь склоняешь,
Когда другихъ совѣтъ правдивъ быть познаваешь.
Тебѣ сія хвала пребудетъ въ вѣкъ красой,
Возвысишь твой народъ на щастья верьхъ съ собой,
Не зная, что Цари съ Князями мимо ходятъ,
Когда имѣ ложну власть, какъ сонъ на мысль наводятъ.

Тебѣ единой данъ высокой верьхъ хвалы,
Твоими должно звать, потомъ другихъ, труды:
Что острой разумъ твой въ вещахъ отмѣну знаетъ,
Извѣстное чинитъ не то, что только чаетъ.
За ясной солнца свѣтъ луны не чтишь лучей;
Князей искусство все, совѣтъ, разборъ вещей,
Различныхъ склонностей въ слугахъ и всей державѣ,
Для щастья ихъ земель и къ большей трона славѣ.

Коль здраво мыслишь ты, толь скоро все кончишь,
Въ чемъ здѣсь совѣтъ даешь, то дѣломъ тамъ велишь
Съ пристойной бодростью во всѣхъ дѣлахъ свободно,
Что Царску кажетъ кровь, Монархамъ что природно.

Ты зришь всегда умомъ, что долга мысль въ дѣлахъ
Дастъ часто худшій плодъ, нежъ въ скрытыхъ жаръ сердцахъ,
И чрезъ единъ моментъ, излишно что пробавленъ,
Разумной замыслъ прочь бываетъ такъ отставленъ.

Твоя страна и такъ большая свѣта часть,
Разумна храбрость гдѣ надъ злобой держитъ власть.
И звукъ ея хвалы взбуждаетъ что долженъ къ чести
Какъ шернъ въ чужихъ ногахъ и осъ въ очахъ у лести.
И зависть мѣшаетъ въ насъ, гдѣ не льзя силой взять,
Тутъ ложной дружбой ковъ желаетъ насъ прельщать.
Державнѣйша! твоихъ совѣтовъ онъ не знаетъ,
Коль скоро разумъ твой такую сѣть терзаетъ.

Нынь зависть какъ змія ведетъ лукавой взглядъ,
И ядомъ полну мысль на ону ночь назадъ,
Когда Россійскій родъ подъ игомъ въ тмѣ держался,
И злаго Башыя кумиру ницъ склонялся.
Та мыслитъ паки впредь тому же быть у насъ,
Однако все сіе лишь снится ей на часъ.
Не будетъ съ нами такъ въ бою опять глумиться,
Чтобы противу спа и тысячъ склониться.

Нѣтъ, о Монархиня! въ томъ разумъ твой во всѣмъ.
Блещи ПЕТРОВЫМЪ въ верьхъ чрезъ равну мочь мечемъ,
Что дерзка гордость вновь себя казнить взбудила;
Онъ вышелъ самъ наружь, лишь та себя явила.
Постигни сихъ враговъ, побѣду съ ними всю,
Принуди къ миру ихъ чрезъ крапкую войну,
Неблагодарность что воздвигнула съ хулою
И мздой завистливъ родъ подкупленный чужою.

Покрой твой шлемомъ верьхъ, Минерва, нашихъ лѣтъ,
Вонкни копье твое, твой полкъ готовъ идетъ,
Полтавскихъ сѣмя поль, къ побѣдамъ склонны дѣти,
Попранна что врага въ ногахъ обыкли зрѣти,
Отъ коихъ Мелибокъ и Кавказъ самъ дрожалъ
И съ Вислой черный Понтъ, какъ сильныхъ бурь, бѣжалъ,
Побитыхъ что враговъ принудили къ покою,
И пальмъ снопы несли геройскою рукою.

Въ хвалу Балтійскихъ водъ ихъ храброй духъ горитъ,
Съ весельемъ какъ на бортъ, такъ въ полѣ бытъ спѣшитъ.
Въ долинахъ и въ горахъ и гдѣ свирѣпы волны
Поставятъ грудь свою, отважныхъ мыслей полны.

Морской народъ спѣшитъ, возноситъ веселъ гласъ:
Что долго ждали толѣ, уже проходитъ часъ.
Каморы полны всѣ, палубы пушки кроютъ,
Готовы въ путь совсѣмъ, вотъ въ море вдругъ пороютъ.

Вели твой флагъ поднять и вымпелъ въ вѣтръ пустить,
И страшной лѣсъ въ волнахъ Россійскихъ машъ открыть,
Пресильной вывесть флотъ изъ ледныхъ устій въ море.
И мочь твоихъ галеръ къ пособѣ оныхъ вскорѣ;
Вогнали что великъ въ морски заливы страхъ,
Мутила чѣмъ боязнь Евксинской Понтъ въ брегахъ.
Судамъ на брань бѣжать вели въ ужасномъ видѣ:
Отецъ твой былъ Нептунъ, ты равна будь Фетидѣ.

Дай имъ указъ къ тому; ружье уже остро
И вѣрность силу дастъ въ солдатъ твоихъ плечо.
Съ веселъемъ правьте путь въ поля полки орлины,
Гдѣ вашъ насмѣшливъ врагъ, пройдите всѣ долины;
Разройте гнѣзда ихъ, добыча хоть мала;
Однако будетъ въ томъ велика вамъ хвала,
И съ ней довольство намъ, чѣмъ вашу храбрость пѣши:
Не возмемъ хоть богатствъ, но будемъ миръ имѣти.

Пускай, Державнѣйша, пускай шуда пойдутъ,
Куда собой хотятъ, гдѣ пальмы ихъ цвѣтутъ.
Безъ страха мы живемъ, чѣмъ Богъ врага смущаетъ,
Онъ рокъ примѣтилъ свой, къ намъ ближе не дерзаетъ.
Границы съ крѣпостьми имѣютъ твердъ покровъ,
Твой храброй полкъ и съ нимъ снарядъ по верьхъ валовъ,
На гору дерзость что, рыгая огнь жерлами,
Твой грозной мещетъ громъ и смерть между врагами.

По праву должно такъ ихъ силою смирять,
Что Богъ изволилъ самъ тебѣ для насъ послать:
Твой бодрой духъ спѣшитъ любви щедроту дати,
И сильнѣйшимъ ружьемъ тебѣ тріумфъ сыскати.
Тебя прославитъ то, не помнишь что обидъ,
И щедро презрила проступокъ, гнусной видъ:
Хотя пріятна месть; но быть въ тебѣ не смѣетъ:
Что твой высокой духъ собою самъ владѣетъ.

Я мышлю, что нашъ врагъ въ твоей добротѣ зритъ,
Что склонна къ милости, хотя полки крѣпитъ.
Онъ ставитъ войско въ строй, притомъ и мертвыхъ числитъ,
То перемирныхъ дней проситъ, то миру мыслитъ.

Изволь, Державнѣйша, явила ты предъ симъ,
Что хочешь миловать, не вредна быти имъ.
Вся власть въ твоихъ рукахъ, когда ихъ прозьба нравна,
Твоя земля и шакъ своимъ пространствомъ славна.

Какъ Норду миръ подашь, имѣть все будешъ онъ;
Премудру кажешь мысль, на твой возшедши тронъ.
Подобна ты во всемъ Британской Лисавешѣ,
Славнѣй что разумомъ была, не бранью въ свѣтѣ.
Науки введъ, хвалу Британцевъ вознесла,
Богатства и ума довольно имъ дала,
Въ воздержныхъ торжествахъ казну и честь достала,
По царски вѣкъ жила, въ побѣдахъ жизнь скончала.

Ты видишь равно ей къ таланту путь прямой,
Извѣстны будутъ намъ науки всѣ тобой.
Чрезъ оны человѣкъ приходитъ къ совершенству,
Къ сему насъ Богъ избралъ съ натурою блаженству.
Тѣ красятъ нашу плоть, острятъ и разумъ въ насъ;
Безъ нихъ мы мрачны какъ нечищеной алмазъ,
Что въ дикомъ камнѣ скрытъ очей людскихъ таится,
Гдѣ свѣтлость и цѣна въ всегдашней тмѣ не зрится.

TAYLOR INST. OXFORD

Кто имъ добро чинитъ, воздашь тѣ могутъ все,
И дѣломъ кажетъ намъ ихъ свѣтъ лице свое.
Художествъ разныхъ плодъ обильный въ тьмахъ являютъ,
Чрезъ прибыль славную своихъ обогащаютъ.
Тираннамъ мерзки тѣ: они враги себѣ.
Монархи любятъ ихъ подобные тебѣ.
Когда покоитъ ихъ какая гдѣ держава,
Бываютъ щастьемъ странъ, коронъ краса и слава.

Имперія твоя пространный домъ для нихъ.
Коль много скрытыхъ есть богатствъ въ горахъ твоихъ!
Что прошлой вѣкъ не зналъ, натура что таила,
То все откроетъ намъ твоихъ стараній сила.
Ты помощь въ томъ даешь, какъ самъ Родитель твой.
Что намъ прилѣжность дастъ, то тратитъ врагъ собой.
Послѣдню мочь его голодна скудость склонитъ,
И горду мысль его сильнѣй огня прогонитъ.

Позволь купечеству торгомъ довольну быть
Въ излишествѣ твоемъ и безопасно жить;
Позволь свободной путь, умножь суда, товары
Чрезъ кротkіе твои доброты душевныхъ дары:

Страна какъ человѣкъ, какъ сердце бьется въ
немъ,
Содержитъ кровь всегда въ прямомъ бѣгу своемъ,
То можетъ каждой членъ напитанъ быть удобно:
Какъ тѣло духъ живитъ, такъ земли торгъ
подобно.

Въ дѣлахъ съ рѣчьми людей согласія прибавь,
Съ надеждой вѣрну мысль на равной вѣсъ поставь:
Чтобы въ торгу своемъ никто не зналъ урону,
Гони отъ поршовъ прочь обманъ, утрату, спону;
Чрезъ вольность къ намъ введи таланты земель
чужихъ.
И для того, что всякъ прибытковъ ждетъ
своихъ,
Дай большу вольность тѣмъ, что намъ живутъ
согласно,
И нашъ товаръ берутъ, какъ мы отъ оныхъ
власно.

Въ твоей премудрости высокой даръ сей
скрытъ.
Поставь правдивой судъ, откуду ложь бѣжитъ,
Лукавство, ковъ и лесть низринь изъ мѣстъ
судебныхъ,
Вели на правду зрѣть, какъ ты, въ дѣлахъ
враждебныхъ.
Безъ траты времени въ обидахъ помощь дай,
Коварну зависть, злость по ихъ дѣламъ карай.
Невинныхъ току слезъ посли твою утѣху.
Избавь отъ хищныхъ рукъ твоихъ людей къ
успѣху.

Благословенъ будь день, что избранъ былъ
къ тому,
Когда склонилась ты къ народу твоему.
О коль предрагъ залогъ отъ сей высокой страсти!
И коль пресладокъ плодъ, любовь подданныхъ къ
власти!
Колика радость намъ тебѣ врученнымъ быть!
Велика сладость коль себя любиму зрить!
Геройска бьется грудь, смотря твоихъ забаву,
А наша, чтобъ твою почтить довольно славу.

Господствуй и имѣй надъ щастьемъ полну
власть,
Всевышній дастъ тебѣ въ таланѣ лучшу часть:
Чтобы познать могли въ грядущій вѣкъ потомки,
Что ты всѣхъ женъ краса, твои дѣла коль громки.
Желая то, гласятъ брега Балтійскихъ водъ
Дотоль, гдѣ кажетъ свой Яппонцамъ солнце
всходъ;
И отъ Каспійскихъ волнъ до горъ, гдѣ мразъ
насильный,
Гдѣ малъ народъ, большихъ звѣрей стада обильны.

Востокъ и Западъ весь большая часть земли
На промыслъ смотритъ твой и чтитъ дѣла твои.
И сила войскъ твоихъ и честь отъ многихъ
троновъ,
И оныхъ странъ союзъ и твердь твоихъ законовъ
Будь какъ начальной лучъ въ срединѣ всѣхъ пла-
нетъ,
Что самъ собой стоитъ и кругъ себя течетъ,

И столько тяжкихъ шѣлъ пространнымъ вихремъ водитъ,
Что каждое изъ нихъ чрезъ вѣчный путь свой ходитъ.

Тебя Творецъ для насъ до времени скрывалъ,
Когда премѣнный рокъ бѣдами насъ смущалъ.
Въ мятежны тѣ часы и мудры всѣ молчали;
Что рокъ отнять не могъ, то злы насильно взяли,
Смутили все въ одно. Въ союзѣ силы нѣтъ!
Политика зритъ вдаль; но слабъ ея совѣтъ.
Ужасна будетъ коль ея потомъ кончина?
Того намъ не льзя знать, покажетъ впредь година.

Довольно небо будь потокомъ слезъ людскихъ;
Поставь ужъ съ нами миръ за кровь рабовъ твоихъ.
Низвергни мерзкой ковъ, что вводитъ брань въ народы,
Подай спокойной вѣкъ, сгони отъ насъ погоды.
Вздыхаетъ вѣрность, такъ того Россія ждетъ.
Тебѣ Всесильнаго рука вѣнецъ даетъ,
Гдѣ непорочной лавръ, гдѣ чистъ жемчугъ и ясный,
Тебѣ, Монархиня, нашъ Ангелъ мира красный.

ОДА XX.

На день коронации Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, сочиненная на Нѣм. языкѣ Іоганномъ Георгомъ Бокомъ, а на Россійской переведенная Михайлою Ломоносовымъ 1758 года.

Натуры хитрыя возможныхъ опытъ силъ,
Къ которому свой взоръ весь смертныхъ родъ вперилъ,
Россіи щастливой Богиня просвѣщенна,
Ты восхищаешь умъ, какъ солнце, вознесенна;
Корона съ твоея главы ліюща свѣтъ
Златыхъ округъ въ твоемъ наслѣдствѣ значитъ лѣтъ.
И тѣмъ побуждены подсолнечной всѣ части
Усердность жертвуютъ твоей крѣпчайшей власти.

Кто странъ твоихъ предѣлъ и множество позналъ,
Твою великость тотъ по власти измѣрялъ,
Я мѣру праведну не въ силахъ полагаю,
Души величество за ону признаваю.
Ему принадлежатъ обширныя страны,
Что вышнимъ промысломъ тебѣ подарены,

Открышь къ щедротамъ пушь ты на престолъ
вступила;
Высокъ онъ; но твоихъ даровъ превыше сила.

Съ державою равно любленье щедрыхъ дѣлъ,
И крошость изъ нея преходитъ за предѣлъ.
Ты больше тщишься быть прямымъ добромъ
вселенной,
Какъ слыть Монархиней надъ всѣми вознесенной,
И злато надъ тобой не знаетъ власти взять:
Величествомъ твоимъ что можетъ обладать?
Твое богатство всѣмъ на щастье и отраду,
Къ почтенію наукъ, художествамъ въ награду.

Отеческій твой градъ премудрости есть
храмъ,
Сокровище твоимъ нескрытое странамъ:
Тамъ лира бодрая веселы водитъ лики,
И струны оныя суть радостей языки.
Парнассъ въ очахъ твоихъ не холмъ лишенъ красы,
Что можетъ разцвѣсти безъ солнца и росы.
Какъ на главѣ твоей Минервинъ шлемъ сіяетъ,
Ея щитомъ рука науки покрываетъ.

Хотя душѣ твоей несносны злы дѣла;
Но казней строгая жестокость тяжела;
Прискорбнымъ сердцемъ ты повинныхъ осу-
ждаешь,
И вмѣсто крови ихъ щедроты проливаешь.

Правдивой судъ тебѣ пріятенъ въ тѣ часы,
Когда уставлены наградами вѣсы,
Драгими камнями иныхъ вѣнцы сіяютъ;
Тебя лучи доброты отвсюду окружаютъ.

Монархи, что добро, нерѣдко признаютъ;
Но медленно къ тому употребляютъ трудъ.
Твой просвѣщенный умъ соединенъ съ радѣньемъ;
Какъ скипетръ сопряженъ съ Монаршескимъ владѣньемъ;
Ты путь открыла тѣмъ къ пріятнымъ должностямъ
Оружіемъ твоимъ подверженнымъ рабамъ,
И власть, чѣмъ по вѣнцу, по крови ты сіяешь,
Распетъ, что оную дѣлами укрѣпляешь.

Въ владѣтельствѣ твоемъ умѣренность должитъ,
Что должность новую исполнить всякъ спѣшитъ;
И сердце матерне себя тѣмъ утѣшаетъ,
Довольствуясь, что долгъ всякъ вѣрно признаваетъ.
Живемъ не чувствуя, что къ страху нудитъ духъ,
Но именемъ твоимъ свой услаждаемъ слухъ.
Младенцы слышатъ то, и нѣжно повторяютъ,
И дѣтскія уста съ улыбкой обращаютъ.

Пускай чрезъ хитрости представятся лучи,
И радость общую изобразятъ въ ночи,
Пустъ мрачность пламеннымъ размахомъ раздѣлится;
Усердіе въ сердцахъ ярчѣе возпалится.
Цвѣтами разными возженныя свѣщи
Являютъ каждыя веселіе души.
Когда блистанія составы въ верьхъ возводятъ.
То значатъ, что къ звѣздамъ желанія восходятъ,

Богиня, коей блескъ вседневно возстаетъ
Достойный плодъ ПЕТРОВЪ вѣнца отъ нѣжныхъ лѣтъ,
Отъ жизни онъ отшелъ; геройскихъ мыслей сила
Пренесена въ тебѣ, ПЕТРА возстановила.
Всевышній дай тебѣ святую благодать,
Достоинствамъ твоимъ вѣкъ равный обладать;
Да въ сей толь кратно день на тронѣ возсіяешь,
Какъ веселишь народъ, щедротой побѣждаешь.

О Д А

на

Щ а с т і е

господина

ЖАНЪ БАБТИСТА РУССО.

переведенная

г. Сумороковымъ и г. Ломоносовымъ.

Любители и знающіе словесныя науки могутъ сами по разному сихъ обоихъ піитовъ свойству каждаго переводъ узнать. Оба сіи переводы первымъ тисненіемъ напечатаны въ полезномъ увеселеніи на мѣсяцъ Генварь 1760 года; а оригиналъ взятъ изъ сочиненій г. Руссо.

O D E.

Fortune, dont la main couronne
Les forfaits les plus inouis,
Du faux éclat qui t'environne
Serons-nous toujours éblouis?
Jusques à quand, trompeuse idole,
D'un culte honteux et frivole
Honorerons-nous tes autels?
Verra-t-on toujours tes caprices
Consacrés par les sacrifices
Et par l'hommage des mortels?

Le peuple dans ton moindre ouvrage
Adorant la prosperité,
Te nomme grandeur de courage,
Valeur, prudence, fermeté:
Du titre de vertu suprême
Il dépouille la vertu même
Pour le vice que tu chéris:
Et toujours ses fausses maximes
Erigent en héros sublimes
Tes plus coupables favoris.

Mais de quelque superbe titre
Dont ces héros soient revêtus,

ОДА НА ЩАСТІЕ.

ПЕРЕВОДА Г. ЛОМОНОСОВА.

Доколѣ щастье ты вѣнцами
Злодѣевъ будешь украшать?
Доколѣ ложными лучами
Нашъ разумъ хочешь ослѣплять?
Доколѣ, истуканъ прелестной,
Мы станемъ жертвой намъ безчестной
Твой тщетной почитать алтарь?
Доколѣ будетъ строить храмы,
Твои чтить замыслы упрямы,
Прельщенная словесна тварь?

Народъ порабощенъ обману,
Малѣйшія твои дѣла
За умъ, за храбрость чтитъ избранну.
Ты власть, ты честь, ты силъ хвала;
Въ угоду твоему 1) пороку,
И добродѣтель превысоку
Лишаетъ собственныхъ красотъ.
Его неправедны уставы
На верьхъ возводятъ пышной славы
Твоихъ любимцевъ злобной родъ.

Но пусть великостію сею
О типлахъ хвалятся своихъ;

---

1) То есть, отъ тебя происходящему пороку.

Prenons la raison pour arbitre,
Et cherchons en eux leurs vertus,
Je n'y trouve qu'extravagance,
Foiblesse, injustice, arrogance,
Trahisons, fureurs, cruautés.
Ftrange vertu qui se forme
Souvent de l'assemblage énorme
Des vices les plus détestés!

Apprens, que la seule sagesse
Peut faire les héros parfaits:
Qu'elle voit toute la bassesse
De ceux, que ta faveur a faits:
Qu'elle n'adopte point la gloire,
Qui naît d'une injuste victoire
Que le fort remporte pour eux;
Et que devant ses yeux Stoiques,
Leurs vertus les plus héroiques
Ne sont, que des crimes heureux.

Quoi! Rome et l'Italie en cendre
Me feront honorer Sylla?
J'admirerai dans Alexandre
Ce que j'abhorre en Attila?
J'appellerai vertu guerriere
Vne vaillance meurtrière,
Qui dans mon sang trempe ses mains?

Поставимъ разумъ въ томъ судьею,
И добрыхъ дѣлъ поищемъ въ нихъ.
Я вижу лишь одну безмѣрность,
Надменность, слабость и невѣрность,
Свирѣпство, бѣшенство и лесть.
Доброта странная! откуду
Изъ злости сложенному чуду
Дается оной должна честь?

Ты знай: герои совершенны
Премудростію въ свѣтъ даны;
Она лишь видитъ, коль презрѣнны,
Что чрезъ тебя возведены.
Она ту славу презираетъ,
Что рокъ неправедной раждаетъ
Въ побѣдахъ слѣпотой своей;
Предъ строгими ея очами,
Герой съ суровыми дѣлами
Ничто, какъ щастливой злодѣй.

Почтишь ли токи тѣ кровавы,
Что въ Римѣ Сулла проливалъ?
Достойноль въ Александрѣ славы,
Что въ Аттилѣ всякъ зломъ призналъ?
За добродѣтель и геройство
Хвалишь ли звѣрско неспокойство
И власть окровавленныхъ рукъ?

Et je pourrai forcer ma bouche
A louer un héros farouche
Né pour le malheur des humains?

Quels traits me presentent vos fastes,
Impitoyables conquérans!
Des voeux outrés, des projets vastes,
Des rois vaincus par des tyrans;
Des murs que la flamme ravage,
Des vainqueurs fumans de carnage,
Un peuple aux fers abandonné,
Des meres pâles et sanglantes
Arrachant leurs filles tremblantes
Des bras d'un soldat effréné.

Juges insensés que nous sommes,
Nous admirons de tels exploits!
Est-ce donc le malheur des hommes
Qui fait la vertu des grands rois?
Leur gloire féconde en ruines
Sans le meurtre et sans les rapines
Ne sçauroit-elle subsister?
Images des dieux sur la terre,
Est-ce par des coups de tonnerre
Que leur grandeur doit éclater?

Mais, je veux, que dans les allarmes
Réside le solide honneur:

И принужденными устами,
Могу ли возносить хвалами
Начальника толикихъ мукъ?

Издревле что объ васъ извѣстно,
О хищники чужихъ державъ!
Желанье въ мірѣ всемъ невмѣстно,
Попраніе вѣнчанныхъ главъ,
Огня и шруповъ полны стѣны,
И вы въ пару кровавой пѣны,
Народъ пожранный опъ меча,
И въ шумѣ блѣдна мать великомъ
Свою дочь тщится съ плачемъ, съ крикомъ
Отнять съ насильнаго плеча.

Слѣпые мы судьи, слѣпыя,
Чудимся таковымъ дѣламъ!
Однѣ ли приключенья злыя,
Даютъ достоинство царямъ?
Ихъ славѣ бѣдствами обильной,
Безъ брани хищной и насильной
Не можно развѣ устоять?
Не можно божеству земному
Безъ ударяющаго грому
Своимъ величествомъ блистать?

Но быть должна во время бою
На первенствѣ прямая честь:

Quel vainqueur ne doit qu'á ses armes
Ses triomphes et son bonheur?
Tel qu'on nous vante dans l'histoire,
Doit peut être toute sa gloire
A la honte de son rival:
L'inexpérience indocile
Du compagnon de Paul Emile
Fit tout les succès d'Annibal.

Quel est donc le héros solide,
Dont la gloire ne soit qu'à lui?
C'est un roi que l'équité guide,
Et dont les vertus sont l'appui,
Qui prenant Titus pour modèle,
Du bonheur d'un peuple fidèle
Fait le plus cher de ses souhaits:
Qui fuit la basse flatterie;
Et qui, père de sa patrie,
Compte ses jours par ses bienfaits.

Vous, chez qui la guerrière audace
Tient lieu de toutes les vertus,
Concevés Socrate à la place
Du fier meurtrier de Clitus:
Vous verrés un roi respectable,
Humain, généreux, équitable;
Un roi digne des vos autels.

И кто поправъ врага собою,
Побѣду могъ себѣ причесть?
Издревле воины извѣстны,
Похвальны, знатны, славны, честны,
Оплошностью пропивныхъ силъ.
Худымъ Варроновымъ призоромъ,
Упрямымъ и неправымъ споромъ
Ганнибалъ славу получилъ.

Когоже намъ почтишь героемъ
Великимъ собственной хвалой?
Царя, что правдой и покоемъ
Себя, народъ содержитъ свой;
Послѣдуя Веспасіану,
Едину радость несказанну
Имѣетъ въ щастіи людей,
Отецъ отечества безъ лести;
И ставитъ выше всякой чести
Числомъ своихъ щедротны дней.

О вы! что въ добродѣтель чтите
Единъ въ войнахъ геройской шумъ,
Себѣ Сократа вобразите
За Клитова убицу въ умъ!
Вамъ будетъ царь въ немъ несравненный,
Правдивой, кротостью почтенный,
Достойный олтаря во вѣкъ;

Mais, à la place de Socrate,
Le fameux vainqueur de l'Euphrate
Sera le dernier des mortels.

Héros cruels et sanguinaires,
Cessés de vous énorgueillir
De ces lauriers imaginaires
Que Bellone vous fit cueillir.
En vain le destructeur rapide
De Marc Antoine et de Lépide
Remplissoit l'univers d'horreurs:
Il n'eût point eu le nom d'Auguste
Sans cet empire heureux et juste
Qui fit oublier ses fureurs.

Montrés-nous, guerriers magnanimes,
Votre vertu dans tout son jour;
Voyons, comment vos coeurs sublimes
Du sort soutiendront le retour;
Tant que sa faveur vous séconde
Vous êtes les maîtres du monde,
Votre gloire nous éblouit:
Mais au moindre revers funeste,
Le masque tombe, l'homme reste,
Et le héros s'évanouit.

L'effort d'une vertu commune
Suffit pour faire un conquérant.
Celui qui dompte la fortune
Mérite seul le nom de grand.

Тогда страшилище Евфрата
Противъ вѣнчаннаго Сократа
Послѣдней будетъ человѣкъ.

Герои люпы и кровавы!
Поставьте гордости конецъ,
Рожденной отъ воинской славы
Забудьте лавровой вѣнецъ.
Напрасно Рима повелитель
Октавій, свѣта побѣдитель,
Навелъ въ его предѣлы страхъ;
Онъ Августомъ бы не нарекся,
Когда бы въ кротость не облекся,
И страха не скончалъ въ сердцахъ.

О воины великосерды!
Явите вашихъ лучъ доброты;
Посмотримъ, коль щогда вы шверды,
Какъ щастье возметъ поворотъ.
Когда то къ вамъ великодушно
Земля и море вамъ послушно,
И блескъ вашъ очи всѣхъ слѣпитъ;
Но только лишь оно отстанетъ,
Геройска похвала увянетъ,
И смертный будетъ всѣмъ открытъ.

Способность средственна довлѣетъ
Завоевателями быть:
Кто щастіе преодолѣетъ,
Одинъ великимъ можетъ слыть:

Il perd sa volage assistance,
Sans rien perdre de la constance
Dont il vit ses honneurs accrus;
Et sa grande ame ne s'altère
Ni des triomphes de Tibère,
Ni des disgraces de Varus.

La joie imprudente et légère
Chez lui ne trouve point d'accès;
Et sa crainte active modère
L'yvresse des heureux succès
Si la fortune le traverse,
Sa constante vertu s'exerce
Dans ces obstacles passagers.
Le bonheur peut avoir son terme,
Mais la sagesse est toujours ferme,
Et les destins toujours légers.

En vain une fiére déesse
D'Enée a résolu la mort;
Ton sécours, puissante Sagesse,
Triomphe des dieux et du sort.
Par toi, Rome, au bord du naufrage,
Jusque dans les murs de Carthage
Vangea le sang de ses guerriers;
Et suivant tes divines traces,
Vit au plus fort de ses disgraces
Changer ses cyprès en lauriers.

Хошь помощь ошъ него шеряешъ;
Но съ посшоянсшвомъ пребываешъ,
Для коего ошъ всѣхъ почшенъ;
Всегда не низокъ и не пышенъ,
Съ Тиверіемъ ли онъ возвышенъ,
Или какъ Варусъ пораженъ.

Излишне радосшь не внушаешъ
Въ недвижносши своей предѣлъ,
И осшорожно умѣряешъ
Неисшовсшво успѣшныхъ дѣлъ.
Пусшь щасшіе преобрашишся;
Недвижна добродѣшель шщишся
Презрѣнной разрушишь упоръ.
Конецъ имѣешъ благоденсшво,
Сшоишъ въ премудросши блаженсшво,
Непосшояненъ рока взоръ.

Вошще гошовишъ гнѣвъ Юноны
Енею смершь среди валовъ,
Премудросшь! чрезъ швои законы,
Онъ выше рока и боговъ;
Тобою Римъ по злой напасши
Въ срединѣ Карѳагенской власши
Своихъ героевъ смершь ошмсшилъ;
Ходя въ швои небесны слѣды
Во время слезныя побѣды,
Въ Трофеи гробы превращилъ.

Переводъ Г. Сумарокова

Ты Фортуна украшаешь
Злодѣянія людей,
И мечтаніе мѣшаешь
Разсмотрѣти жизни сей.
Долголь намъ повиноваться
И доколѣ покланяться
Намъ обману твоему?
Всѣ тобою побѣжденны,
Всѣ ли смертные рожденны,
Супротивиться уму?

Малости съ твоимъ покровомъ
Кажутся не малы быть;
Пышнымъ именемъ и словомъ
Должны превелики слыть.
Весь народъ тому свидѣтель,
Что пороки добродѣтель,
Коимъ помогаешь ты,
И во смрадности природы
Беззаконнику доводы
Плютъ безсмертія цвѣты.

Имя сихъ героевъ пышно:
Но разсмотримъ ихъ дѣла,
Будетъ намъ иное слышно,
Коль судьба намъ умъ дала:
Какъ мы ихъ ни почитаемъ,
Жадность, гордость обрѣтаемъ,
И свирѣпство только въ нихъ:
Все, что ихъ ни прославляетъ,
Добродѣтель составляетъ
Изъ пороковъ лишь однихъ.

Ты не можешь быть причиной
Славы оптмѣненныхъ душъ,
Но премудростью единой
Славится великой мужъ;
Отъ твоей одной державы
Нѣтъ безсмертія, ни славы;
Смертныхъ то незапна часть;
Не геройски то ушѣхи,
Но тиранскіе успѣхи
Ближнимъ приключать напасть.

Какъ почтить могу я Силлу,
Пепломъ зря прикрытой Римъ?
Хулимъ одного Ашпиллу,
Помня Александра съ нимъ.
Человѣковъ убиваютъ,

А другіе называютъ
Добродѣтелью кровь лишь.
Праведноль искать витійства
Къ прославленію убійства,
И разбойника хвалишь?

Побѣдители злосерды!
Всѣ зрю ваши я плоды:
Вы въ желаньяхъ вашихъ шверды,
Міру извлекаш бѣды.
Тамо слышу бѣдныхъ стоны,
Тамъ валяшся ваши троны,
Грады превращенны въ прахъ,
Возлагаются желѣзы,
Вдовъ, сиротъ ліются слезы,
Тамъ смяшеніе и страхъ.

На сіе, что тако хваляшъ,
Разсуждая кто воззри,
Иль безъ бѣдъ людскихъ умаляшъ
Дарованный санъ цари?
Вѣнценосцы! для ошлики
То ли способы велики,
Чѣмъ вы можете блистать?
Въ васъ боговъ изображенье:
Тольколь онымъ подраженье
Громъ и молнію мешать?

Въ приключеніяхъ пропивныхъ
Обрѣтаю важну честь;
А въ побѣдахъ и предивныхъ
Лавръ оружью должно плѣсть.
Побѣдитель часто славенъ,
Что противнику не равенъ,
И его соперникъ малъ,
За побѣду малоспорну
Долженъ вождю непроворну
Всѣмъ успѣхомъ Аннибалъ.

Коему хвала герою
Въ точномъ имени его?
Щедрой кроющу рукою
Чадъ народа своего;
Образцомъ которой Тита,
Подданнымъ отъ бѣдъ защита;
Жалостно смотря на нихъ,
Лести кто и внять не мыслитъ,
И владѣнія дни числитъ
По числу щедротъ своихъ.

Вмѣсто яростію взята,
Звѣрски Клита кто убилъ,
Вобразимъ себѣ Сократа:
Естьлибъ онъ на тронѣ былъ,

Въ немъ царя не горделива
Зрѣлибъ мы и справедлива,
И достойна олтарей.
А Евфрата побѣдитель
Вмѣсто былъ его бы зритель
Только подлости своей.

Крови жаждущи герои
Возмущенія творцы!
Васъ мечтою славятъ бои
И лавровые вѣнцы.
Раззоренія безсмѣтны
Всѣ Октавіевы тщетны
Вознестися до небесъ:
Правосудія блаженствомъ
И спокойства благоденствомъ
Тако онъ себя вознесъ.

Мужи храбрые! являйте
Въ полномъ свѣтѣ вы себя,
Равномѣрно прославляйте
Имя, щастье погубя.
Души ваши въ немъ велики,
Мира вы сего владыки,
Слышанъ лишь огромный вѣкъ,
Щастье только упадаетъ;

Все геройство увядаетъ,
Остается человѣкъ.

Для побѣды изобильно
Духъ посредственный имѣть,
И потребно сердце сильно,
Коль фортуну одолѣть.
Мужъ великій презираетъ,
Что фортуна имъ играетъ,
И въ бѣдахъ неколебимъ,
И въ благой и въ люшой части
Сердце держитъ онъ во власти,
Въ твердомъ постоянствѣ зримъ.

Вся его успѣха сладость
Не въ излишествѣ своемъ,
Неумѣренная радость
Не обрящетъ мѣста въ немъ;
Всѣ ему препятства втунѣ,
Онъ ругается фортунѣ,
И спокойно видитъ ихъ.
Щастье въ жизни скоротечно;
Но достоинство есть вѣчно,
Сколько рокъ ему ни лихъ.

Тщетно гордостью Юноны
Осужденъ на смерть Еней!
Добродѣтель въ обороны,

Ты прошивилася ей.
Римъ тобою Карѳагены
За него разсыпалъ сшѣны,
Славу ихъ пославъ на низъ;
И въ его люшѣйшей часши,
Превращилъ, шѣ зря напасши,
Въ вѣчны лавры кипарисъ.

РАЗГОВОРЪ СЪ АНАКРЕОНТОМЪ.

АНАКРЕОНТЪ.

ОДА I.

Мнѣ пѣть было о Троѣ,
О Кадмѣ мнѣ бы пѣть,
Да гусли мнѣ въ покоѣ
Любовь велятъ звѣнѣть.
Я гусли со струнами
Вчера перемѣнилъ,
И славными дѣлами
Алкида возносилъ;
Да гусли по неволѣ
Любовь мнѣ пѣть веляшъ
О васъ герои болѣ,
Прощайте, не хотятъ.

ЛОМОНОСОВА

ОТВѢТЪ.

Мнѣ пѣть было о нѣжной,
Анакреонтъ! любви,
Я чувствовалъ жаръ прежной

Въ согрѣвшейся крови,
Я бѣгать сталъ перстами
По тоненькимъ струнамъ,
И сладкими словами
Послѣдовать стопамъ.
Мнѣ струны по неволѣ
Звучатъ геройскій шумъ.
Не возмущайте болѣ
Любовны мысли умъ;
Хоть нѣжности сердечной
Въ любви я не лишенъ;
Героевъ славой вѣчной
Я больше восхищенъ.

АНАКРЕОНТЪ.

ОДА XXII.

Когда бы намъ возможно
Жизнь было продолжить,
То сталъ бы я неложно
Сокровища копить,
Чтобъ смерть въ мою годину
Взявъ деньги, отошла,
И за откупъ кончину
Отсрочивъ, жить дала.
Когда же я то знаю,
Что жить положенъ срокъ:
На что крушусь, вздыхаю,

Что мзды скопить не могъ,
Не лучшель безъ шерзанья
Съ пріяшельми гулять,
И нѣжны воздыханья
Къ любезной посылать?

ЛОМОНОСОВА

ОТВѢТЪ.

Анакреонтъ! ты вѣрно
Великой Философъ,
Ты дѣломъ равномѣрно
Своихъ держался словъ.
Ты жилъ по шѣмъ законамъ,
Которые писалъ;
Смѣялся забобонамъ.
Ты пѣть любилъ, плясалъ,
Хоть въ вѣчность ты глубоку
Не чаялъ больше быть,
Но славой послѣ року
Ты могъ до насъ дожить.
Возмите прочь Сенеку:
Онъ правила сложилъ
Не въ силу человѣку;
И кто по онымъ жилъ?

АНАКРЕОНТЪ.

ОДА XI.

Мнѣ дѣвушки сказали:
Ты дожилъ старыхъ лѣтъ,

И зеркало мнѣ дали,
Смотри, ты лысъ и сѣдъ.
Я не тужу нимало,
Ещель мой волосъ цѣлъ,
Иль темя гладко стало,
И весь я побѣлѣлъ.
Лишь въ томъ могу божиться,
Что долженъ старичокъ
Тѣмъ больше веселиться,
Чѣмъ ближе видитъ рокъ.

ЛОМОНОСОВА

ОТВѢТЪ.

Опъ зеркала сюда взгляни, Анакреонъ!
И слушай, что ворчитъ, нахмурившись Катонъ.
Какую вижу я сѣдую обезьяну?
Не злость ли адская такой оставя шумъ,
Опъ ревности на смѣхъ склонить мой хочетъ умъ?
Однако я за Римъ, за вольность твердо стану,
Мечтаніями я такими не смущусь,
И симъ опъ Кесаря кинжаломъ свобожусь.
Анакреонтъ! ты былъ роскошенъ, веселъ, сладокъ;
Катонъ старался ввесть въ республику порядокъ.
Ты вѣкъ въ забавахъ жилъ, и взялъ свое съ собой;
Его угрюмствомъ въ Римъ не возвращенъ покой.

Ты жизнь употреблялъ, какъ временну утѣху;
Онъ жизнь пренебрегалъ къ республики успѣху.
Зерномъ твой опнялъ духъ пріятной виноградъ;
Ножемъ онъ самъ себѣ былъ смертный супостатъ.
Беззлобна роскошь въ томъ была тебѣ причина;
Упрямка славная была ему судьбина.
Несходства чудны вдругъ и сходства понялъ я.
Умнѣе кто изъ васъ, другой будь въ томъ судья.

АНАКРЕОНТЪ.

ОДА XXVIII.

Мастеръ въ живописствѣ первой,
Первой въ Родской сторонѣ,
Мастеръ наученъ Минервой,
Напиши любезну мнѣ.
Напиши ей кудри чорны,
Безъ искусныхъ рукъ уборны
Съ благовоніемъ духовъ,
Буде способъ есть таковъ.

Дай изъ розъ въ лицѣ ей крови,
И какъ снѣгъ представь бѣлу;
Проведи дугами брови
По высокому челу;
Не сведи одну съ другою,

Не разставь ихъ межъ собою,
Сдѣлай хитростью своей,
Какъ у дѣвушки моей.

Цвѣтъ въ очахъ ея небесной,
Какъ Минервинъ покажи,
И Венеринъ взоръ прелестной
Съ тихимъ пламенемъ вложи;
Чтобъ уста безъ словъ вѣщали,
И пріятствомъ привлекали,
И чтобъ ихъ безгласна рѣчь,
Показалась медомъ течь.

Всѣхъ пріятностей зашѣи
Въ подбородокъ умѣсти,
И кругомъ прекрасной шеи
Дай лилеямъ разцвѣсти,
Въ коихъ нѣжности дыхаютъ,
Въ коихъ прелести играютъ,
И по множеству отрадъ
Водятъ усумнѣнной взглядъ.

Надѣвай же платье ало,
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтобъ ея увидѣвъ мало,
И о прочемъ разсудить.
Коль изображенье мочно!

Вижу здѣсь тебя заочно,
Вижу здѣсь тебя мой свѣтъ.
Молвижъ дорогой портретъ!

ЛОМОНОСОВА

ОТВѢТЪ.

Ты счáстливъ сею красотою
И мастеромъ, Анакреонъ!
Но счастливѣй ты собою
Чрезъ пріятной лиры звонъ.
Тебѣ я нынѣ подражаю,
И живописца избираю,
Дабы попщился написать
Мою возлюбленную мать.

О масперъ въ живописствѣ первой!
Ты первой въ нашей сторонѣ,
Достоинъ быть рожденъ Минервой,
Изобрази Россію мнѣ!
Изобрази ей возрастъ зрѣлой,
И видъ въ довольствіи веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу?

Попщись представить члены здравы,
Какъ должны у богини быть,
По плечамъ волосы кудрявы

Признакомъ бодрости завить.
Огонь вложи въ небесны очи
Горящихъ звѣздъ въ срединѣ ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажетъ послѣ шучъ покой.

Возвысь сосцы млекомъ обильны,
И чтобъ созрѣвша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
Въ бесѣдѣ важность обѣщали,
И такъ бы слухъ нашъ ободряли,
Какъ чистой голосъ лебедей,
Коль можно, хитростью твоей.

Одѣнь, одѣнь ее въ порфиру,
Дай скипетръ, возложи вѣнецъ,
Какъ должно ей законы міру,
И распрямъ предписать конецъ.
О коль изображенье сходно!
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви мать!
И повели войнамъ престать.

ПОХВАЛЬНЫЯ НАДПИСИ.

НАДПИСЬ I.

Къ статуѣ ПЕТРА Великаго.

Се образъ изваянъ премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ, и царствуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденны къ скипетру просперъ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
Когда онъ строилъ градъ, сносилъ пруды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ, и странствовалъ въ моряхъ.
Художниковъ сбиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ сопостатовъ;
И словомъ, се есть ПЕТРЪ отечества отецъ.
Земное божество Россія почитаетъ,
И сколько алтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
Коль много есть ему обязанныхъ сердецъ.

TAYLOR IN
ОХРСКО

НАДПИСЬ II.

Къ тойже.

ЕЛИСАВЕТА здѣсь воздвигла зракъ Петровъ
Къ ушѣхѣ Россовъ всѣхъ: но кто онъ былъ таковъ;
Гласитъ сей градъ и флотъ, художества и войски,
Гражданскіе труды и подвиги геройски.

НАДПИСЬ III.

Къ тойже.

Металлъ, что пламенемъ на брани устрашаетъ,
Въ Петровомъ градѣ се Россіянъ ушѣшаетъ,
Изобразивъ въ себѣ лица его черты!
Но естьлибы его душевны красоты
Изобразить могло притомъ раченье наше,
То былъ бы образъ сей всего на свѣтѣ краше.

НАДПИСЬ IV.

Къ тойже.

Ваяннымъ образамъ, что въ древни времена
Героямъ ставили за славные походы,
Невѣжествомъ вѣковъ честь божеска дана,
И чтили жертвой ихъ послѣдовавши роды,
Что вѣра правая творитъ всегда грѣшитъ.
Но вамъ простительно, о поздніе потомки,
Когда услышавъ вы дѣла Петровы громки,
Поставите алтарь предъ сей геройскій видъ:
Мы васъ давно своимъ примѣромъ оправдали:
Чудясь дѣламъ его превышшимъ смертныхъ силъ,
Не вѣрили, что онъ единъ отъ смертныхъ былъ,
Но въ жизнь его уже за Бога почитали.

НАДПИСЬ V.

Къ тойже.

Гремящія по всѣмъ концамъ земнымъ побѣды
И Россовъ чрезъ весь свѣтъ торжествовавшихъ слѣды,
Собраніе наукъ, исправленны суды,
Премѣнное въ рѣкахъ теченіе воды,
Покрытый флотомъ понтъ, среди волнъ грады новы
И прочія дѣла увидѣвъ смертъ Петровы,

Рекла: сей человѣкъ предѣлъ мой нарушилъ,
И долѣ въ мірѣ семъ Маѳусаила жилъ.
Такъ лѣша по дѣламъ щипая, возгласила,
И въ гробъ великаго сего героя скрыла.
Но образомъ его красуется сей градъ.
Взирая на него Персъ, Турокъ, Готѳъ, Сармашъ,
Величеству лица геройскаго чудится,
И мертваго въ мѣди безчувственной страшится.

НАДПИСЬ VI.

Которая изображена на великолѣпной серебреной ракѣ святому, благовѣрному и великому Князю Александру Невскому построенной Высочайшимъ повелѣніемъ Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ Троицкомъ Александроневскомъ Монастырѣ.

Святый и храбрый Князь здѣсь тѣломъ
почиваешь,
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираешь,
И на брега, гдѣ онъ прошивныхъ побѣждалъ,
И гдѣ невидимо ПЕТРУ споспѣшествовалъ.
Являя дщерь его усердіе святое,
Сему защитнику воздвигла раку въ честь
Отъ перваго сребра, что нѣдро ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть.

НАДПИСЬ VII.

На прибытіе Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ изъ Москвы въ Санкшпетербургъ 1749 года.

Поднявшись солнце въ верьхъ, возводитъ взоръ по свѣту,
Спѣшащу зритъ во градъ Петровъ ЕЛИСАВЕТУ,
Дивится, что зима покорна ей и снѣгъ,
И что по оному толь быстрой видитъ бѣгъ;
На коней пламенныхъ зардѣвшись негодуетъ,
И огненнымъ бичемъ за лѣность наказуетъ.
О солнце, не стыдись: краснѣйшая луны
Богиня къ намъ грядетъ Россійскія страны:
Мы блеску твоего не столько ожидаемъ,
Какъ видѣть свѣтлое лице ея желаемъ.

НАДПИСЬ VIII.

На спускъ корабля, именуемаго свяшый Александръ Невскій 1749 года.

Гора, что горизонтъ на сушѣ закрывала,
Внезапно съ берегу на быстрину сбѣжала,
Между палатъ стоитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ;
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ тѣхъ чудесъ.
Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чутъ сидѣли,
Когдабъ великаго ПЕТРА мы не имѣли.

НАДПИСЬ IX.

Къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ на маскарады 1751 года.

Природа какъ тебя на свѣтъ производила,
На то истощена была ея вся сила,
Дабы ни одного шаланпа не отнять.
Великъ былъ твой отецъ, была прекрасна мать;
Герой тебя родилъ, носила героиня;
Какой быть долженъ плодъ? не инной какъ богиня.
Но сколько смертныхъ ты превыше почтена,
Ты столько сердцемъ къ нимъ и щедра и склонна;
И въ тѣ часы, когда лице свое скрываешь,
Къ народу своему щедротою сіяешь.

НАДПИСЬ X.

На тѣ же.

Увидѣвъ множество одеждъ и лицъ отмѣнныхъ,
Я въ мысляхъ нынѣ зрю восторгомъ восхищенныхъ,
Монархиня, концы державы твоея,
И въ оныхъ нахожу ушѣхи видъ сея.

Отъ тихихъ вспочныхъ водъ до береговъ Балтійскихъ
Отъ непроходныхъ льдовъ до теплыхъ странъ Каспійскихъ
Въ одеждахъ много коль и въ лицахъ перемѣнъ!
Сугубымъ нынѣ я видѣньемъ удивленъ!
Я слышу тамъ, какъ здѣсь, пріятную музыку:
Тамъ отъ усерднаго народовъ разныхъ клику
Чрезъ горы, чрезъ поля согласный шумъ течетъ,
Что ты едина всѣмъ покровъ, отрада, свѣтъ.

НАДПИСЬ XI.

На иллуминацію представленную предъ лѣтнимъ домомъ Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ торжественный день Тезоименитства Ея 1747 года, гдѣ изображена была Минерва въ храмѣ значащая премудрость Ея Величества, по сторонамъ символическія изображенія мира и войны и прочая.

Ты миромъ и войной въ подсолнечной сіяешь,
И тѣмъ людей своихъ веселье умножаешь,
Тебѣ съ усердіемъ Минервѣ мы своей
Приносимъ радостныхъ сіяніе огней.
Но естьлибъ съ нашею любовью то сравнилось,
То солнцебъ передъ нимъ въ полудни устыдилось.

НАДПИСЬ XII.

На иллуминацію представленную въ торжественный день возшествія на Всероссійскій престолъ Ея Величества 1747 года предъ зимнимъ домомъ, на которой изображена была кристальная гора, а на ней Императорскій престолъ съ около стоящими Императорскими на столпахъ признаками, а надъ тропомъ вензловое имя Ея Величества.

Какъ вѣчная гора стоитъ блаженство наше,
Крѣпчае мрамора, рубина много краше.
И твой, Монархиня, престолъ благословенъ,
На нашей вѣрности недвижно утвержденъ.
Пусть мнимая другихъ свобода угнѣтаетъ,
Насъ рабство подъ твоей державой возвышаетъ.

НАДПИСЬ XIII.

На иллуминацію представленную въ торжественный день коронованія Ея Величества 1748 года предъ зимнимъ домомъ, гдѣ представленъ былъ въ храмѣ алтарь изъ сердецъ сложенный, на верьху Императорскій вѣнецъ, по сторонамъ галлереи къ восходящему и заходящему солнцу.

Во храмѣ ревности на алтарѣ сердецъ
Къ подавшему тебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ
Отъ подданныхъ твоихъ чистѣйшій огнь пылаетъ,

Да щастіемъ твоимъ Россію увѣнчаетъ,
Да солнце восходя и заходя, дивится,
Что всюду красота твоихъ тріумфовъ зрится.

НАДПИСЬ XIV.

На иллуминацію представленную въ торжественный день тезоименитства Ея Величества 1748 года Сентября 5 дня предъ лѣтнимъ домомъ, на которой изображенъ былъ фонтанъ, а по сторонамъ храмы мира и войны.

Богиня красотой, породой ты Богиня,
Повсюду громкими дѣлами Героиня,
Ты матъ щедротами, ты именемъ покой:
Смущенный бранью міръ миритъ господь тобой.
Россійска тишина предѣлы превосходитъ,
И льетъ избытокъ свой въ окрестныя страны:
Воюетъ воинство твое противъ войны,
Оружіе твое Европѣ миръ приводитъ.

НАДПИСЬ XV.

На иллуминацію представленную Ея Императорскому Величеству отъ ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Ораніенбаумѣ 1750 года Іюля 31 дня, гдѣ изображены были два соединенныя сердца, пылающія на алтарѣ къ сіяющему надъ ними солнцу, по сторонамъ молодой мѣсяцъ и восходящая денница.

Какъ солнце съ высоты, Богиня, къ намъ сіяешь,
И въ нашихъ жаръ сердцахъ усерднѣйшій раждаешь.
Мы оба чувствуя любовь твою къ себѣ,
Приносимъ ревности взаимно жаръ тебѣ.
Монархиня, ты всѣмъ единъ источникъ свѣта,
Россійскій горизонтъ тобою освѣщенъ,
Тобою нашъ восходъ на ономъ озаренъ.
Мы свѣтъ заимствуемъ, даетъ ЕЛИСАВЕТА.

НАДПИСЬ XVI.

На иллуминацію представленную въ торжественный день возшествія на престолъ Ея Величества Ноября 25 дня 1750 года предъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображенъ былъ Вавилонъ окруженный зеленѣющимъ садомъ, по сторонамъ торжественные столпы.

Во время твоея, Монархиня, державы
Сугубой щастливы мы лѣта красотой.
Одну даешъ намъ Богъ, округъ вѣковъ создавый,
Другую дарствуешъ приходъ, Богиня, твой.

Изъ Вавилона бѣдъ изведены тобою,
Вошли спокойствія въ прекрасные сады,
И славя нынѣ столпы съ твоею похвалою,
Вкушаемъ радости пріятные плоды.

НАДПИСЬ XVII.

На иллуминацію представленную въ торжественный день рожденія Ея Величества Декабря 18 дня 1750 года предъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображена была сіяющая звѣзда надъ алтаремъ, на которомъ пылаетъ сердце, по сторонамъ храмы.

Щастливая звѣзда на горизонтѣ блистала,
Когда ЕЛИСАВЕТЪ Россіи возсіяла.
Монархиня, твой къ намъ сверкнулъ пресвѣтлый лучъ,
Возжегъ и освѣтилъ всѣхъ сердце послѣ тучъ.
Единымъ сердцемъ всѣ равно къ тебѣ пылаемъ,
И тое на алтарь усердій возлагаемъ.
Изъ храмовъ ревности желанія гласятъ,
Да Вышній дастъ сей день торжествовать стократъ.

НАДПИСЬ XVIII.

На иллуминацію въ новый 1751 годъ представленную предъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображенъ былъ земный глобусъ, на которомъ стояло вензловое имя Ея Величества и число новаго года; по сторонамъ отверзтые храмы и алтари съ возженнымъ на нихъ пламенемъ.

Отверзты храмы всѣ и алтари дымятся,
Желанья всѣхъ къ тебѣ, Монархиня, стремятся,
И ревность подданныхъ со временемъ растетъ,
И оныхъ щастіе съ числомъ восходитъ лѣтъ,
Полсвѣта, что твоя десница управляетъ,
Согласный шумъ до звѣздъ усердно возвышаетъ,
Да Вышній новый годъ съ тобой благословитъ,
И слухъ твой и другу полсвѣта удивитъ.

НАДПИСЬ XIX.

На иллуминацію представленную въ торжественный день коронованія Ея Величества Апрѣля 25 числа 1751 года предъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображена въ амфитеатрѣ окруженная сіяніемъ Императорская корона и скиптръ на украшенномъ постаментѣ съ вензловымъ именемъ Ея Величества, по обѣимъ сторонамъ два портала далече простирающихся аллей, при которыхъ поставлены грудныя изображенія четырехъ частей свѣта.

Лучи отъ твоего, Монархиня, вѣнца
Въ четыре разлились вселенныя конца,
Европа, Африка, Америка, Асія
Чудятся ясности, отъ коея Россія

Сіяешъ чрезъ концы земны просвѣщена.
О ты блаженная въ подсолнечной страна!
Взведи свой умный взоръ къ божественному свѣту,
Дабы вѣнчанную въ сей день ЕЛИСАВЕТУ
На много лѣтъ своимъ блистаньемъ окружилъ,
И съ нами сѣверъ весь спокойствомъ озарилъ.

НАДПИСЬ XX.

На иллуминацію представленную въ день тезоименитства Ея Величества Сентября 5 дня 1751 года.

Повсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣшетъ,
Лежитъ оружіе, и съ кровью слезъ не льетъ;
И земледѣлецъ плугъ выноситъ безопасно:
Спокойство съ именемъ твоимъ вездѣ согласно.
По правдѣ, Божій миръ, Монархиня, слывешь,
Когда ты тишину Европѣ всей даешь.
Съ почтеніемъ она главу свою склоняетъ,
И славы храмъ тебѣ безсмертный возвышаетъ.
Напрасно люта война шумѣть спѣшитъ,
Гдѣ имя кротких Богини въ свѣтъ гремитъ.

НАДПИСЬ XXI.

На иллуминацію предсшавленную въ день Коронованія Ея Величесшва Апрѣля 25 дня 1752 года, на коморой изображенъ былъ зодіякъ съ вешними зодіями и съ шекущимъ посредѣ его солнцемъ, внизу межъ обелискомъ алшарь съ пламенемъ.

Монархиня, нося порфиру десяшь лѣшъ,
Гремящей славой шы наполнила весь свѣшъ.
Геройской былъ возходъ, и слѣдсшвіе побѣды:
Тобой побѣждены и спасены сосѣды:
Тобою ускоренъ во всей Европѣ миръ:
Тобою дышешъ въ ней спокойсшвія Зефиръ.
Во успокоенномъ шы свѣшѣ нынѣ сіяешь,
И славу дѣлъ своихъ съ числомъ лѣшъ умножаешь.
Державсшва швоего свѣшящій зодіякъ
По вся дни кажешъ намъ благополучный знакъ.
И нынѣ празднуя, какъ шы вѣнчанна Богомъ,
Вѣнчанну зримъ шебя покойсшвія залогомъ.
Намъ радуга швое пріяшіе вѣнца,
Поспавлена весной въ созвѣздіе шельца,
Довольсшво и покой и радосшь изъявляешъ,
И здравіе шебѣ и крѣпосшь обѣщаешъ.
Ликуя, веселясь мы празднесшвомъ швоимъ,
Усердно всѣ въ шебѣ усердно сердце чшимъ.

НАДПИСЬ XXII.

На иллуминацію представленную въ тезоименитство Ея Величества Сеншября 5 дня 1752 года, гдѣ изображена была пристань съ Колоссомъ на подобіе Родскаго.

Желая нѣкогда преславный островъ Родъ
Пловущихъ по морю спасать отъ непогодъ,
Себѣ хвалу снискать, другимъ давать отраду,
Поставилъ на брегу пречудную громаду;
Великій Исполинъ седмидесять лакшей
Свѣтильникъ чрезъ всю ночь держалъ поверьхъ зыбей,
Далече блескъ пускалъ чрезъ море неустройно,
И корабли вводилъ въ пристанище спокойно.
Ты именемъ и всемъ, Монархиня, покой,
Твой слухъ, какъ Исполинъ, касаясь звѣздъ главой,
Лучемъ доброты твоихъ вселенну освѣщаетъ,
И именемъ востокъ и западъ наполняетъ.
Спасайтесь здѣсь отъ бурь, у насъ ЕЛИСАВЕТЪ
Отраду въ тишинѣ съ довольствомъ подаетъ.

НАДПИСЬ XXIII.

На иллуминацію представленную въ день возшествія Ея Величества на Всероссійскій престоль Ноября 25 дня 1752 года, гдѣ изображено было восходящее солнце и вазы съ чувствительными травами.

Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ,
Скрываются поля, лѣса, брега и понтъ,
Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимаютъ,
Отъ хладу кроются и солнца ожидаютъ.
Но только лишь оно въ луга свой лучъ прольетъ,
Открывшись въ щеплотѣ, сіяетъ каждой цвѣтъ,
Богатство красоты предъ онымъ отверзаетъ,
И свой пріятной духъ, какъ жертву, проливаетъ,
Подобенъ солнцу твой, Монархиня, возходъ,
Который освѣтилъ во тьмѣ Россійской родъ.
Усердны предъ тобой сердца мы отверзаемъ
И жертву вѣрности тебѣ всѣ изливаемъ.

НАДПИСЬ XXIV.

На иллуминацію представленную въ Москвѣ на новый 1753 годъ, гдѣ изображенъ былъ орелъ прилетающій отъ Санктпетербурга къ Москвѣ и на Востокъ и Западъ взирающій.

Въ любезной тишинѣ наставшій новый годъ
И твой, Монархиня, всерадостный приходъ
Сугубой радостью сей городъ оживляетъ,
Сугубо щастіе Россіи обѣщаетъ.

Военной укротивъ во всей Европѣ шумъ,
Къ однимъ вперяешь намъ божественный твой ум.
Подобіемъ орла на высоту возходишь,
Повсюду отъ среды свой быстрой взоръ возводишь,
На сѣверъ и на югъ, на западъ и востокъ,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Двина, гдѣ чистый Невскій ток
Между Петровыхъ стѣнъ ликуя протекаетъ,
Въ отсутствіи тебя, Богиня, ощущаетъ.
Россія вся твоей щедротой такова,
Какъ нынѣ зря тебя, красуется Москва,
Гласитъ: о Боже дай, чтобы ЕЛИСАВЕТА
Съ усердьемъ нашимъ къ ней свои сравнила лѣта!

НАДПИСЬ XXV.

На иллуминацію представленную въ Москвѣ на день Коронованія Ея Величества Апрѣля 25 дня 1753 года, гдѣ изображено было вѣнчанное вензловое имя Ея Величества на торжественной колесницѣ, въ тріумфальныя ворота въѣзжающей.

Побѣдѣ слѣдуетъ весело торжество,
Герой пріемлетъ честь и жертву божество.
Звучатъ въ полкахъ трубы, на плѣнникахъ оковы,
Въ противничей крови несутъ щиты багровы.

Побѣда твой восходъ, тріумфъ твой праз-
дникъ сей,
Монархиня, мы что явимъ къ хвалѣ твоей?
Не городъ ты одинъ, ниже едино войско
Въ свою пріяла власть чрезъ мужество геройско;
Но царство многихъ царствъ, порфиру и вѣнецъ
И многи тьмы къ тебѣ пылающихъ сердецъ.
Не кровію земля кипящей обагрилась;
Но радости въ струяхъ Россія насладилась.
Не ярый насъ страшилъ пожаръ горящихъ стѣнъ,
Но ревностью пылалъ народъ къ тебѣ возженъ.
Не тяжкія на насъ въ плѣну звучали узы;
Но съ плескомъ ставили мы вѣрности союзы.
Когда толь радостно тобой плѣненнымъ быть,
Коль громка похвала побѣду получить!
Богиня, торжествуй тѣмъ болѣе 1) надъ нами,
Чѣмъ выше смертныхъ ты безсмертными дѣ-
лами.
Торжественны врата, трофеи, колесница:
Въ насъ вѣрныя сердца и радостныя лица.

---

1) Долѣе.

НАДПИСЬ XXVI.

На день шезоименитства Ея Величества 1753 года, гдѣ Россійскій покой уподобляется прекрасному селенію съ великолѣпными зданіями.

Хотя щастливыя военныя дѣла
Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала;
Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе ко всѣмъ сіяетъ ихъ порфира.
Велико дѣло въ томъ, чтобъ часто побѣждать;
Но болѣе того всегдашней миръ держать.
Въ побѣдахъ надлежитъ полкамъ большая доля,
Въ побѣдахъ щастію почти дана вся воля,
Спокойной миръ хранитъ одна премудра власть,
Не можетъ войску быть, ни щастію въ томъ часть.
Производитъ плоды природно только лѣту,
И кроткій миръ единъ даетъ богатство свѣту.
То правда, надлежитъ и зиму тѣмъ хвалить,
Что можетъ суровство повѣтрій отвратить,
И вредны умертвитъ въ лѣсахъ и нивахъ гады:
Подобныя даетъ щастлива брань отрады.
Но какъ между стихій съ зимой минетъ война,
И намъ является прекрасная весна;
Отъ ней неистовы бореи убѣгаютъ:
Отъ ней пріятные зефиры вылетаютъ,
Дыхая по землѣ, дыхая по водамъ,
Велятъ всходить цвѣтамъ, велятъ упасть волнамъ.

Ведутъ суда въ моря и земледѣльца въ нивы,
Готовятъ сладкой плодъ и въ пристань пустъ щастливый;
Льютъ радость въ понтъ, въ луга, и въ воздухъ, и въ ефиръ,
Толь щастливы мѣста, гдѣ домъ имѣетъ миръ!
Но гдѣ прекраснѣе селеніе покою,
Какъ то, Монархиня, что далъ намъ Богъ тобою?
Поставлена чужимъ тобою тишина:
То коль спокойна быть должна твоя страна!
Подобенъ крѣпости великихъ пирамидъ,
Среди щастливыхъ мѣстъ недвижимо стоитъ,
Возлегши на него блаженная Россія,
Подъ скипетромъ твоимъ считаетъ дни златыя.
Въ довольствѣ спѣетъ трудъ, довольствіе въ трудѣ,
Взаимно другу другъ способствуя вездѣ:
Какъ вьется виноградъ на илимѣ высокомъ,
Держася, и его питая сладкимъ сокомъ:
Толикимъ множествомъ божественныхъ даровъ
Довольствуемся мы, имѣя всѣмъ покровъ
Въ тебѣ Монархинѣ отъ Бога просвѣщенной,
Къ нему и къ отчеству любовію возженной.
Въ сей праздникъ веселясь веселіемъ твоимъ,
Съ торжественнымъ огнемъ мы къ Вышнему горимъ.
Да продолжитъ тобой дни мирны и прекрасны,
Со кротостью твоей и съ именемъ согласны.

НАДПИСЬ XXVII.

На день возшествія на престолъ Ея Величества 1753 года, гдѣ Ея Величество уподобляется Минервѣ молніею поражающей дракона многоглавнаго.

О древность славная пречудными дѣлами,
Что Пиндаръ до небесъ трубящими устами
Чрезъ множество вѣковъ въ концы земны гремитъ,
Геройскихъ подвиговъ изображая видъ!
И вы великаго амфитеатры града,
Народа по войнахъ Лашинскаго отрада,
Въ сей день скончайте вашъ донынѣ слышный плескъ,
Яснѣе возсіялъ ЕЛИСАВЕТИНЪ блескъ.
Не зубы сперъ боецъ предъ Римлянами львицѣ,
Ниже кто облетѣлъ всѣхъ прочихъ въ колесницѣ;
Но мужествомъ прешла мужей ЕЛИСАВЕТЪ,
И подвига ея смотритель цѣлой свѣтъ!
Седьмь главъ сіяли въ шѣлѣ вдругъ единомъ,
Гдѣ зависть въ жалѣ ядъ носящая змѣиномъ,
И злобы мерзскія свирѣпый крокодилъ,
И вепрь неистовства неодолимыхъ силъ,
Съ языкомъ лисіимъ пронырливое льщенье,
Звѣрь волчія алчбы, тигръ ярый похищенье,
И львины челюсти рыкающей войны
Въ одномъ чудовищѣ на дерзость рождены.
Взирая на сего ЕЛИСАВЕТЪ дракона

Лежащаго кругóмъ отеческаго трона,
Рекла: что сей мнѣ врагъ препятствуетъ возходъ,
Котораго давно желаетъ мой народъ.
Не мой ли сей вѣнецъ? не я ли дщерь ПЕТРОВА?
И Россы моего всѣ требуютъ покрова:
Ничто не можетъ мнѣ ко славѣ путь пресѣчь.
Сію геройскую окончавая рѣчь,
Сіяніемъ въ округъ небеснымъ просвѣтилась,
И выше смертныя величествомъ явилась:
Минервы чудный въ ней изображался видъ,
ПЕТРОВЪ духъ былъ ей шлемъ, любовь Россіянъ щитъ.
Безъ грому молнія изъ ясности блистая,
Въ драконовы главы и въ сердце ударяя,
Смутила горду кровь, пронзила грозный взоръ:
Сраженъ, прогнанъ, убѣгъ Рифейскихъ далѣ горъ.
Угасла молнія, однѣ лучи сіяли:
Вселенныя концы руками возплескали.
Тогда красуясь Россъ, главу свою вознесъ:
Петрополь мнилъ себя превыше быть небесъ.
Мы нынѣ празднуя той часъ благословенный,
Огнями кажемъ огнь во всѣхъ сердцахъ возженный.
О естьлибъ съ внутреннимъ огнь внѣшній равенъ былъ!
Онъ выше бы возшелъ въ ночь блещущихъ свѣтилъ.
Монархиня, тобой любовь есть въ насъ рожденна:
Какаяжъ въ свѣтѣ вещь съ ней можетъ быть сравненна?

НАДПИСЬ XXVIII.

На день рожденія Ея Величества, гдѣ оное возходящей зарѣ уподобляется во время отъ торжественнаго въѣзду Петра Великаго отъ Полтавы.

О вы, которы все по разсужденью злому
Обыкли случаю приписывать слѣпому,
Увѣрьтесь нынѣшнимъ превожделѣннымъ днемъ,
Что промыслъ Вышняго господствуетъ во всемъ.
Когда готовилъ онъ блаженство нашихъ лѣтъ,
Отъ чреслъ Петровыхъ намъ послалъ ЕЛИСАВЕТЪ,
И знаки предъявилъ, которы отъ Полтавы
Тогда наполнили весь свѣтъ Петровой славы.
Съ рожденіемъ Ея торжественный былъ въѣздъ.
Тогда взнесла свой гласъ и духъ Москва до звѣздъ.
Младенца въ пеленахъ трофеи окружали,
И воплю первому войскъ плески отвѣщали.
Подвиглись радостью земля, моря, еѳиръ.
Петръ шествовалъ во градъ, ЕЛИСАВЕТА въ міръ;
Низвергнулъ Петръ враговъ; Она въ Петровы слѣды
Ко одержанію подобныя побѣды.
Коль явственно тогда самъ промыслъ предъявилъ
Что послѣ къ радости всеобщей совершилъ!
Родясь; какъ ясная заря намъ возсіяла,
И царства своего день свѣтлый предвѣщала.
Монархиня, мы тѣмъ освѣщены всегда
Избавились во тьмѣ сокрытаго вреда;

И радостнымъ въ ночи огнемъ Тебѣ являемъ,
Что ночи мы въ сердцахъ и темноты не знаемъ.

НАДПИСЬ XXIX.

На новый 1754 годъ, гдѣ время уподобляется великому зданію.

Взирая вѣчности на зданіе обширно,
На множество вѣковъ, на жилiе всемірно,
Мы видимъ разность дѣлъ со разностію лѣтъ.
Тамъ брань горитъ, тамъ миръ возлюбленный цвѣтетъ;
Тамъ вѣки ясностью ученій просвѣщенны;
То въ мракѣ варварства глубоко погруженны;
Терзаетъ смертныхъ тамъ гоненіе и глад;
Тамъ всѣ довольствія безчисленныхъ отрадъ.
Сіи неравности прилѣжно разсуждая,
Зримъ ясно, отъ чего премѣна таковая.
Монарховъ милости, премудрость, бодрый духъ
О щастьѣ многихъ странъ простерли вѣчный слухъ.
Благополучны ихъ державы были лѣта;
Но лучше нынѣ намъ даетъ ЕЛИСАВЕТА.
Подобясь время Ей въ божественныхъ дѣлахъ,
Являетъ образъ намъ во всѣхъ своихъ частяхъ.

Весна красясь всегда пріятными цвѣтами,
Равнится съ льющими отраду всѣмъ устами;
И лѣто съ осенью обильные плоды
Намъ сыплетъ, какъ она съ избышкомъ за труды.
Зима въ спокойствіи довольствомъ услаждаетъ,
Какъ миромъ всѣмъ Она богатымъ украшаетъ;
И тщится ускорить щедрой всходъ наукъ,
И хитрость разную художественныхъ рукъ.
Россія, ликовствуй, изчисли лѣта новы:
Щастливы щастіемъ Наслѣдницы Петровы.
Проси, какъ просишь ты, отъ Вышняго проси,
И громкій къ небу гласъ и сердце вознеси,
Да здравіемъ Ея всегда пребудемъ здравы,
И громкихъ дѣлъ Ея да насладимся славы!

НАДПИСЬ XXX.

На день коронованія Ея Величества 1754 года, гдѣ добродѣтели Ея прекрасной и великой горѣ уподобляются.

Кто знатныя дѣла въ натурѣ разсуждаетъ,
Петровой Дщери въ нихъ примѣры обрѣтаетъ.
Посмотримъ въ понтъ, въ поля, во весь посмотримъ свѣтъ;
Что славно найдемъ въ нихъ, въ чемъ къ Ней примѣра нѣтъ?

*

Коль всѣхъ красотъ число въ натурѣ есть пространно,
Толь множество добротъ въ Ней видимъ несказанно.
Не льзя представить всѣхъ предъ мысленный нашъ взоръ:
И такъ представимъ съ Ней едину славу горъ.
Онѣ за облака, онѣ къ звѣздамъ восходятъ;
Онѣ намъ щитъ, когда войну враги наводятъ;
Пловущимъ въ глубинѣ онѣ являютъ ходъ;
Изъ нихъ шумятъ ключи и токи многихъ водъ;
Поятъ лице земли, плодомъ обогащаютъ,
Пріятные сады и долы орошаютъ.
Не въ сихъ ли образъ всѣхъ ЕЛИСАВЕТЫ зримъ?
Она взошла къ звѣздамъ величествомъ своимъ:
Мы крѣпостью Ея отъ сопостатъ покрыты,
И бѣдствія въ волнахъ бѣжимъ къ ней для защиты:
Отъ Ней на подданныхъ течетъ щедротъ потокъ,
И разливается на западъ и востокъ.
Прекрасная гора отъ Бога утвержденна,
ЕЛИСАВЕТЪ вѣнцемъ и славой увязенна,
Среди Россійскаго рая недвижно стой,
Сіе гласитъ любовь и вѣрность предъ Тобой,
И удовольствіе съ надеждой несомнѣнной
Подъ тѣнію Твоей щедроты несравненной.
Покровъ Твой смѣжныя пребудутъ небеса:
Къ намъ снидетъ отъ Тебя всегда отрадъ роса.

Коль чудныя дѣла ЕЛИСАВЕТЪ являетъ!
Чрезъ прохлажденіе въ насъ пламень возбуждаетъ.

НАДПИСЬ XXXI.

На иллуминацію представленную въ день тезоименитства Ея Величества 1754 года, гдѣ изображенъ былъ храмъ Россійскаго благополучія, предъ которымъ на врашахъ обелискъ съ вензловымъ именемъ Ея Величества, при томъ сидящая въ радости Россія.

Россія вознося главу на высоту,
Взираетъ на своихъ предѣловъ красоту;
Чудится въ радости обильному покою,
Что въ оной утвержденъ, Монархиня, Тобою;
Считая многія довольства, говоритъ:
Коль сладкое меня блаженство веселитъ!
Противники къ моимъ предѣламъ не дерзаютъ,
И алчны мышари внутрь поргу не смущаютъ:
Сталъ тѣсенъ къ злобѣ путь коварникамъ въ судахъ:
Свобода съ тишиной и въ селахъ и въ градахъ:
Пристанищъ, крѣпостей и храмовъ всходятъ стѣны,
И знанія цвѣтутъ щедротою снабдѣнны.
Что я Монархинѣ своей могу воздать?
И въ славу имени Ея мнѣ что создать?
Какія радости въ сей день представлю виды?
Мнѣ тѣсны храмы всѣ и низки пирамиды.

Ахъ, естлибъ съ ревностью сравнилась крѣпость силъ,
Тобъ Кавказъ на хребтѣ Россійскомъ нынѣ былъ,
Поставилабъ Ей въ честь пречудны обелиски
Превыше облаковъ, къ предѣламъ звѣзднымъ близки!

НАДПИСЬ XXXII.

На день возшествія на престолъ Ея Величества 1754 года, гдѣ оное уподобляется великому свѣтильнику, возженному огнемъ небеснымъ и лучи свои простирающему на театръ, наполненный изображеніями дѣлъ Петра Великаго.

Отца отечества Великаго Петра
Положены труды для общаго добра:
Ужасные врагамъ полки вооруженны
И флотами моря велики покровенны:
Полезные вездѣ обряды и суды,
Художествъ и наукъ всходящіе плоды
Отъ сѣмени его отъяты колебались,
И темной зависти во мракѣ покрывались.
Но Богъ ихъ осіялъ неизреченнымъ чудомъ,
Не попустивъ стоять свѣтильнику подъ спудомъ.
ЕЛИСАВЕТИНЫ доброты какъ свѣщи
Открылъ, и день блеснулъ пресвѣтлый намъ въ нощи.

На тронъ возвышена, Монархиня, сіяешь,
И просвѣщеніе Петрово умножаешь,
И Вышній утвердилъ чрезъ ПАВЛА намъ завѣтъ,
Что племени подастъ неугасимый свѣтъ.

НАДПИСЬ XXXIII.

На рожденіе Государя Императора ПАВЛА I.

Подъ славнымъ скипетромъ твоимъ, ЕЛИСАВЕТА,
Къ блаженству Росскаго не доставало свѣта,
Въ потомкахъ одного наслѣдія Петру.
Сего всѣ подданны въ усерднѣйшемъ жару,
Сего единаго чрезъ девять лѣтъ желали,
И гласы къ Вышнему и очи возвышали.
„Когда ты чрезъ Петра и чрезъ Петрову Дщерь
„Благоволилъ отверзть къ довольствамъ нашимъ дверь,
„О Боже! призри къ намъ единаго лишеннымъ,
„И успокой нашъ духъ довольствомъ совершеннымъ:
„Великія труды Петровы помяни,
„Со славою его наслѣдіе сравни.„
Сей гласъ, Монархиня, съ Твоимъ соединенный
Достигнулъ къ Небесамъ, и Богъ имъ преклоненный

Возвеселилъ Петровъ благословенный домъ,
И съ нимъ Россію всю желаемымъ плодомъ.
Къ его же щедротѣ съ усердною мольбою
Зовемъ, да подъ твоей щастливою рукою
Младаго ПАВЛА вѣкъ до зрѣлости взрастишъ,
Тебя, родителей и насъ возвеселишъ;
Да племенемъ его какъ нынѣ мы сердечно,
Возрадуются всѣ потомки безконечно!

НАДПИСЬ XXXIV.

На маскарадъ 24 числа Октября 1754 года въ домѣ Дѣйствительнаго Камергера и Кавалера Ивана Ивановича Шувалова.

Европа что родишъ, что прочи части свѣта,
Что осень, что зима, весна и кротость лѣта,
Что воздухъ и земля, что море и лѣса;
Все было у тебя довольство и краса.
Вчера я видѣлъ все, и нынѣ вижу духомъ,
Музыку, громъ и трескъ еще внимаю слухомъ:
Я вижу скачущи различны красоты,
Которыхъ, Меценатъ, подвиглъ къ веселью ты.
Отраду общую своею умножаешь,
И радость внутреннюю со всѣми сообщаешь.
Красуемся среди обильныхъ Райскихъ рѣкъ.
Коль щастливъ, коль красенъ ЕЛИСАВЕТИНЪ вѣкъ!

НАДПИСЬ XXXV.

На рожденіе Государя Императора ПАВЛА I.

Мы радость отъ небесъ, щедроты, благодать
Пріемлемъ чрезъ Тебя, Россіянъ вѣрныхъ, Мать!
Въ принадцать лѣтъ Твоей Божественной державы
Мы наслаждались всѣ щедротъ, покоя, славы.
Но нынѣ промыслъ намъ сугубо доказалъ.
Что бодрствуешъ для насъ, какъ ПАВЛА намъ послалъ,
Что для твоихъ добротъ, Богиня, несравненныхъ
Довольство удвоишъ во дняхъ благословенныхъ.
О щастливой народъ! блаженная страна!
Которой такова Монархиня дана!

НАДПИСЬ XXXVI.

На иллуминацію и маскарадъ Графа Петра Ивановича Шувалова, Октября 26 дня 1754 года.

Россія нѣкогда чрезъ грозную судьбину
Поверженна свою близъ видѣла кончину!
Что Рурикъ съ скипетромъ Монаршескимъ пріялъ
Что Ольга, Святославъ, Владимиръ Россамъ далъ;
Что Ярославомъ мы и храбрымъ Мономахомъ
Достигли, какъ враги взирали къ намъ со страхомъ;

Потомъ что Александръ отъ бѣдъ Геройствомъ спасъ;
Что отъ враговъ покрылъ Димитрій въ страшный часъ;
И чѣмъ насъ вознесли два строги Іоанны,
Всѣ славы ихъ труды оплакала допранны;
Едва главу свою изъ пепла подняла,
И въ прадѣдѣ Твоемъ помощника нашла;
Монархиня, онъ стѣнъ развалины возставилъ,
Нестройство прекратилъ, и отъ враговъ избавилъ:
Твой Дѣдъ на вышшую степень Россію взвелъ,
И свѣту показалъ хвалу преславныхъ дѣлъ:
Великій Твой Отецъ широкими стопами
Всходя, возвысилъ насъ надъ прочими странами:
Но не дошедъ верьха по общей всѣхъ судьбѣ,
Весь трудъ свой совершить препоручилъ Тебѣ.
И бодрости твоей Всевышній споспѣшаетъ,
На верхню насъ степень тобою поставляетъ.
Что вѣчно въ насъ его пребудетъ благодать,
Младый въ томъ ПАВЕЛЪ данъ залогъ намъ и печать.
О предковъ красота, Петрова Дщерь и слава!
Пріятна мужествомъ Твоимъ его держава,
Чрезъ снизхожденіе Твое къ намъ возстаетъ;
И жертва искреннихъ желаній вопіетъ:
Да милости свои всевидящее око
Поставитъ надъ Тобой, какъ верьхъ небесъ высоко.

НАДПИСЬ XXXVII.

БОГУ
Всемогущему
и Его Угоднику
Благовѣрному и Великому Князю
АЛЕКСАНДРУ Невскому,
Россовъ усердному защитнику, презрѣвшему прещеніе мучителя, шварь боготворить повелѣвшаго,
укротившему варварство на востокѣ,
низложившему зависть на западѣ,
по земномъ княженіи
въ вѣчное царство
преселенному въ лѣто
1263,
усердіемъ ПЕТРА ВЕЛИКАГО на мѣсто
древнихъ и новыхъ побѣдъ пренесенному
17.. года,

Державнѣйшая
ЕЛИСАВЕТА
отеческаго ко святымъ почитанія
подражательница,
къ нему
благочестіемъ усердствуя,
сію
мужества
и
святости
его дѣлами
украшенную раку изъ
первообрѣтеннаго
при Ея
благословенной державѣ
сребра
сооружить благоволила
Въ лѣто 1752.

НАДПИСЬ XXXVIII.

На новый 1755 годъ, гдѣ владѣніе Ея Величества уподобляется пристани съ храмомъ упокоенія и съ входящими и изходящими кораблями.

По правдѣ вѣчность есть пространный Океанъ,
Что вихрямъ завсегда на колебанье данъ.
Въ ней лѣта корабли, что скоро пробѣгаютъ,
И въ дальности себя безвѣстной закрываютъ.
Кто рока злобнаго въ пучинѣ погруженъ,
Или волненіемъ боязней утомленъ,
Топъ черезъ стремнины и жерла бѣдъ глубоки
Не можетъ видѣть ихъ сквозь горькихъ слезъ потоки.
Но какъ пристанища чрезъ ихъ въ себя приходъ
Богатствомъ веселятъ и зрѣніемъ народъ;
Подобно кроткая и намъ ЕЛИСАВЕТА
Въ пристанищѣ щедротъ являетъ долги лѣта.
Сіи наполнены довольствомъ корабли
Мы видимъ, веселясь, со щастливой земли.
По многимъ радостямъ мы долгость лѣтъ считаемъ,
И милости Ея ихъ мѣрой признаваемъ.
Пусть мимо тѣ другихъ среди валовъ летятъ,
Отъ нашей тишины отъѣздомъ не спѣшатъ.
Въ прекрасномъ островѣ державы вожделѣнной
Препровождаемъ вѣкъ спокойной, несравненной.
Изшедшимъ насладясь обильнымъ кораблемъ,
Что насъ увеселилъ въ пристанищѣ Твоемъ,

И новаго дождавъ, Монархиня, прихода,
Прими желанія отъ вѣрнаго народа:
Дабы среди Твоихъ спокойныхъ царства водъ
Великъ былъ щастіемъ корабль сей новый годъ;
Да многіе потомъ довольствъ увидимъ полны,
Не вѣдая, что вихрь, не вѣдая, что волны.

НАДПИСЬ XXXIX.

На спускъ корабля именуемаго Іоаннъ Златоустый.

Сойди къ намъ, Златоустъ, оставивъ небеса:
Достойна твоего здѣсь зрѣнія краса.
Петрова Дщерь тебѣ корабль сей посвящаетъ,
И именемъ твоимъ все море наполняетъ.
Когда ты пойдешь въ путь на немъ между валовъ,
Греми пронзивъ Ея зависпливыхъ враговъ:
Златыми прежде ты гремѣлъ въ церквахъ устами,
Но пламенными впредь звучи въ водахъ словами.

НАДПИСЬ XL.

На конное литое изъ мѣди изображеніе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ Амазонскомъ уборѣ.

Увидѣвъ Аполлонъ въ мѣди изображенный
Богини Росскія великолѣпный видъ,

И бодростью того металлъ одушевленный,
Со тщаніемъ спѣшилъ къ нему съ Парнасскихъ горъ;
Промолвилъ восхищенъ къ строителю перуновъ:
Стоялъ бы и поднесь мой городъ и Нептуновъ,
Когда бы защищать Пріамовъ скипетръ и тронъ
Пришла подобна сей Царица Амазонъ;
И тщетна бъ вся была коварныхъ Грековъ сила,
ЕЛИСАВЕТАбъ ихъ въ одинъ часъ низложила.

НАДПИСЬ XLI.

На то же изображеніе.

Великаго Отца и Матери прекрасной
Подобную металлъ здѣсь Дщерь изобразивъ,
Геройской бодростью и кротким взоромъ живъ,
Вѣщаетъ, кажется, отъ вещи къ намъ безгласной
Надежду, мужество, щедроты, милость, миръ;
Пріятна какъ весна, летаетъ какъ зефиръ.
Свѣтлѣе злата мѣдь въ семъ образѣ сіяетъ,
Что толь великую Богиню представляетъ.

НАДПИСЬ XLII.

На отъѣздъ изъ Санктпетербурга въ Москву Ея Величества 1752 года Декабря дня.

Что воздухъ тихъ стоитъ по толь бурливыхъ дняхъ?
Простерся мягкій снѣгъ въ спокойствѣ на поляхъ?

ЕЛИСАВЕТА въ пушь прещедра поспѣшаетъ;
Монархиня, Твой взоръ къ Тебѣ все привлекаетъ.
Не шокмо на земли Твоя любезна власть,
Но небо шлетъ свою Тебѣ подъ ноги часть.

НАДПИСЬ XLIII.

На оказаніе Высочайшей милости Ея Величества въ Москвѣ 1753 года.

Монархиня, Твоя прещедрая рука
Обиліе намъ льетъ и радость, какъ рѣка,
Сильнѣе, нежели ключей Каспальскихъ шоки,
Стремленіе къ стихамъ и духъ даетъ высокій.
О радостной восторгъ! куда я полечу?
Но большее языкъ богатство словъ являетъ,
Когда умѣренно веселіе бываетъ:
Веселіе мое безмѣрно — я молчу.

НАДПИСЬ XLIV.

На новое строеніе Сарскаго Села.

Хотя по царствамъ Римъ поверженнымъ
ступалъ,
Однако седмь вѣковъ и больше возставалъ;
Скорѣе кроткой Ты, Монархиня, рукою
Россію безъ войны возводишь за собою;
И щедролюбіемъ возносишь насъ своимъ,
Не разрушая царствъ, въ Россіи строишь Римъ.

Примѣръ въ томъ Сарской домъ: кто видитъ, всякъ чудится,
Сказавъ, что скоро Римъ предъ нами постыдится.
Ни время, ни шруды, ни подданной весь свѣтъ
Тамъ такъ не успѣвалъ, какъ здѣсь ЕЛИСАВЕТЪ.

НАДПИСЬ XLV.

Къ ракѣ святаго Димитрія Митрополита Ростовскаго.

ВСЕМОГУЩІЙ и НЕПОСТИЖИМЫЙ
БОГЪ
Чудными изкони дѣлами, явилъ
святую свою великолѣпную славу
и во дни наши,
Въ благословенное государствованіе
Благочистивѣйшія, Самодержавнѣйшія,
Великія Государыни
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,
Самодержицы Всероссійскія,
новыми чудотвореніями въ Россіи просіявшаго,
здѣсь
почивающаго святаго Мужа,
Преосвященнаго
МИТРОПОЛИТА ДИМИТРІЯ
Ростовскаго и Ярославскаго,
Отдавшаго Божія Богови:
Вѣрою, кротостію, воздержаніемъ,
ученіемъ, трудолюбіемъ,

Кесарево Кесареви:
Ревностію и терпѣніемъ,
поборствуя
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ
проти ъ суемудраго раскола.
Въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ
родился сей житель небеснаго Іерусалима
Декабря 1651 года,
Ангельскій образъ принялъ 18 ти лѣтъ,
На святительскій Престолъ
возведенъ
Марта 23 дня 1701 года,
Пасъ церковь Божію
7 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 26 дней,
живъ 58 лѣтъ,
Въ вѣчной покой преселился 1709 года.
Написавъ жишія Святыхъ,
самъ въ ликѣ оныхъ вписанъ быть
удостоился
въ лѣто 1754 Апрѣля 9 дня.

О! вы, что Божество въ предѣлахъ чшите тѣсныхъ,
Подобіе его мня быть въ частяхъ тѣлесныхъ,
Вперите въ мысль, чему Святитель сей училъ,
Что нынѣ вамъ гласитъ отъ лика горнихъ силъ.
На милость Вышняго, на истинну склонитесь,
И къ матери своей вы церкви примиритесь.

НАДПИСЬ XLVI.

Напечатана въ уставѣ Воспитательнаго въ Москвѣ дома 1764 года.

Блаженство общества вседневно возрастаетъ,
Монархиня къ трудамъ трудъ присоединяетъ,
Стараясь о добрѣ великихъ имъ отрадъ,
О воспитаніи печется малыхъ чадъ,
Дабы, что въ отчествѣ оставлено презрѣнно,
Пріобрѣло ему сокровище безцѣнно;
И чтобъ изъ тяжкаго для общества числа
Воздвигнуть съ нравами похвальны ремесла.
Внемлите съ радостію полезному питомству;
Рачители добра грядущему потомству,
Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать:
Натура то гласитъ, повелѣваетъ вѣра.
Внемлите важности монаршаго примѣра:
ЕКАТЕРИНА васъ предводитъ къ чести сей:
Спѣшите щедростью, какъ вѣрностью за Ней.

НАДПИСЬ XLVII.

На Сарское сѣло, Августа 27 дня, 1764 года.

Луга, кустарники, пріятны высоты,
Примѣръ и образецъ Едемской красоты,
Достойно похвалить я нынѣ васъ желаю,
Но выше почему почтить, еще не знаю,

Не шѣмъ ли, что вездѣ пріятности въ садахъ
И нѣжны Зефиры роскошествуютъ въ цвѣтахъ?
Или что ради васъ художествъ славныхъ сила
Возможность всю свою и хитрость истощила?
Или что мещетъ съ васъ златая блескъ гора,
Откуда видимъ градъ Великаго ПЕТРА?
Гора, или то домъ богамъ земнымъ пристойной,
Къ отдохновенію величества спокойной?
Всѣхъ больше краситъ сей ЕКАТЕРИНА край:
При Ней здѣсь вѣкъ златой и разцвѣтаетъ рай:
Она всѣ красоты присутствомъ оживляетъ,
Какъ свѣтъ добротами и славой восхищаетъ.

НАДПИСЬ XLVIII.

На изобрѣтеніе роговой музыки.

Ловцовъ и пастуховъ межъ селами отрада,
Одни ловятъ звѣрей, другіе смотрятъ стада.
Охотникъ въ рогъ реветъ, пастухъ свиститъ въ свирѣль.
Тревожитъ оной Нимфъ; пріятна тиха трѣль.
Тамъ шумной песей ревъ; а здѣсь у тихой рѣчки
Молоденьки блеютъ по матери овечки.
Здѣсь нѣжность и покой, здѣсь царствуетъ любовь,
Охотнической шумъ, какъ Марсовъ, движетъ кровь.
Но нынѣ къ обоимъ, вы Нимфы, собирайтесь,
И равно обоей музыкой услаждайтесь:

TAYLOR INST. OXFORD

Что было грубости въ охотничьихъ трубахъ,
Нарышкинъ умягчилъ при нашихъ берегахъ:
Чего и дикія животны убѣгали,
Въ томъ слухи нѣжные пріятности сыскали.

НАДПИСЬ XLIX.

Се ЕЛИСАВЕТА
ПЕТРА ВЕЛИКАГО Великая Дщерь,
Благочестивая, Щедрая,
Мужественная, Великодушная,
Всемилостивѣйшая Самодержица,
Моя Избавительница,
Защитница, Просвѣтительница,
Слава моя,
Вознесшая главу мою,
Во гробъ низходитъ!
Рыдайте области,
Насладившіяся кроткою ея державою;
Въ слезы обратитесь
Великія мои моря и рѣки!
Всѣ вѣрныя мои чада
Къ Богу возопіите:
Упокой, Спасе, въ вѣрѣ къ тебѣ преставльшуюся, Царствія твоего сопричастницу сотвори; на тя бо упованіе возложи, Человѣколюбче.

Конецъ части первой.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОЧИНЕНІЯМЪ СОДЕРЖАЩИМСЯ ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ:

спран.

Жизнь сочинителя - - - - - I.

Предисловіе Сочинителево о пользѣ книгъ церковныхъ - - - - - XLIV.

Письмо его же о правилахъ Россійскаго стихотворства - - - LVII.

Оды духовныя или преложеніе псалмовъ 1.

Ода выбранная изъ Іова - - - 25.

—— содержащая утреннее размышленіе о величествѣ Божіемъ - - 30.

—— содержащая вечернее размышленіе 32.

Оды похвальныя - - - - - 37.

Ода на щастіе изъ сочиненій Г. Руссо перевода Г. Ломоносова - - 238.

Таже ода перевода Г. Сумарокова - 252.

Разговоры съ Анакреонтомъ - - 257.

Похвальныя надписи - - - 267.